

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (13)

Москва–Сыктывкар 2014

ISSN 2304-5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2014. № 1 (13).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),

ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Королев К.С. (Сыктывкар). Предки коми в Зауралье (по археологическим данным)	4
Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока.....	7
Сердюк И.А. (Полтава, Украина). Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в.	14
Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Эмиграция русских старообрядцев в Маньчжурию и Америку	19
Кринко Е.Ф. (Ростов-на-Дону). Динамика брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны	26
Тараканов М.Ю. (Нижний Тагил). Брачность и разводимость в г. Нижний Тагил в послевоенные годы (1946–1959)	31
Вавулинская Л.И. (Петрозаводск). Организованный набор рабочих в лесную промышленность Карелии во второй половине 1940-х –1960-е гг.	35

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Хлынина Т.П. (Ростов-на-Дону). «Черкесский вопрос» и Всероссийская перепись населения 2010 г.	39
Обедков А.П. (Сыктывкар). Особенности и проблемы формирования демографического и трудового потенциалов северных регионов России в постсоветский период.	43
Нарватова А.Ю. (Вологда). Демографическая обусловленность изменений уровня преступности несовершеннолетних в России в 1990–2000 гг.	50

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Историко-культурное место нижевычегодских памятников эпохи средневековья	55
Смирнов Ю.М. (Муром). Писцовые и строевые книги как источник по исторической демографии Мурома XVII в.: к постановке проблемы.	63
Курчатова Т.Т. (Якутск). Материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. в Якутской губернии как исторический источник	66
Якоб В.В. (Сыктывкар). Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. как источник по истории этнического состава населения Коми края	70
Мотревич В.П. (Екатеринбург). Кладбищенская документация как источник по истории нахождения иностранных военнопленных на Урале в 1942–1955 гг.	74
Киселев М.Ю. (Москва). Источниковедческие аспекты демографических исследований в фондах Архива Российской академии наук	78
Воробьев В.А. (Архангельск). Региональные законы роста населения	81

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2013 ГОД.....	83
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	86

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К.С. Королев*

Предки коми в Зауралье (по археологическим данным)**

«Югра» – название исторической области и обобщенный этноним предков хантов и манси. В результате новгородских походов в XII–XIII вв. югра, обитавшая первоначально преимущественно к западу от Уральских гор (предположительно бассейн верхней Печоры), постепенно перемещалась на Восток, в районе Нижнего Приобья, где уже во второй половине XIV в. оказались основные племена «югричей» [1].

Современные топонимические исследования фиксируют большое количество угорских названий на западном склоне Урала и в верховьях р. Печоры. Указанные районы издавна входили в зону хозяйственных интересов угров. Западнее данного региона преобладают коми топонимы. О древних контактах угров и предков коми-зырян свидетельствуют коми параллели угорским названиям рек и гор на западных склонах Северного Урала. Угры, по всей вероятности, не удалялись на значительное расстояние от Уральских гор [2]. В то же время археологические данные свидетельствуют об эпизодических посещениях небольших групп предков хантов и манси средневычегодского региона, вероятно, для охоты и рыбной ловли еще в конце I тысячелетия нашей эры [3].

Письменные источники свидетельствуют о начале переселения коми-зырян в Западную Сибирь в конце XVI – начале XVII в. [4]. Известно, что коми бывали в Зауралье и раньше. Они принимали активное участие в военных походах на «югру» в составе новгородских и московских ратей в XII–XV вв. [5]. Коми выполняли функцию проводников, переводчиков, способных быстро и безопасно вступать в контакты с угро-самодийским населением. Приспособленные к тяжелым походам в сложных условиях севера они передавали свой опыт русским колонистам [6]. Точных данных о времени первоначального проникновения коми за Урал до сих пор не было, однако многие исследователи полагают, что они давно знали «чрезкаменные» пути, по которым коми охотники на пушного зверя ходили далеко на восток — до бассейна Оби и далее.

Занимались они в Зауралье не только промыслом, но и торговлей, скупая меха ценных пушных зверей (соболя и др.) у местных жителей. Крупную роль в торговле с ненцами играли, например, городки с коми названиями Войкар (Северный город) и Уркар (Беличий город), представлявшие собой небольшие укрепленные городища, укрепленные валами. Исследователи Сибири признают, что города Обдорск и Мангазея были основаны при непосредственном участии коми и что названия их имеют коми происхождение [7]. При этом исследователи опирались на несомненное существование тесных контактов между предками коми и предками современных хантов, манси и ненцев, отмеченных в языке, топонимике, фольклоре и этнографии [8]. Самый древний путь в Зауралье проходил по притокам верхней Вычегды и Печоры, затем по притокам Оби (реки Ляпин и Северная Сосьва) он выводил в долину нижней Оби. Другой путь проходил южнее – по рекам Сыsole и Лузе, откуда в бассейн верхней Камы (земли коми-пермяков) и через Уральский хребет, по притокам Оби в долину Оби [9].

В конце 70-х – начале 90-х гг. XX в. археологи В.М. Морозов и С.Г. Пархимович на берегу Оби открыли три укрепленных средневековых городища (Октябрьский район Ханты-Мансийского автономного округа): Перегребное 1, Шеркалы 1 и 2. На городищах выявлены остатки срубных построек с печами-каменками. По мнению исследователей, «по своему устройству эти жилища напоминают традиционные коми-зырянские охотничьи избышки «вбр керка». Важную роль для определения этнической принадлежности жителей данных городищ играет вещевая материя, в первую очередь – керамические комплексы (всего найдено около 100 сосудов из глины). Сосуды имеют уплощенное и плоское дно, отогнутый венчик. Орнамент составляет гребенка, ёлочные узоры, оттиски розеточных штампов, наклепные валики и кружочки. В глиняном тесте посуды имеются примеси песка, дресвы и шамота. Авторы подчеркивают, что «такая посуда типична для вымских и северных родановских памятников Прикамья» [10].

---

* **Королев Клим Степанович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

На городищах найдены бусы, бронзовые украшения, аналогичные вымским и родановским: подвеска – птичка, бижорьковые подвески, грушевидные бубенчики. Уникальной находкой является бронзовый пояс, украшенный рельефными валиками, имеющий единственную аналогию на средневычегодском могильнике Шойнаты II [11]. Остеологические материалы с обских городищ свидетельствуют об охоте их жителей на лося, северного оленя, медведя, зайца и пушных зверей (бобра, куницу, соболя и т.п.). Они занимались и скотоводством (кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота). О занятиях рыболовством говорит обилие рыбных костей и железных крючков. На городищах Шеркалы 1 и 2 найдены пружинные ножницы для стрижки овец, аналогичные вымским XII–XIV вв. Авторы считают, что одним из основных занятий на городищах являлась выплавка железа (находки криц и шлаков), кузнечное производство и литье бронзовых украшений (находки тиглей и льячек). На городищах найдены около 100 ножей, десятки железных наконечников стрел, украшений из бронзы. По мнению исследователей, все это позволяет считать данные укрепленные пункты торгово-ремесленными центрами предков коми [12].

Приведенные выше обоснования в пользу коми населения городищ, свердловские археологи подтверждают еще и тем, что на городище Перегребное 1 вскрыты погребения, совершенные по обряду кремации на стороне. Известно, что аналогичные погребения известны по материалам вымских и средневычегодских могильников и в меньшей степени – северных родановских могильников. Исследователи полагают, что распространение вещей верхнекамского и вычегодского происхождения отражает не только торгово-обменные контакты, но и проникновение групп вычегодского населения в Нижнее Приобье [13]. На основе анализа материалов (жилищ, керамики, украшений, обряда погребения и т.п.) авторы раскопок относят их в основном к вымской и, частично, родановской культурам предков коми, к XII–XIII вв. [14].

В связи с вышеизложенным, нам представляется логичным несколько по-иному взглянуть на средневычегодскую племенную территорию предков коми-зырян, существовавшую в XII–XIII вв. и расположенную вдоль известного в средневековье водного пути по Вычегде, связывавшем северные русские земли с Припечорьем и Зауральем [15]. Рассматриваемый регион, представлявший собой по археологическим данным восточную окраину Перми вычегодской, являлся «порубежной» буферной территорией между вымским центром предков коми-зырян и угорскими племенами [16].

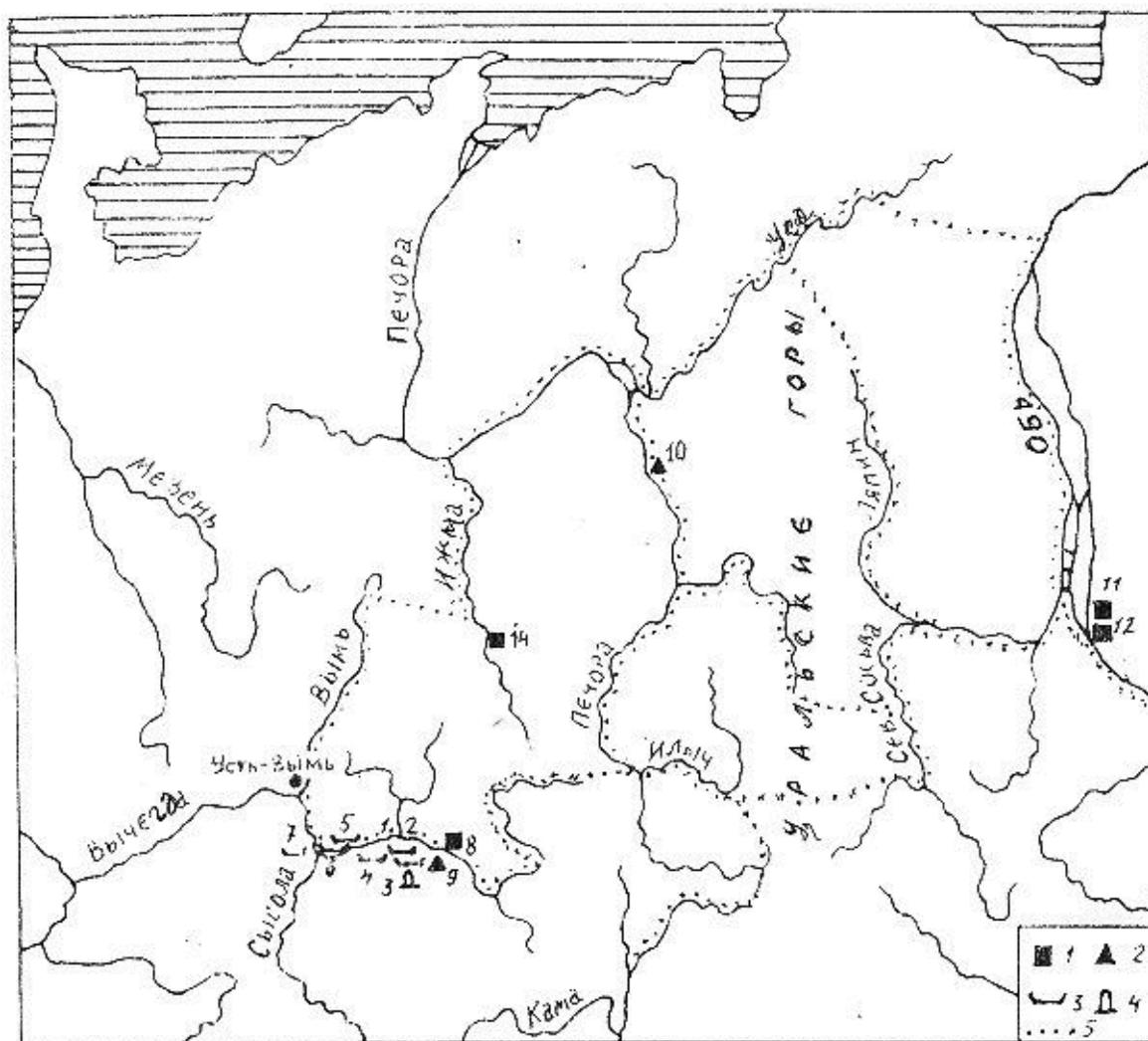
Можно предполагать, что являясь наиболее продвинутой на восток территорией, заселенной предками коми-зырян, она, естественно, могла служить и плацдармом, через который проходило с начала II тысячелетия постепенное проникновение промысловых групп коми в богатые пушным зверем просторы Припечорья, а затем и Зауралья. Открытие и исследование новых памятников – городища Новик и поселения Леваты, расположенных еще восточнее уже известных средневычегодских памятников предков коми, подтверждает это, а не противоречит данному предположению. Открытие памятников предков коми-зырян на Печоре и Ижме в 80-е гг. прошлого века документально подтверждает процесс постепенного проникновения небольших групп Перми вычегодской в бассейн Печоры, в западные предгорья Урала, преодолев которые, они имели возможность выйти в Зауралье.

Логично предположить, что последующие миграции коми-зырян в Приобье и Сибирь, зафиксированные в исторических документах XV–XVII вв., происходили в основном по тем же известным в древности путям. Древнекоми население городищ Перегребное и Шеркалы было впоследствии ассимилировано уграми, но историческая память их потомков («остяков») еще в XVIII–XIX вв. хранила воспоминания о предках коми.

Источники и литература

1. *Побережников И.В.* Ямал в XII – начале XX вв.: периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 6–7.
2. *Мусанов А.Г.* Обско-угорский компонент в топонимии Республики Коми // *Studia Juvenalia*. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 135–142.
3. *Королев К.С.* Городище Новик на средней Вычегде: средневычегодский локальный вариант Перми Вычегодской. Сыктывкар, 2003. 26 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 459).
4. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX вв. М., 1982. С. 102.
5. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 263–264.
6. *Побережников И.В.* Ямал в XII – начале XX вв.: периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 12.
7. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX вв. М., 1982. С. 102.
8. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX вв. М., 1982. С. 3–10.
9. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 177; *Красильникова Э.Д.* Торговля и торговые люди Коми края в XVII веке. Сыктывкар, 1972. С. 7, 53. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 5); *Побережников И.В.* Ямал в XII – начале XX вв.: периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 9–10.

10. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УРГУ. Екатеринбург, 1997. № 7. С. 10–11; Городище Перегребное 1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 89–99.
11. Королев К.С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. С. 25. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 46); Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УРГУ. Екатеринбург, 1997. № 7. С. 10–11.
12. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УРГУ. Екатеринбург, 1997. № 7. С. 15.
13. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. С. 214.
14. Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия УРГУ. Екатеринбург, 1997. № 7. С. 8.
15. Королев К.С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. С. 3–37. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 46).
16. Королев К.С. Восточная «порубежная» территория Перми вычегодской // Север Евразии: этнокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 29.

Карта-схема Северного Приуралья.

Условные обозначения: 1 – городище; 2 – поселение; 3 – могильник; 4 – святилище; 5 – пути проникновения предков коми в Приуралье и Зауралье в XII–XIII вв.

Археологические памятники, упомянутые в статье: 1 – могильник Шойнаты II; 2 – могильник Шойнаты III; 3 – святилище Джуджыдья; 4 – Нёбдинский могильник; 5 – Пезмогский могильник; 6 – Озельский могильник; 7 – УстьСысольский могильник; 8 – городище Новик; 9 – поселение Леваты; 10 – поселение Зыбун-нюр III; 11 – городище Перегребное 1; 12 – городища Шеркалы 1–2.

Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока**

История разбросала финно-угорские народы по разным частям Евразии – от Западной Сибири до Прибалтики, от Северного Ледовитого океана до Дуная. Постепенное дробление, распад их древней общности, а также ряд других важных этапов развития финно-угорских народов оказываются весьма тесно связанными с глобальными изменениями климата, на значение которых в истории человеческой цивилизации обращали внимание в той или иной мере многие российские и зарубежные исследователи [3; 4; 8–13; 16; 17; 51; 52].

Например, «рождение» коми народа стало в известном смысле следствием именно климатических изменений, произошедших на рубеже I и II тысячелетий н.э., в период потепления климата. Исследователи называют этот период (VIII–XIII вв.) малым климатическим оптимумом. В начале указанного периода в Вычегодском крае и на верхней Мезени проживали племена сложившейся в VI–VII вв. **ванвиздинской археологической культуры**, этническая принадлежность которой – один из наиболее дискуссионных аспектов проблемы происхождения коми [35; 40; 43, с. 314–317; 44]. Говоря коротко, можно отметить следующее. Во-первых, ванвиздинцы, бесспорно, сформировались в результате смешения целого ряда этнических групп с различной численностью и различным ареалом расселения на территории Европейского Северо-Востока. Во-вторых, не представляется возможным выделить какой-либо компонент, сыгравший бы определяющую роль в формировании населения на всей без исключения территории, занятой ванвиздинской культурой. В различных частях ванвиздинского ареала в указанном процессе на местном уровне могли доминировать различные этнические компоненты, в том числе пермский (племена гляденовской общности – предки коми и коми-пермяков); а то, что местное гляденовское население участвовало в сложении ванвиздинской культуры, несомненно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. Как отмечал, в частности, Л.Н. Жеребцов, «нет оснований выделять ванвиздинский период из круга финно-пермских культур и считать его привнесенным со стороны» [18].

Определенную роль в формировании ванвиздинских племен могли сыграть и, полагаю, сыграли западно-финские племена (представители прибалтийско-финской общности). Гипотеза о принадлежности ванвиздинцев к угорской общности представляется мне не вполне убедительной, поскольку, во-первых, активное продвижение обских угров из-за Урала в бассейн верхней Печоры и Вычегды соотносится как раз с периодом малого климатического оптимума, а ванвиздинская культура, как уже говорилось, возникла раньше, когда зауральские угры пытались освоить более южные территории Приуралья (Прикамье). Что же касается возможного участия в формировании ванвиздинцев другой ветви угорской общности (протомадьяр), то если они под воздействием Великого переселения народов, давления тюркских племен действительно из южных регионов добрались до Вычегодского края, то, несомненно, в весьма небольшом количестве и не могли оказать сколь-либо существенного влияния на формирование этнокультурной картины региона. Очевидно, протомадьяр, как и их зауральских собратьев, больше привлекала более южная, прикамская часть Приуралья, где протомадьяры появлялись, в частности, в конце IV в. [6, с. 285, 289, 309].

В самом начале климатического оптимума под влиянием вызванных климатическими изменениями бурных миграций окончательно завершился распад прапермской общности, некогда объединявшей предков коми (зырян), коми-пермяков и удмуртов. (Именно к этому времени, к VIII или IX вв. лингвист П.Хайду относит завершение процесса расхождения пермских языков [46, с. 49, 173, 200]). В IX в. на верхней Каме и ее притоках сложилась родановская археологическая культура, принадлежавшая предкам коми-пермяков. Основную роль в ее возникновении сыграли племена ломоватовской археологической культуры (сложившейся в VI–VII вв. одновременно с ванвиздинской культурой; вероятно, ломоватовская и ванвиздинская культуры были родственны) [23; 36]. Некоторое участие в формировании родановцев приняли небольшие группы обско-угорского и ненецкого населения, приходившие в Прикамье из Северного Зауралья и предгорий Северного Урала. С верховьев р.Чепцы в верховья Камы и в верховья Иньвы и Обвы переселялись удмурты, ассимилированные затем коми-пермяками. Кроме того, в состав северных родановских племен вошли и выходцы из Вычегодского края – вначале ванвиз-

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

динцы, появившиеся в Северном Прикамье в VII–IX вв., а затем, с рубежа I–II тысячелетий – древние коми-зыряне (пермь вычегодская) [23; 36]. Особенно значительным было участие переселенцев из бассейна Вычегды (и конкретно с р.Сысолы) в формировании зюздинских коми-пермяков на верхней Каме. Некоторое время Верхоякамье и Верхняя Сысола составляли одну административно-территориальную единицу [15]. Ряд исследователей говорит о близости верхнесысольских коми и верхнекамских коми-пермяков. Об этом свидетельствуют, в частности, данные языкознания (большое сходство между диалектами, на которых говорят верхнесысольцы и зюздинцы) [18; 20]. Наконец, в состав коми-пермяков вошел и определенный славянский компонент.

Севернее, в Вычегодско-Вымском крае, двумя веками позже складывается археологическая культура перми вычегодской – предки коми (зырян). Проблема ее происхождения по-прежнему является дискуссионной. Согласно одному мнению (выдвинутому археологом В.И. Канивцом и развитому и наиболее последовательно отстаиваемому археологом Э.А. Савельевой), эта культура (называемая также вымской) сформировалась на основе древнекоми ванвиздинской культуры и генетически связана с ней; пермяне вычегодские (древние коми-зыряне) являются, таким образом, автохтонным населением Вычегодского бассейна. Данная точка зрения отрицает какие-либо значительные перемещения населения из Прикамья в Коми край и участие камских переселенцев в формировании пермян вычегодских как не подтвержденные археологическими материалами [1; 40–45].

Вторая точка зрения, напротив, предполагает ведущую роль переселенцев из Прикамья в формировании культуры перми вычегодской. Местное ванвиздинское население (не древнекоми, но родственное ему западно-финское, угорское или какое-либо иное) было ассимилировано переселенцами. Определенное участие в сложении пермян вычегодских группы славяно-русского и волжско-финского населения также не отрицается. Языковеды В.И. Лыткин и В.А. Ляшев ссылались при этом на лингвистические данные. Археологи Г.М. Буров и А.М. Мурыгин обращают внимание на археологические данные, говорящие, по его мнению, о такой близости перми вычегодской и родановской культуры по ряду признаков, которую можно объяснить лишь переселениями раннеродановского населения в бассейн Вычегды. Этнографы Л.П. Лашук и Н.Д. Конаков в подтверждение этой же точки зрения указывают на резкую смену хозяйственно-культурного типа населения Вычегодского бассейна на рубеже I и II тысячелетий н.э. [5; 29; 33; 34; 35].

Как представляется, истина должна быть где-то посередине между двумя этими воззрениями. (В этом плане представляются весьма перспективными изучение Н.Н. Балиной локальных вариантов ванвиздинской и вычегодской культур, Т.В. Истоминой – сысольских памятников перми вычегодской, ряд наблюдений К.С. Королева в отношении средневековых средневычегодских памятников). Можно предложить следующую гипотезу. Вероятно, в формировании древних коми участвовали две основные этнические группы – как местное ванвиздинское население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы были родственными между собой), но роль их в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На Выми и нижней Вычегде, очевидно, главным элементом стали ванвиздинцы, а на Сыsole и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, до сих пор не найдено ванвиздинских археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

Еще раз подчеркну, что «рождение» коми народа стало, в известном смысле, следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, еще в VIII в., когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов (замечу в скобках, что развитие земледелия и животноводства в Вычегодском крае, на территории, заселенной ранее ванвиздинцами, стимулировалось не только перениманием опыта пришельцев-южан, но и самими климатическими изменениями, позволившими «бывшим ванвиздинцам», становившимися в той или иной мере пермью вычегодской, получать от производящих форм хозяйства куда большую отдачу, чем это было бы возможно ранее). Безусловно, эти переселения являлись не единым актом, произошедшим в течение относительно короткого отрезка времени. Это был длительный процесс, занявший не одно столетие, состоявший, вероятно, из нескольких этапов или миграционных волн, причем миграции шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий. Такого мнения придерживался, в частности, Л.Н. Жеребцов [18].

Едва сформировавшись, древние коми столкнулись с новыми волнами переселенцев. На территорию племен перми вычегодской на заключительном периоде климатического оптимума, с XII в., с востока стали продвигаться обские угры, с запада – славяне. Обские угры и самодийцы в этот период, очевидно, окончательно осваиваются в Северном При- и Зауралье. Обские угры (и, в частности, вогулы, т.е. древние манси) в XII в. все более активно обживают берега Вычегды, тесня обитавших там древних коми [7; 18; 19; 47; 48]. По данным археологов, древние коми обитали в районе современных Сторожевска и Пезмога в XII в., а затем были вытеснены оттуда вогулами [31, с. 139–191]. Возможно, в это время имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край.

Уже по крайней мере в XI в. Новгородская республика предпринимает шаги по установлению контроля и над территориями обитания финно-угорских народов Севера. Малый климатический оптимум сделал их земли более доступными, поскольку плавать по главным для той эпохи морским и речным путям стало куда проще. (Именно вследствие благоприятной ледовой обстановки в северных морях во второй половине I тыс. н.э. и особенно в IX–X вв. оживились морские набеги скандинавов на восточное побережье Балтики и, в частности, на территорию Эстонии [2, с. 28; 24, с. 10; 50, с. 102]. Имели место и набеги викингов на север нынешней России, в так называемую Биармию, населенную, очевидно, финно-угорскими народами, которая, как полагают многие исследователи, располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии. А в 1100 г. начался «период крестовых походов» шведов в восточную Прибалтику [25, с. 269]). В «Повести временных лет», составленной в XII в. и включившей в себя более ранние летописи XI столетия, упоминаются жившие на северо-востоке Европы народы «пермь» и «печера», которые «дань дают Руси» (и конкретно Новгороду). В 1032 г., согласно тому же документу, состоялся неудачный поход новгородского воеводы Улеба «на Железные врата» (возможно, к Уралу). В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправленных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье). Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г. Как подчеркивает исследователь истории климата Е.П.Борисенков, в период потепления в X в. новгородцы вышли на берег Русской Арктики, а в 1132 г. ходили к Железным воротам, (под которыми, предположил ученый, подразумеваются Карские ворота), что указывает на сравнительно благоприятные ледовые условия в XII в. [2, с. 28].

Поначалу эти события не сопровождалось массовыми миграциями, колонизацией территории. Но в XII в. на землях древних коми, живших тогда значительно западнее нынешней территории их расселения, появились русские переселенцы, постепенно осваивавшие финно-угорский север, ставший в силу потепления более привлекательными для земледельческого населения более южных районов. Э.А. Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление древнерусских городищ на нижней Вычегде и Выми [42]. Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то в более западной части территории расселения древних коми (пермян вычегодских) складывалась иная ситуация. Продвигавшиеся туда новгородцы и суздальцы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII в. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне (где могли жить пермяне), Лузе и низовьям Вычегды, где, несомненно, имелось древнекоми население. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы.

В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Северной Двине и ее западных притоках пермяне и представители других финно-угорских этносов были, за небольшими исключениями, ассимилированы. Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу.

Проникновение русских в Прикамье и, в частности, в районы расселения древних коми-пермяков, началось на исходе XII в. **В конце XII в. суздальцы создают первые опорные пункты на северных подступах к Уралу, стремясь сдержать проникновение новгородцев.** В свою очередь, в конце XII – начале XIII в. на Вятке появился ряд новгородских укрепленных городков. Миграция русских в Приуралье усилилась в XIII–XIV вв. Часть русских переселенцев оседала в коми-пермяцких населенных пунктах, входила в состав их соседских общин [23; 36].

В последующее время ситуация стала меняться. Климатический оптимум завершился, и в XIV в. маятник природы качнулся в обратную сторону: началось постепенное похолодание. Следствием усилившейся в период перехода от климатического оптимума к климатическому минимуму внутрисезонной изменчивости климата с присущими ей такими климатическими экстремумами, как засухи, наводнения, тайфуны и др., стали учащавшиеся и усиливавшиеся неурожаи; в частности, Е.П. Борисенков отмечал, что потепление прекратилось в Европе примерно в начале XIV в. [2, с. 25], как раз накануне неурожая 1310-х гг. Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий приводят данные о целой серии стихийных бедствий, имевших место в конце 1330-х и первой половине 1340-х гг. и отраженных в русских летописях [3, с. 88–92]. У северных финно-угров земледелие еще не играло в XIV в. доминирующей роли, так что неурожаи для них не могли иметь катастрофических последствий. Население Коми и Коми-Пермяцкого края росло.

В том же XIV в. усилился приток русских крестьян в западные районы Коми (на нижнюю Вычегду, нижнюю Лузу); даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, возникло русское поселение – Усть-Вымский городок.

В XIV – начале XV в. появилось оседлое русское население на свободных землях Верхнего Прикамья. В XV в. процесс русской колонизации Коми края и Верхнего Прикамья продолжался и даже усиливался. Впрочем, наибольшее число переселенцев оседало в Подвинье, постепенно превращавшемся из финно-угорского в Русский Север, а в других районах финно-угорские народы продолжали доминировать; несмотря на некоторое сокращение территории расселения, их абсолютная численность в XV в. продолжала увеличиваться.

Даже в первой половине XVI в., **несмотря на вполне явственно проявившееся похолодание климата**, население еще продолжало расти. По мере увеличения численности населения возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома. Начался промысел зверей: их становилось все меньше [13; 16; 17; 29].

В этих условиях все большее значение в хозяйстве коми приобретали земледелие и животноводство, к которому они приноровились в период климатического оптимума. Правда, земледелие приобрело доминирующее значение довольно поздно. Даже в начале XVI в. **по слова польского историка той эпохи М. Меховского, в Пермской (Коми) земле, Карелии и Югре «не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии, и пьют только воду»** [45]; впрочем, в трудах западных авторов излагались, как правило, сведения, относившиеся к существенно более раннему времени – информация, передававшаяся «из уст в уста», запаздывала на десятилетия. В первой половине XVI в. земледелие играло важное место в хозяйстве жителей Коми, став во многих районах (особенно южных) ведущим источником пропитания (аналогичная ситуация складывалась и в других финно-угорских регионах, например, в Карелии и даже в далекой Венгрии, где именно в XVI в. также наблюдался, по выражению историка Л. Контлера, «сельскохозяйственный бум» [30, с. 174]).

Но в середине столетия ситуация изменилась. Удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах довольно скоро оказались заняты. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли перестало хватать, начался «земельный голод». Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Если первые десятилетия XVI в. были еще относительно если не благоприятными, то, по крайней мере, терпимыми, то затем резко возросло количество экстремальных природных явлений. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.) [4, с. 189]. Это приводило к неурожаем, подрывавшим хозяйство крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. К тому же по мере похолодания климата тайга стала наступать на и без того немногочисленные открытые пространства, луга зарастали или в условиях повышенной увлажненности заболачивались.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель люди обращали взоры к соседним оставшимся еще необжитыми или слабозаселенными районам. Переселениям коми на восток и север поначалу препятствовали враждебные отношения с обским уграми (вогулами) и самодийцами (самоядь), а переселениям на юг (в частности, на Летку) – с русскими (вятичами). Но «вогульская» и «самоядская» проблемы в XVI в. **решились сами собой**: обские угры откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал, а ненцы, вероятно, перестали посещать верхнюю Мезень и среднюю Ижму. Можно предположить, что эти события были связаны с упоминавшимися выше воздействиями климатических изменений на некоторые ландшафтные изменения, вследствие которых для кочевых угро-самодийских народов перечисленные районы перестали представлять интерес. Вследствие этого коми получили возможность в середине и второй половине XVI в. начать освоение верхней Мезени, Ижмы, района близ впадения Сысолы в Вычегду (где появилась нынешняя столица Коми – Сыктывкар) и двигаться дальше вверх по Вычегде. (Аналогичная ситуация была в Карелии, где жители мигрировали на восток, на Олонецкую равнину и к Онежскому озеру, и на север, в Лопские погосты и к Белому морю. Эти переселения значительно усилились в XVI столетии [22, с. 116–117, 139, 143]). Однако такие миграции относительно избыточного населения могли принести лишь временное облегчение.

Дополнительные трудности для этнодемографического развития вызывал и продолжавшийся приток на финно-угорские земли русских крестьян. Если в более плодородной Венгрии, где в XVI в. также имела место значительная иммиграция славян, это процесс не имел сколь-либо существенных негативных последствий для венгерского населения, имевшего свою государственность [30, с. 203], то на севере с его скудными почвами появление многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом независимо от чьего-либо желания создавало как для традиционного местного охотничье-рыболовческого хозяйства, так и для производящих отраслей хозяйства (возникла естественная конкуренция за угодья). В конце XV–XVI вв. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, населенных самодийцами, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали

большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде – до р. Яренги и деревни Межог (на нижней Вычегде коми, однако, жили еще и в XVII в.). Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, росло крупное землевладение, что сопровождалось усилением крепостничества, когда вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений все более массовые масштабы принимало бегство крестьян из центральных районов страны на Север. Кроме того, на восток стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель [27, с. 79; 28, с. 233, 237].

Однако похолодание климата сделало северные земли с их скудными северными почвами далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как в предшествовавшие столетия. Поэтому, когда перед русскими крестьянами открылись просторы Поволжья, Приуралья, Сибири, то тысячи переселенцев устремились на эти территории и, в частности, на земли марийцев и мордвы. Исследователи отмечают значительный приток русских в Марийский и Мордовский края во второй половине XVI в. Так, из 92 селений Арзамасского уезда конца XVI в. только 46 оставались чисто мордовским, во всех остальных наличествовали и русские жители [38, с. 71, 84, 110; 39, с. 102–103]. Массовый приток переселенцев на этническую территорию коми прекратился, а имевшие место в конце XVI – XVII в. миграции уже не оказывали былого воздействия на развитие карельского и коми этносов. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию Коми края следует, в частности, связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII в., о которой писал Л.Н. Жеребцов [18].

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI–XVII вв. В частности, участвовавшие стихийные бедствия приводили к неурожаю, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. Русские летописи, в частности, полны сообщений о «хлебном недороде» и «великом гладе». С климатическим минимумом был связан острый демографический кризис, проявившийся в замедлении прироста населения, а в ряде случаев – и в сокращении числа жителей в коми и других финно-угорских регионах.

Во второй половине XVI в. сократились пашня и численность населения в обширной и самой населенной Вычегодской земле. И в конце XVI – начале XVII в. в ряде волостей Коми уменьшилось число жителей. Так, в 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермь (т.е. коми – Авт.) многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих событиях Вычегодско-Вымская летопись. Во второй половине 1630-х – начале 1640-х гг. из-за новой череды сильнейших неурожаев, «хлебной скудости», голода, высокой смертности, бегства населения в более «хлебородные» регионы численность коми заметно сократилась, причем некоторые районы (Вымская земля, Прилузье) обезлюдели почти наполовину [15]. Коми и коми-пермяки мигрировали в Сибирь. Во второй половине 20-х – середине 40-х гг. XVII в. из Коми края в различные регионы ушли более тысячи человек, более 800 из них – в Сибирь (причем это минимальное число, которое удалось установить по весьма неполным источникам), что для коми народа, насчитывавшего в середине XVII в. только 15–16 тыс. чел., было весьма значительной долей [15]. Тяжелейшие последствия имел возврат холодов в 1690-е гг. «Вологодская летопись» информирует, что в 1695 г. на Севере Европейской России повсеместно «хлебы не ссыпели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит». Многие переселились из Коми края в Сибирь и на Урал: только по данным переписных книг, очень неполным, в конце XVII – начале XVIII в. туда ушли 817 чел. [14; 15].

То же самое можно сказать о Карелии и Эстонии, где во второй половине XVI в. произошла демографическая катастрофа. Если в середине XVI в. в Эстонии проживало не менее 250 000 чел., то к исходу столетия здесь осталось около 100 000 [50, с. 108; 24, с. 27]. В Карелии в начале XVII в. обитаемых поселений осталось меньше, чем опустевших [37, с. 83, 108–109; 22, с. 136–138]. Неблагоприятные погодные условия 1690-х гг. вызвали неурожай и голод, разорение, бегство значительной части жителей Карелии. Частыми были неурожаи и в первой четверти XVIII в.; значительная часть пашни запустела [37, с. 164–165; 22, с. 142–143]. Эстонию в 1695–1697 гг. охватил голод, погибло 70–75 тыс. чел., примерно пятая часть населения Эстонии. [24, с. 30, 32, 37; 50, с. 110]. Потрясения малого ледникового периода второй половины XVI – начала XVIII в. стали губительными для ливов, под воздействием голода, эпидемий, войн постепенно исчезавших с лица земли. В Финляндии заморозки постоянно портили посевы, а самым жестоким оказался неурожай 1696 г., из-за которого четверть или даже треть населения Финляндии погибла от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших жителей [49, с. 47].

В Венгрии в начале XVII в. система расселения пришла в упадок, сельские поселения пустели и подолгу (а то и вовсе) не восстанавливались, население умирало от голода. В 1720 г. в Венгрии было обработано менее 2,4% пахотных земель, население из-за голода, войн и чумы сократилось на несколько сот тысяч человек, стало крайне малочисленным (малочисленным, замечу в скобках, по западноевропейским меркам) и бедным, запустели

многие поселения. В одном из районов Венгрии осталось два жилых поселения из 64, в другом – два из 200 [30, с. 203, 211, 245; 32].

В Мордовии, где на голодные годы также наложились кровавые события «Смуты», многие жители «вымерли, а иные побиты в смутное время..., а тех мертвой мордве... жены да их и дети вымерли, и инья побиты...», сообщает документ [38, с. 90, 111]. Убыль населения в первой четверти XVII в. из-за голода, бегства от нищеты, гибели во время восстаний и военных действий отмечалась и в Марийском крае [39, с. 114–115; 21, с. 27]. В начале XVIII в. численность жителей Марийского края сократилась из-за вызванного неурожаями голода и бегства, а также болезней. Особенно много народу ушло из Мари в 1707–1712 гг. Некоторые уезды опустели на четверть, а то и наполовину [21, с. 45, 46]. Многие переселились в Башкирию, на Урал, в Сибирь. Так, казанский губернатор (большая часть марийских земель относились к этой губернии) докладывал в 1714 г., что к башкирам ушли многие «ясачные люди». В 1730 г. отмечалось, что за 20 лет население Башкирии резко возросло; в частности, «казанские черемисы перешли в Башкирию с ясаков целыми селами и деревнями» [22, с. 133; 25, с. 457–470; 26; 38, с. 122, 124–125; 39, с. 124, 152, 159, 160].

В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие коми и большинства других финно-угорских народов вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства, не стало столь частых и губительных неурожаев, как в предыдущем столетии. Конечно, сильные неурожаи порой еще случались, поскольку малый ледниковый период хотя и шел на убыль, но еще продолжался. Вслед за тем как климат постепенно становился более теплым и благоприятным для сельского хозяйства, все более позитивно развивались и демографические процессы (особенно в XIX в.). Росла численность населения. Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселениям в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в нижнее Приобье и на Кольский полуостров [14].

Таким образом, несомненным представляется негативное воздействие климатических изменений на демографические процессы у финно-угров. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях ведения военных действий кризисные явления значительно усиливались и протекали значительно острее, чем в не затронутых войной регионах.

Источники и литература

1. Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
3. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
5. Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.
6. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
7. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
8. Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. Новосибирск, 1983.
9. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1994. С. 33–35.
10. Жеребцов И.Л. Климат в древней истории финно-угорских народов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 2010. № 1. С. 87–92.
11. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000.
12. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. М., 2000. № 7. С. 71–75.
13. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Идентичность и изменяющийся мир. (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, г. Ханты-Мансийск, Россия, 2008 г.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 31–47.
14. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
15. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
16. Жеребцов И.Л. Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера // Историческая демография. Москва; Сыктывкар, 2010. № 1. С. 4–19.
17. Жеребцов И.Л. Малый ледниковый период в истории финно-угорских народов Европы // Финно-угорский мир. Саранск, 2010. № 1. С. 30–34.
18. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
19. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
20. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
21. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999.
22. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
23. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
24. Кахк Ю., Сийливаск К. История Эстонской ССР. Популярный очерк. Таллинн, 1987.

25. *Киркинен Х.* Рождение Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
26. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
27. *Колесников П.А.* Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
28. *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
29. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
30. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
31. *Королев К.С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
32. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
33. *Лаиук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972.
34. *Лыткин В.И.* Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 48–69.
35. *Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
36. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в. Иркутск, 1990.
37. Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1.
38. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1.
39. Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965.
40. *Савельева Э.А.* Пермь Вычегодская. М., 1971.
41. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
42. *Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. М., 1995.
43. *Савельева Э.А., Королев К.С., Истомина Т.В.* Коми // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
44. *Савельева Э.А.* Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2001. Т. 1. С. 15–61.
45. *Савельева Э.А., Королев К.С.* Древние рукописи о перми вычегодской. Сыктывкар, 1997.
46. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
47. *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
48. Этническая история народов Севера. М., 1982.
49. *Ютиккала Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
50. *Ярв А.* История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
51. *Lamb H.H.* Climate: Present, past and future. London, 1881. Vol. 1, 2.
52. *Landcebery N.E., Dooglas K.* Fragmentary accounts at weather and climate in America (1000–1670 DC) and on coastal storma to 1825 // Technical Note BN-1029. University of Meryland, 1984. XI.

Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в.

Демографические параметры детской смертности в Раннее Новое время довольно подробно исследованы на материалах Западной и Центральной Европы. А вот украинская историография предлагает только констатацию самого факта высокой смертности детей и ограничивается несколькими исследованиями ее размеров. На первый взгляд, подобные штудии не должны вызывать существенных осложнений, ведь они имеют практический характер и могут основываться на «западных» методиках, приспособленных к «нашим» источникам. Однако специфика отдельных источников может вводить в заблуждение как на этапе вычислений размеров (коэффициентов) смертности, так и их толкований.

Следовательно, в данном исследовании я попытаюсь рассмотреть два взаимосвязанных сюжета – основные параметры детской смертности и точность (достоверность) данных исторических источников. Для подобных исследований традиционно используются метрические книги, поскольку они имеют отдельный раздел «о усопших» с указанием возраста умерших. Материалы одного прихода применяют для «продольных» исследований смертности, преимущественно в смысле ее сезонных или годовых колебаний в отдельном населенном пункте. Для «поперечного» среза необходим более массовый материал – например, сводные метрические сведения всех церквей епархии. Подобная информация является ценной, поскольку дает основания говорить о смертности на основе материала большого объема, а также сравнивать ее значение на уровне отдельных протопопий.

Детскую смертность и точность метрического учета попробуем рассмотреть на основании сводных метрических сведений церковью Киевской епархии за 1778 г. Дело на 58 листах представляет собой сводные сведения о браках, рождении и смерти в отдельных протопопиях. В конце есть обобщающие таблицы, в том числе и информация, сколько людей какого возраста мужского пола умерло за год в 962 приходах епархии, всего же таких значится 15040 чел. [1]. Таким образом, мы имеем дело с довольно массовыми данными, уже беглый взгляд на которые позволяет получить некоторое представление о структуре смертности. Для визуализации последней воспользуемся соответствующим графиком, на оси X которого представлено число записей о смерти, а на оси Y – возраст умерших (см. график).

Как видим на графике, смерть в Киевской епархии была прерогативой маленьких детей. Уровень смертности прогнозируемо наибольший среди детей в возрасте один год, далее он постепенно уменьшается и стабилизируется после 6-7 лет, что в целом соответствует так называемому парадоксу детской смертности, по которому уровень последней резко уменьшается с каждым прожитым годом до достижения 5-летнего возраста. Необходимо заметить, что действие парадокса хорошо проявляется, прежде всего, в традиционных обществах с высокой детской смертностью, а в наше время постепенно нивелируется с развитием знаний о новорожденном, лучшим уходом и т.д. Хотя и при этом, например, в России этот парадокс был окончательно преодолен в 2002 г. [2]. Соответственно в исторической демографии используется коэффициент «вероятности дожития до пятилетнего возраста». По подсчетам Елены Замуры, такой коэффициент для населения городка Сорочинцы Миргородского полка составлял 0,420 [3]. Это означает, что только 420 сорочинских детей из 1000 (т.е. меньше половины) имели шансы дожить до пяти лет, иначе говоря, ребенок крещеный в Сорочинцах имел больше шансов умереть, нежели стать взрослым. Мои вычисления аналогичного коэффициента для соседнего сотенного городка Ярески в 1762 – 1766 гг. показали почти аналогичное значение – 0,460 [4].

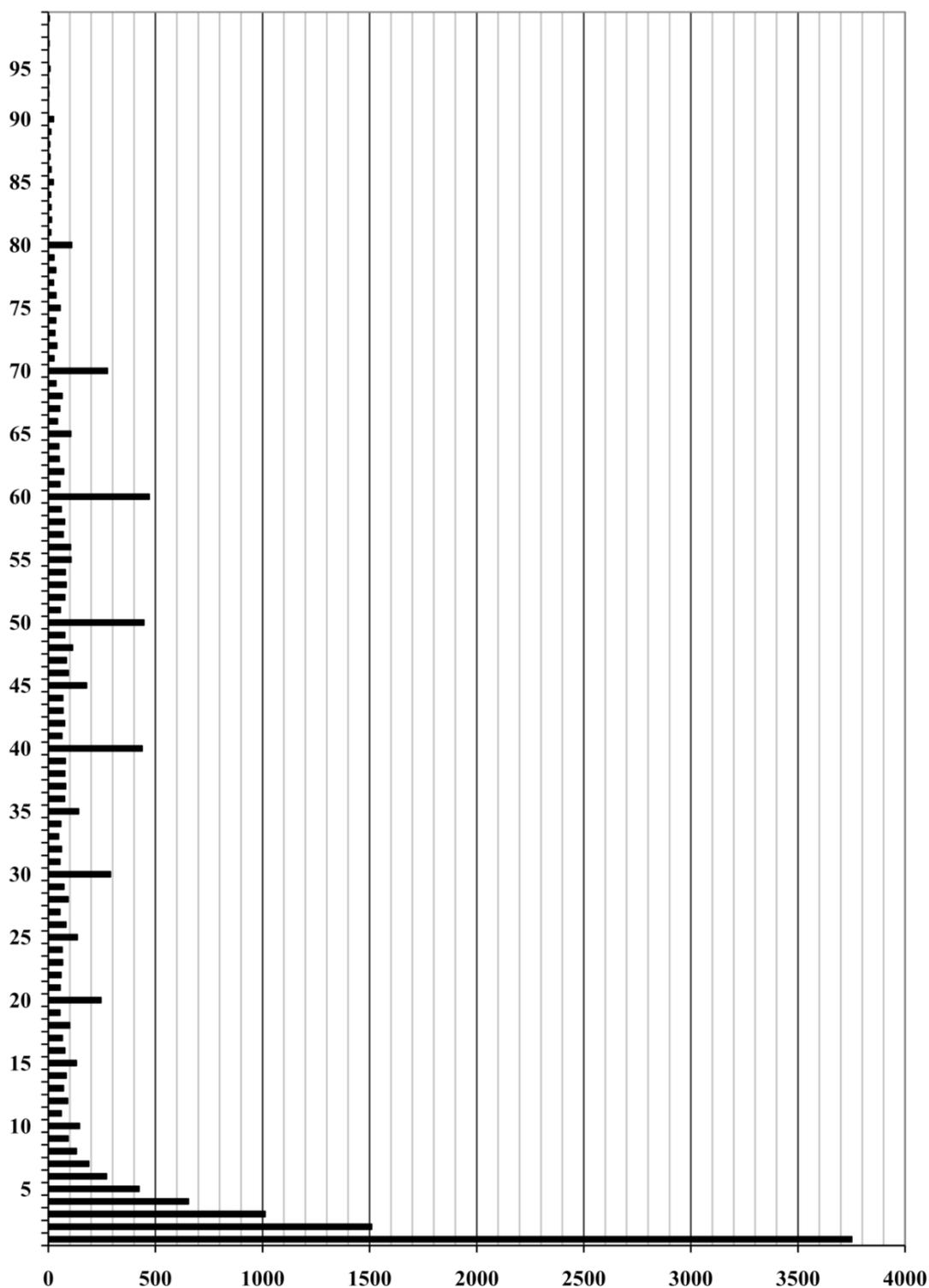
По данным источника, 24,9% всех умерших Киевской епархии составляли дети в возрасте 1 год, а 48,9% – в возрасте до 5 лет, т.е. каждый второй умерший в епархии был ребенком до 5 лет. Годовалый возраст был своеобразной «зоной риска». Этот факт акцентирует внимание на «неонатальной смертности» (это понятие обозначает смертность детей до 28-дневного возраста). Специальных исследований подобной смертности в Раннее Новое время найти не удалось (встречаются лишь констатации ее большого уровня), однако даже по состоянию на 80-е гг. в странах Западной Европы доля умерших на первом месяце жизни составляет 60–80% умерших в возрасте до одного года. Основными ее причинами считаются врожденные пороки развития, родовые травмы, асфиксии, пневмонии, диагностика и лечение которых затруднены даже сегодня [5].

Раньше такие проблемы должны были возникать чаще, хотя бы из-за неблагоприятных условий родов и уровня так называемого «акушерства». Проблема неонатальной смертности заставляет задуматься о значительном пласте детской смертности, который не был зафиксирован в учетной документации. Метрическая книга

---

* **Сердюк Игорь Александрович** (Полтава, Украина) – ассистент кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленка, LugarOK@gambler.ru.

XVIII в. фиксировала акт крещения, а не рождения, поэтому между этими событиями проходило определенное время (минимум неделя), за которое часть детей могла умереть. В дневнике украинских священников Кернецких (1780-е гг.) есть записи об исключительных крещениях в день рождения: «ради опасности страха смертного» [6].

Структура смертности населения Киевской епархии (1778 г.).

Необходимо отметить, что недоучет смерти младенцев – явление распространенное не только в ранне-модерное время, но и сегодня. Размеры и причины этого явления в разные времена были разные, однако общим является воздействие на достоверность определения уровня смертности. Например, по состоянию на 2008 год уровень младенческой смертности в Украине по национальным данным составил 9,8‰, а по данным ВОЗ – 14‰ [7]. Исходя из этого, повышение качества метрического учета может «повышать» и фиксируемый уровень детской смертности. Подобные тенденции могли проявляться в росте ее уровня по данным источников XIX в., когда требования к метрическому учету стали более строгими. К сожалению, в Украине подобные исследования не представлены, но показательным можем считать пример российского города Барнаул, где на 1877–1886 гг. дети до 4-х лет составляли 57,3% всех умерших [8], что существенно выше, чем в Гетманщине за сто лет до этого.

Однако в данном случае корректнее говорить о лучшей регистрации, а не о разных уровнях. Ярким свидетельством этого является ситуация в том же Барнауле. В городе выделяется Покровский приход, священники которого наиболее тщательно вели учет смертей, в частности они старались как можно точнее отразить возраст младенцев на момент смерти, о чем свидетельствуют вариации записи этого возраста: «2 недели», «7 дней», «2 дня», «1 час» [9]. Следовательно, дети 0–4 лет там составляли 62,4% всех умерших. Сравнивая размеры смертности на разных территориях и в разное время, нужно стараться отделять «мух от котлет».

Точность определения уровней смертности также зависит от правильности/неправильности указания возраста умерших. Поэтому мы приходим к другому аспекту – достоверности данных метрических книг. На этом же рисунке заметны всплески смертности людей, чей возраст заканчивается на 5, а особенно на 0 (назовем условно их юбилеями). Большой процент юбилеев обусловлен спецификой отношения к возрасту в то время, когда человек его часто не знал, а также навеян так называемым устным счетом десятками [10].

О том, что подобные ошибки были распространенным явлением в церковной документации и церковное руководство пыталось с ними бороться, свидетельствуют митрополичьи распоряжения того времени. В частности, митрополит Арсений Могилянский своим распоряжением от 27 февраля 1759 года обязывал священников сверять возраст прихожан с предыдущими записями. Он также распорядился ежегодно прибавлять в записях по одному году, а не писать возраст со слов прихожан. Впрочем, исследования украинского историка Виталия Дмитренко дают основания утверждать, что данный указ не привел к кардинальному улучшению точности фиксации возраста в исповедных росписях. Последние считаются точнее метрических книг в плане указаний возраста, однако тоже были далеки от идеала, даже тогда, когда фиксировали семью священника, который вел записи и должен был знать возраст своих родных [11].

Наблюдения над подобными ситуациями заставили исследователей попытаться выработать инструментарий верификации учетных источников. На сегодня наиболее устоявшимся и общепринятым является так называемый индекс Уипла (Whipple index). Он служит для определения степени точности источника в зависимости от распространенности в нем юбилеев и определяется по специальной формуле:

$$I = \frac{\sum_{62}^{23} Pa, \text{ что заканчивается на } 0 \text{ и } 5}{\frac{1}{5} \times \sum_{62}^{23} Pa} \times 100$$

где И – индекс Уипла, Pa – население. Применив формулу для сводной таблицы метрических сведений церковью Киевской епархии 1778 г., мы получим значение индекса 243. По сложившейся шкале индекс выше 175 означает очень плохое качество учетных источников и отклонение от точных данных более 75% (табл. 1). Следовательно, можем констатировать низкую точность обобщенных метрик епархии, однако перед тем как «ругать» источник, обратимся к сравнениям с другими документами этого же периода. К примеру, такой классический источник фискального учета населения, как Генеральное описание Полтавы 1766 года, имеет индекс Уипла на уровне 360 [12].

Таблица 1

Стандарт ООН для измерения индекса Уипла

Индекс Уипла	Качество данных	Отклонение от идеала
<105	Очень точные	<5%
105–110	Относительно точные	5–9,99%
110–125	Хорошие	10–24,99%
125–175	Плохие	25–74,99%
>175	Очень плохие	≥75%

Существенно более высокой точностью отличались исповедные сказки Полтавы, индекс Уипла для которых в трех разных полтавских приходах составил 170, 141 и 107 [13]. Можем предположить, что разной точностью характеризуется и метрический учет в отдельных протопопиях Киевской епархии. Поэтому по приведенной выше

формуле вычислим индекс Уипла для каждой протопопии отдельно, а данные занесем в таблицу (табл. 2). Еще раз напомним, что общий индекс Уипла для метрик киевской епархии равен 243, что свидетельствует об очень плохом качестве данных. Следовательно, не является неожиданностью, что большинство (16 из 20 протопопий) подали сведения очень плохого качества, еще две протопопии – Киевопечерская и Зеньковская с индексами 170,7 и 162 вышли на уровень просто «плохих». Наконец, сведения Трипольской можно считать хорошими, и только Козелецкая подала очень точную информацию, о чем говорит индекс 94,2.

Далее вычислим уровень детской смертности в каждой из протопопий, а результаты вычислений заносим в табл. 2. Как видно из таблицы, уровень смертности однолетних младенцев существенно отличается «на местах» – от 17,7% (Глуховская) до 40,9% всех умерших (Верхнекиевская), что означает более двукратную разницу. Разница смертности детей 1–4 года в отдельных протопопиях будет меньше, если отбросить аномально большое значение Трипольской протопопии (67,5%), тогда процент будет колебаться в пределах 40,2% и 50,9%. Это уже не такая и большая разница, которая могла быть обусловлена, как разными размерами детской смертности, так и погрешностями в вычислениях и учете.

Чтобы попытаться проследить взаимосвязь детской смертности с точностью метрического учета (индексом Уипла), рассмотрим еще один параметр – общий уровень смертности. Поскольку источник не дает сведения о численности населения отдельных протопопий по состоянию на 1778 г., которые необходимы для классического вычисления коэффициента смертности (число смертей на 1000 населения), определим число умерших на 100 крещенных в отдельных протопопиях (табл. 2), что тоже даст некоторое представление об общем уровне смертности и воспроизводства населения. Наилучшая ситуация с воспроизводством оказалась в Верхнекиевской протопопии (57,3 умерших на 100 крещенных), наихудшая – в Глуховской, где умирало 100,5 чел. на 100 крещенных, а естественный прирост населения вообще был отрицательным.

Таблица 2

Качество метрических ведомостей отдельных парафий Киевской епархии и уровень детской смертности в 1778 г.

Протопопия	Индекс Уипла	Качество данных	Уровень детской смертности (% от умерших)		Количество умерших на 100 крещенных
			1 год	2-4 года	
Козелецкая	94,2	Очень точные	23	41,1	65,9
Трипольская	125	Хорошие	40,9	67,5	63,9
Зеньковская	162	Плохие	29,7	50	64,7
Киевопечерская	170,7	Плохие	21,1	40,2	72,3
Гадяцкая	192,4	Очень плохие	22,1	42,7	68,9
Киевоподольская	206,4	Очень плохие	37,2	51,9	72,4
Ичанская	208,3	Очень плохие	23	45,9	78,9
Лубенская	239,1	Очень плохие	23,2	41,9	66,3
Прилуцкая	243,8	Очень плохие	29,5	50	73,4
Роменская	245,9	Очень плохие	23,3	45,9	74,9
Верхнекиевская	250	Очень плохие	39,6	49,7	57,3
Борзенская	268,5	Очень плохие	18,9	40,2	76,8
Нежинская	272,9	Очень плохие	29,9	46	66,8
Глуховская	275,8	Очень плохие	17,7	44,6	100,5
Лохвицкая	278,2	Очень плохие	25,3	47,4	73
Пирятинская	302,7	Очень плохие	25,8	45,5	72,1
Конотопская	330	Очень плохие	21,4	42,6	79,3
Воронежская	334,5	Очень плохие	27,7	51,8	84,7
Ивангородская	334,9	Очень плохие	22,4	46	76,1
Кролевецкая	364,1	Очень плохие	24,7	49,5	84,9

Как же взаимосвязан уровень смертности с точностью метрического учета? Однозначно трудно проследить какую-то закономерность, можно только осторожно высказать некоторые предположения. Сравним структуру смертности населения Трипольской и Глуховской протопопий. Метрики первой по индексу Уипла характеризуются хорошей точностью учета, поэтому там наблюдаем высокую долю однолетних и детей 1–4 года среди умер-

ших, при этом по преимуществу крещеных над умершими протопопия занимает второе место в Киевской митрополии. Иначе говоря, здесь зафиксировано наибольшая смертность детей при одной из самых относительных смертностей населения. Зато в Глуховской протопопии (которая «отстает» по точности учета) среди умерших было меньше годовалых детей, при аномальном для традиционного доиндустриального общества преобладании умерших над крещеными.

Подобная картина отчасти могла быть обусловлена как раз плохим учетом смертности малолетних детей (например, крестили несколько позже, и больше детей умирали некрещеными, или не фиксировали случаи «неотложных» крещений, после которых ребенок умирал и др.). Следовательно, смерти взрослых в протопопии фиксировались нормально, а крещение и усение детей – существенно хуже, что искажало структуру смертности при фиксации. При этом в Трипольской протопопии было зафиксировано существенно больше умерших детей, вероятно, потому, что они более тщательно фиксировались при крещении, а, следовательно, и после смерти уже непременно должны были быть записанными в книгу «о усопших». Обращает внимание тот факт, что в первых трех (по точности) протопопиях общий уровень смертности (соотношение умерших и крещеных) практически одинаков – на уровне 65/100. Эти небольшие (на фоне Верхнекиевской протопопии) показатели, которые еще раз могут подтвердить специфику фиксации крещений (точнее, ближе к рождению и т.д.).

Непосредственные связи с точностью (индекс Уипла) данных отдельных протопопий и размером детской смертности проследить трудно, однако в более «точных» протопопиях такая смертность выглядит выше. По нашему мнению, для более подробных исследований структуры смертности детей целесообразно все-таки выбирать наиболее точные протопопии и вести исследования на уровне отдельных приходов. Также необходимо допускать, что данные, которые предлагает источник, подают информацию не так, «как оно было на самом деле», а так, как ее фиксировали создатели источника, поэтому простое сравнение детской смертности в разных местах может завести в заблуждение. Тем не менее на основании данных «точных» протопопий можем отметить, что в Киевской епархии в 1778 г. из десяти умерших каждые 4–6 были детьми до 5 лет, а каждые 2–4 – однолетние. Последние представляли большинство среди умерших детей 1–4 года, а следовательно, как это ни парадоксально, с каждым прожитым месяцем и годом малолетний ребенок становился дальше от своей смерти.

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. Ф. 127. Оп. 1014. Спр. 65. Арк. 57.
2. *Кваша Е., Харькова Т.* Смертность младенцев в России: успехи и нерешенные проблемы // Демоскоп. № 461–462. <http://demoscope.ru/weekly/2011/0461/analit04.php>
3. *Замура О.* Смертність в природному русі населення містечка Сорочинці і XVIII ст. (за даними метричних книг Миколаївської церкви) // Краєзнавство. 2009. № 3. С. 211.
4. Подсчитано за: Государственный архив Полтавской области. Ф. 1011. Оп. 1. Спр. 157.
5. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 273.
6. Щоденник Андрія та Федора Кирнецьких, священників Святомиколаївської церкви с. Ховзовки, Глухівського повіту, Новгород-Сіверського намісництва (XII.1787–1788 pp.). К., 2006. С. 10.
7. *Кваша Е., Харькова Т.* Указ. соч.
8. *Сарафанов Д., Спесивцева М.* Некоторые аспекты изучения смертности населения Барнаула во второй половине XIX в. (по материалам базы данных «Население Барнаула») // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции (15–16 мая 2009 г., Усть-Каменогорск). Усть-Каменогорск, 2009. С. 328–336.
9. Там же.
10. См., например: Сердюк І. Особливості відображення вікових категорій населення Лівобережної України в Румянцевському описі Малоросії // Вісник Черкаського університету. Сер. „Історичні науки”. Черкаси, 2008. Вип. 133–134. С. 55–62.
11. *Дмитренко В.* Матеріали церковного обліку населення Київської та Переяславсько-Бориспільської епархій як джерело з соціальної історії Гетьманщини XVIII століття: дис. .... канд. іст. наук: 07.00.06. Полтава, 2011. Арк. 100.
12. *Волошин Ю.* Статеві-вікова та шлюбна структура населення міста Полтави в другій половині XVIII століття // Історична пам'ять. 2011. № 1. С. 7.
13. Там же. С. 8.

Эмиграция русских старообрядцев в Маньчжурию и Америку

Как и подвижность любого этноса, миграция русских, связанная с их территориальным перемещением внутри России или за пределы государства, обусловлена влиянием разнообразных условий и факторов – военных, политических, социально-экономических, религиозных, экологических и особенностями исторического, демографического и хозяйственного развития.

Чаще всего миграция человека или общности людей обусловлена не одним, а комплексом факторов и причин, приведших к решению переменить место проживания. В этом отношении особый интерес представляют старообрядцы – этнокультурная группа преимущественно русского народа, существование которой на современном этапе – в той форме, в которой она смогла сохраниться – можно считать явлением уникальным. В настоящее время старообрядчество продолжает развиваться как самобытная, устойчивая к изменениям русская культура. Именно поэтому она вызывает интерес у исследователей, в том числе ученых Дальнего Востока России, куда в разные периоды отечественной истории мигрировали значительные группы старообрядцев практически из всех российских регионов. Примечательно, что именно с территории южной части Дальневосточного региона – в основном из Приморья и в меньшей степени из Приамурья в 1920–1930-е гг. эмигрировала в ближнее зарубежье большая группа старообрядческого населения. Его региональный состав был довольно пестрый. Это были выходцы и потомки старообрядцев-переселенцев из северных, центральных, южных районов Европейской России, Сибири, Алтая, Забайкалья, Амурской области, принесшие в Дальневосточный регион северорусские, среднерусские, южнорусские традиции и отчасти традиции тех народов, через территории которых они проходили на своём продолжительном пути на Дальний Восток.

Ускоренное строительство социализма в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождалось человеческими трагедиями и репрессиями. Они коснулись в этот период всех слоёв населения СССР, но особенно тяжело отразились на самой многочисленной части населения страны – крестьянах, в том числе и дальневосточных, исповедовавших старообрядчество. Установления и действия советской власти в этот период практически свели к нулю все усилия конфессиональных групп русского крестьянства по функционированию некогда крепких и зажиточных хозяйств. Введенные в этот период в советской России для крестьян немалые налоги, хлебозаготовки и мясopоставки, так называемые «твердые задания», начавшаяся затем атеизация, раскулачивание, кооперирование и коллективизация послужили причиной возникновения взрывоопасной ситуации, обусловили в том числе и внутрирегиональные миграции. В частности, старообрядцы центральных районов Приморья уходили в его северные районы – в более глухие таежные места как на побережье Японского моря (долины рек Самарга, Единка), так и в центральную часть горной области Сихотэ-Алиня (реки Иман, Бикин, Хор). В эти же районы перебирались старообрядцы из Амурской области. В Приморье реакцией крестьян на экономические и политические действия властей стали также отказ от вступления в кооперативы и колхозы, устройство на работу на развивающиеся в крае промышленные предприятия (где не надо было платить налоги), ответный террор в отношении органов советской власти, открытые крестьянские выступления и др.

Отрицательное отношение к мероприятиям советской власти основной массы населения приняло характер вражды и открытого озлобления. Конкретными причинами нарастания таких настроений были все усиливавшаяся контрреволюционная агитация раскулаченных элементов, прибывших на побережье и таёжные северные реки Приморья, и коллективизация некоторых селений на побережье. Это совпало с началом конфликта на КВЖД, когда усилились слухи о занятии Маньчжурии китайскими войсками и белогвардейцами, о неизбежной войне, в которой должна принять участие и Япония. Распускались слухи о приходе японцев и захвате северного побережья Приморья. Большую роль в неприятии действий советской власти играли религиозные воззрения староверов, всей повседневной жизнью которых практически руководили особо крепкие в вере старики, начетчики, монахи и монастыри.

К этому времени в СССР все большие обороты набирала национальная политика. Особенно большие преобразования намечались среди коренных народов Сибири, Севера и дальневосточного региона – в бассейнах Амура, Усури, их притоков и рек, впадающих в Японское море. В начале 1930-го г. Далькрайисполком принял решение о выселении русских старообрядцев, заселивших самовольно верховья ряда таёжных рек и образовавших там ряд хуторов [1]. Это распоряжение, встреченное негодованием населением хуторов, и недовольство другими мероприятиями советской власти обусловили призывы защищать свои права, вплоть до вооруженного

---

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, argudiaeva@mail.ru.

выступления. Видную роль в подготовке к восстанию сыграла религиозная агитация, исходившая из старообрядческих монастырей. Религиозные деятели открыто выступали против нарушения собственности и резко критиковали создание колхозов, выступали за сохранение частной собственности.

Таким образом, вводимые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Приморье так называемые «твердые задания», «раскулачивание», кооперирование и коллективизация вызывали недовольство основной части крестьянства на юге Дальнего Востока, особенно у наиболее крепких в вере старообрядцев, поселившихся в глухой тайге. Стойкое следование религиозным традициям, строгое подчинение старикам, начётчикам, монастырям, нежелание выселяться с хуторов, расположенных в бассейнах горных рек, вступать в колхоз, отдавать детей в школу, участвовать в лесозаготовках, сдавать государству хлебные излишки и др. побудили крестьян искать разные формы протеста – бегство в самые глухие районы уссурийской тайги, неподчинение мероприятиям советской власти, их саботирование, антисоветская агитация, вооруженное выступление, эмиграция за рубеж. В 1932 г. это вылилось в так называемое Кхуцинское старообрядческое контрреволюционное выступление, назревавшее в течение нескольких лет. Оно произошло в прибрежных районах Северного Приморья и центре Сихотэ-Алиньской горной территории и охватило население нескольких десятков деревень и хуторов по долинам рек Кхуцин, Бикин, Самарга, Светлая и др., впадающих в Японское море. Восстание было подавлено, начались следствие и репрессии. За ними последовали следующие – в 1937–1938 гг., принявшие, как известно, всесоюзный характер.

В такой ситуации в начале 1930-х гг. началась старообрядческая эмиграция в Китай, которую можно назвать социально-политической, т.е. связанной с несогласием и неприятием политики новой власти как в религиозно-культурной и общественной, так и в экономической жизни. Некоторые семьи староверов за несколько месяцев до побега поселялись в приграничных населенных пунктах, устраивались там работать на производстве, преимущественно чернорабочими, рыбаками или охотниками, заводили даже огороды, но в удобный момент, тайно, ночью, при помощи китайских проводников, уходили за кордон.

Эмиграция не всегда проходила успешно: некоторые блуждали в приграничном районе и попадали в руки пограничников. Иные, сплавляясь по горным приморским рекам, застревали в заламах и теряли часть членов своей семьи. Эти события описала старообрядка Анна Басаргина, чьи родители зажиточно жили в с. Каменка Южно-Уссурийского края (Приморья) [2]. Непросто было уходить за кордон и другим старообрядческим семьям. Перебравшись через реки Сунгач, Усури, оз. Ханка и другие пограничные преграды, большинство старообрядцев-эмигрантов 1930-х гг. находилось какое-то время в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), в близлежащих к советской территории районах, в частности, в Трехречье*, где поселились как старообрядцы-поповцы, так и беспоповцы. Первоначальная адаптация этих групп мигрантов проходила в сложных условиях. Все они зарабатывали на жизнь на поденных работах – в Трехречье у казаков, а на северо-востоке Маньчжурии – у китайцев: косили сено, валили и распиливали строевой лес, кололи дрова, выполняли иные хозяйственные работы. Плата за труд была мизерной, преимущественно продуктами. Выручали природная смекалка и большая трудоспособность. Некоторые вскоре стали пополнять пищевой рацион своей семьи за счет продуктов охоты на копытного зверя и боровую дичь. Частично, первоначально, помогало и Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), созданное в 1935 г. под протекторатом японской Квантунской армии как представительное учреждение русских всей Маньчжурии.

Так перебравшись в Северо-Восточный Китай несколько десятков семей старообрядцев-беспоповцев (преимущественно часовенного согласия) из приморских деревень Архиповки, Варпаховки, Виноградовки, Каменки, Лауло, Перетычихи и др. (современные Анучинский, Красноармейский, Тернейский, Чугуевский и другие районы Приморья) [3]. Недалеко от г. Харбина, ближе к границе с Приморьем, старообрядцы-эмигранты основали несколько селений: Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны, Селинхе, в которых обосновались преимущественно старообрядцы-беспоповцы из Приморья. К 1945 г. эти старообрядческие деревни, расположенные недалеко от российско-китайской границы, насчитывали десятки дворов. Географическая близость с Приморьем обусловила и примерно схожие с Приморьем природные условия. Это позволило полностью использовать традиции русских в хозяйственной жизни. Занимаясь в основном хлебопашеством, разведением скота и охотой, им удалось создать крепкие крестьянские хозяйства. Поселившиеся в этой местности крестьяне получили впоследствии, уже в Америке, название «харбинцы».

В начале 1930-х гг. Япония, захватившая Маньчжурию, создала в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-Го. Политика территориальной экспансии Японии в Северном Китае предусматривала создание на этой территории, с одной стороны, сырьевой и продовольственной базы, с другой – военного плацдарма для дальнейшего продвижения японских войск в южную часть Китая и на север – в Советский Союз. Одним из мероприятий по осуществлению этого плана было переселение нескольких сот семей японских крестьян на земли нового государства Маньчжоу-Го. Однако, привыкнув жить в условиях островного умеренного климатического пояса, они не имели опыта жизни в суровом континентальном климате Маньчжурии. Такой опыт

* Область трёх рек, или Трёхречье (по китайски Саньхэ цюй) – территория бассейнов притоков р. Аргуни – Гана, Дербула и Хаула в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай).

был у русских крестьян-эмигрантов. Он мог быть полезен японским переселенцам, и власти приложили определенные усилия для изучения быта и особенностей жизни старообрядцев-эмигрантов, которые за короткие сроки максимально эффективно приспособились к природно-климатическим и бытовым условиям северо-востока Китая. Поэтому японские исследователи досконально изучили жизнь и быт старообрядцев одной из старообрядческих деревень – Романовки и в итоге опубликовали о маньчжурских старообрядцах несколько книг и статей [4], что расширило наши знания о жизни приморских старообрядцев-эмигрантов в Маньчжурии.

Отметим, что иноэтничное, инациональное и инокультурное окружение не помешало русским крестьянам-старообрядцам успешно адаптироваться в Маньчжурии и сохранить свои традиции в хозяйстве, семейно-бытовом укладе, материальной и духовной культурах, в том числе в религии. Этому способствовали ряд экономических, природно-экологических условий, невмешательство китайских и японских властей в религиозные воззрения старообрядцев-часовенных и др. причины. Так протекала жизнь старообрядцев в Маньчжурии до 1945 г.

С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии многих русских деревень, в частности Романовки, практически не стало. Часть взрослых мужчин осенью этого же года увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи, в силу разных причин (действия китайских властей, отсутствие отцов-кормильцев и старших сыновей, сокращение в окрестностях деревень поголовья диких животных, промысел которых давал значительную прибавку к семейному бюджету, и др.), перебрались в пределах Маньчжурии к родственникам в другие беспоповские старообрядческие населенные пункты (Баринхе и др.) или создали новые поселения – Знаменка, Ситахеза (Джелантин), Татицван, Тимбоху, Шитахеза, Цымбоху и др. Дальнейшая судьба русских старообрядцев Маньчжурии сложилась по-разному. Часть из них после смерти Сталина перебралась в Россию, некоторые, наоборот, были тверды в своих намерениях уйти от неё подальше. Так опустели созданные в 1930-е гг. в восточной части Маньчжурии старообрядческие деревни Романовка, Медяны, Селинхе, Чипигу (Масаловка), Колумбэ, жителей которых впоследствии стали называть «харбинцами».

Те мужчины-старообрядцы, которые были вывезены в СССР в 1945 г., отбывали свои сроки в течение 8-10 лет в лагерях, преимущественно на Урале, в Сибири, Магадане. Реабилитированные после смерти Сталина, они какое-то время жили в Сибири, в Красноярском крае. Сюда, к некоторым из них, подъехали из Маньчжурии семьи. В начале 1960-х гг. они потянулись из Сибири в малообжитые места Хабаровского края. Здесь, на р. Амгунь, в местах будущей трассы Байкало-Амурской железнодорожной магистрали они основали несколько старообрядческих поселков. В настоящее время для этих «хабаровских» старообрядцев характерны тесные родственные связи с ещё здравствующими старообрядцами-«харбинцами» и их потомками из Австралии, Южной и Северной Америки. Однако не все семьи русских старообрядцев рискнули возвратиться в СССР. К тому же часть репрессированных мужчин успели завести себе в СССР новых жён. Эти обстоятельства привели к тому, что жившие в Китае старообрядцы-«харбинцы» в 1955–1960-х гг. вместе с многочисленными родственниками вновь эмигрировали, но уже за океан.

Оставшиеся в Маньчжурии семьи старообрядцев начали хлопотать о выезде из этой страны еще в 1952 г. К этому времени в Китае началось кооперирование китайских крестьянских хозяйств, что могло коснуться и староверов, живших единоличным хозяйством. Советское консульство также всячески препятствовало отъезду маньчжурских старообрядцев за рубеж, так как и в самом СССР необходимы были, в результате значительных людских потерь во время Великой Отечественной войны, рабочие руки. В консульстве на желающих выехать в заокеанские страны смотрели как на предателей родины, убеждали вернуться в СССР, угрожали наказаниями, но анкеты для оформления документов всё же давали.

Окончательный исход русской эмиграции из Китая протекал более 10 лет. Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев сидели в ожидании, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. В конце 1950-х гг., после нескольких лет дружбы и сотрудничества, отношения между СССР и КНР ухудшились, и китайская эмиграционная политика изменилась. Китайские власти дали понять старообрядцам, что их дальнейшее пребывание в стране нежелательно и будет лучше, если они покинут Китай. И с середины 1950-х гг. из самых глубинных районов Китая, семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками, старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, а оттуда на поездах, с документами и без них, отправлялись в Тяньцзинь или Шанхай. Уже оттуда на теплоходах они уезжали в Гонконг, где им пришлось жить несколько месяцев. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный Крест, Всемирный совет церквей и другие организации. Отсюда они смогли разъехаться по разным странам – в Австралию и страны Южной Америки, а уже оттуда в Северную Америку – в США, а затем и в Канаду.

В частности, Всемирный совет церквей смог уладить все иммиграционные вопросы с правительством Бразилии, в том числе получения виз, без которых китайские власти не давали разрешения на въезд в переполненный Гонконг. На деньги Национального совета христианских церквей для 650 человек было куплено 6 тыс. акров земли в Бразилии – в Паране, в 50 милях от г. Кюриtiba. Особенную помощь оказала Федерация русских

благотворительных организаций (Нью-Йорк – Сан-Франциско). Инициатива ее создания появилась вскоре после окончания Второй мировой войны, когда 52 русских общественных организаций решили объединиться для помощи русским беженцам по всему миру [5].

Шестилетняя программа по переселению беженцев из Китая в другие страны в основном финансировалась на деньги Международной беженской организации. Но они подходили к концу, и срочно требовались дополнительные вливания. По призыву руководства Межправительственного комитета европейской миграции (ИСЕМ) они были получены и ИСЕМ смог обеспечить перевозку примерно 500 из 953 беженцев, ожидавших решения своей судьбы в Гонконге. Решено было 493 староверов переправить первыми, поскольку они представляли самую большую «семейную» группу. Отметим, что помимо «харбинцев», в Гонконге находилась и другая группа старообрядцев, обосновавшихся в Северо-Западном Китае – в Синьцзяне. Это были старообрядцы-беспоповцы, бежавшие, как и харбинцы, из СССР, с Алтая в годы коллективизации. Впоследствии, на американском континенте их стали называть «синьцзянцы». Туда же, в Америку, прямо в США в 1960-е гг. прибыла и третья региональная группа старообрядцев-эмигрантов, из Турции, которые в США получила наименование «турчане». Эти три старообрядческие группы состояли из старообрядцев-беспоповцев, что позволило им в Америке создать благоприятную брачную ситуацию.

Первая группа старообрядцев-«харбинцев» из Гонконга отправилась в Бразилию через США. Староверы прилетели в Лос-Анджелес утром 15 мая 1958 г. Группа состояла из 15 мужчин, старшим из которых был «харбинец», 74-летний Автоном Семёнович Куликов, родом из Приамурья, 19 женщин и 48 детей. Старообрядцы, прожившие в Лос-Анджелесе три дня, с 15 по 17 мая 1958 г., были в центре внимания американцев, особенно молокан. Их завалили подарками: от детских игрушек и одежды до сельскохозяйственного инвентаря, который мог пригодиться в Бразилии, приглашали на экскурсии, в дома простых американцев. 17 мая 1958 г. старообрядцы были размещены, вместе с запасом семян, удобрений, инструментов, сельскохозяйственным и домашним инвентарём, одеждой, предоставленных им в подарок американскими протестантами, на борт парохода «Brazil-Maru».

Вскоре к первой группе старообрядцев присоединилась другая, превышающая 300 чел. 9 июля 1958 г. еще 104 старообрядца прибыли в Сантос на судне с 30 тоннами багажа. В середине августа пришли еще суда. Они сообщили, что в Китае остаются еще 200 староверов, ожидая возможности уехать в Бразилию [6]. Всемирная организация церквей имела отделение в Бразилии, где старообрядцам купили по 25 гектаров земли на семью и посулили хорошие условия жизни. К сожалению, в реальности всё оказалось немного иначе. Приехав в Бразилию, старообрядцы увидели, что не все обещания выполнены. Этому были объяснения: переселенцев здесь ожидали не раньше середины июля, они же прибыли на месяц раньше. Купленная для них земля оказалось малоприспособленной для земледелия. В первое время положение переселенцев было очень трудное: приходилось жить в бараках, выстроенных самими же старообрядцами. Природа и окружающая обстановка были совершенно иными, чем в России или Китае. Но, что могло обескуражить других, не смущало старообрядцев, которые трудные условия воспринимали спокойно. Но и организаторы переселения не оставляли их без внимания целый год: выделили для строительства жилья материалы и деньги для покупки лошадей, приобрели тракторы, вспахали землю [7].

И все же, хотя в дальнейшем положение улучшилось, настоящего удовлетворения от переезда в Бразилию старообрядцы не получили. Часть из них при первой возможности переехала в близлежащие страны Южной Америки – Уругвай, Аргентину, Парагвай, Чили, Боливию, а другие при помощи молокан уехали в США, в основном в штат Нью-Джерси, откуда впоследствии отправились в штат Орегон.

Формирование общин в Орегоне началось примерно после пяти лет жизни старообрядцев в Бразилии. Миграция, перемена местожительства были уже заложены в устоях жизни старообрядцев-беспоповцев. Они были готовы сменить место проживания, как только чувствовали ухудшение условий жизни. Не устраивали их прежде всего местные природные и экономические условия. Дополнительно заработать было негде. Были и некоторые другие причины, но экологические и экономические превалировали.

Перебраться в штаты Нью-Джерси и Орегон русским старообрядцам помогли связи, которые они приобрели в Лос-Анджелесе по пути в Бразилию. В то время эти штаты, особенно Орегон, очень нуждались в рабочей силе. Для переезда требовались вызов и гарантии, что переселенец сможет обжиться в США на свои средства или с помощью поручителя [8]. Такими поручителями нередко выступали молокане, жившие в Лос-Анджелесе. В обустройстве русских старообрядцев в США большую помощь оказал Толстовский фонд, основанный А.Л. Толстой*. Хотя эта благотворительная организация размещалась на восточном побережье США, Александра Львовна не обошла своим вниманием и русских на тихоокеанском побережье Америки.

Непросто было старообрядцам приживаться в США. В штате Орегон первоначально они работали на фермах своих спонсоров – многим надо было оплатить долги за переезд, встать на ноги. Местным фермерам, выращивавшим разные ягоды, это было выгодно, так как на сбор урожая выходила вся многолетняя староверческая

* Толстая Александра Львовна (1884–1979, США) – младшая дочь Л.Н. Толстого. Основала с русскими американскими деятелями Толстовский фонд (1939 г.).

семья. Первым переселенцам быстро освоиться мешало незнание английского языка. Но постепенно языковой барьер был преодолен, и они стали искать заработки в других местах. Выручали природное трудолюбие и смекалка. Поскольку многие из них, особенно «харбинцы», имели навыки работы с деревом (сами возводили себе в Китае рубленные избы и хозяйственные постройки), их охотно принимали работать на мебельные фабрики. Мужчины изготавливали мебель, женщины шили на нее покрытие. Даже отсутствие на работе старообрядцев в дни религиозных праздников не смущало хозяев, так как они знали, что староверы всегда отработают пропущенные дни и выполняют свою работу качественно. Определенный доход давала работа в лесу на посадках деревьев. Постепенно, заработав нужные суммы, они завели на арендованной или собственной земле собственные «фермы» (фермы) по выращиванию ягод, новогодних елок и различных декоративных растений. Часть староверов всю неделю работала на фабрике, а по вечерам и в субботние дни – на своих «фармах». Некоторые параллельно занимались охотой в окрестных лесах и промышленным ловом рыбы в штате Аляска.

Постепенно жизнь наладилась. В сфере экономической и хозяйственной жизни орегонские эмигранты-староверы адаптировались сравнительно быстро и успешно, создав материальную основу жизни своим детям и внукам. В настоящее время живут и трудятся уже второе и третье поколения бывших переселенцев-староверов. Многие из них приобрели другие профессии, в частности, создали фирмы по строительству и сборке жилых домов и преуспевают в этом деле. Хорошие заработки получают и от промышленного рыболовства на Аляске, многие имеют в собственности свои рыболовные катера. Ушли в прошлое нужда, неустроенность, плохо налаженный быт.

Прожив несколько лет в Орегоне часть старообрядцев, чтобы спасти подрастающую молодежь от «разлагающего» влияния телевидения, табака, алкоголя, наркотиков, уже широко распространившихся в этом штате среди американцев, решила снова «уйти от греха подальше» – переселиться на Кенайский полуостров, на Аляску. В начале 1960-х гг. по совету Толстовского фонда, туда, на разведку, для поиска подходящего места отправились четыре ходока-«харбинца», в том числе Прохор Мартюшев и Григорий Гостевской. За 14 тыс. долл. там, на Кенайском полуострове, недалеко от г. Хомера была куплена квадратная миля земли. Такое перемещение старообрядцев-«харбинцев» можно назвать религиозной миграцией.

В мае 1968 г. семьи Прохора Мартюшева, его сыновей Кирилла и Владимира, его отца Григория и Калугина Стафея – все «харбинцы» – взяли в долг 20-тонный самосвал и гусеничный трактор, которым можно копать землю и проводить дорогу, и отправились в путь. Добирались через Канаду в течение нескольких дней; 13 мая 1868 г. прибыли в местность неподалеку от купленной ими земли. Первая старообрядческая деревня на Аляске – Николаевск – началась с обыкновенных палаток. После теплого и обустроенного Вудборна, где уже широко использовали различную бытовую технику, работавшую на электричестве, в Николаевске пришлось вернуться к старым бытовым традициям. По воспоминаниям одной из первопоселенок Соломеи Калугиной о первых годах пребывания на Аляске, существенную помощь в обустройстве на новом месте им оказали местные американцы, жившие неподалеку. Они снабдили старообрядцев печью, топившуюся дровами, показали, где можно брать питьевую воду, привозили пищу. Но больше всех помогали алеуты [9].

Постепенно стали обзаводиться строительной техникой, приобрели трактор и трейлер. Приступили к строительству деревянных жилищ, посадили и вырастили овощи. Выручали окрестные леса, к которым харбинцы привыкли в Приморье, а затем и в Маньчжурии. Здесь, как на Дальнем Востоке и в Китае, дикоросы, растущие в изобилии, дополняли повседневный запас еды. Это были грибы, голубика, морошка, брусника. Их употребляли как в свежем виде, так и заготавливали впрок в виде варенья. Это был детский и женский промысел. Женщины успешно охотились на рябчиков, в их обязанности входила также заготовка сена для коров, которых завели через год после прибытия на Аляску. Мужчины были заняты на строительстве дороги до ближайшего населенного пункта или на заработках. Свои овощи, молочные продукты и яйца кур-несушек, которых завели при помощи местных американцев, были хорошим подспорьем в питании. Постепенно налаживался и повседневный быт – провели водопровод, а затем и электричество. Пищу стали готовить на электрической плите, стирать – на стиральной машине, продукты хранить в холодильниках и «ледниках» (специальные большие ящики, работавшие на электричестве. – Ю.А.).

На следующий год население Николаевска пополнилось новыми семьями старообрядцев, приехавшими из Орегона. Уже через четыре года население этой деревни превышало 200 чел. Впоследствии в окрестностях Николаевска возникло еще несколько населенных пунктов. Все главы прибывших семей были «харбинцы» или их потомки. И лишь их жены были из числа «синыцзянок» и «турчанок». Поэтому в настоящее время на Аляске мы встречаемся с мужчинами, носящими знакомые нам по Приморью фамилии старообрядцев – Басаргины, Гостевские, Калугины, Кузнецовы, Мартюшевы, Ревтовы, Семериковы, Якунины и др. Большинство из них – это бывшие жители Приморья, его уроженцы или их потомки.

Хозяйственная деятельность старообрядцев на Кенайском полуострове была иной, чем в Орегоне. На суровой по природным условиям Аляске заниматься традиционным земледелием, хотя бы в виде выращивания

ягод, было невозможно. Средства к существованию добывали иными способами. Продукция первых таежных промыслов (охотиться на копытных стали позднее), скотоводства и огородничества не покрывала полностью пищевые потребности переселенцев-старообрядцев. Часть пищи можно было приобрести только за деньги. Необходимы были средства и для приобретения строительной и бытовой техники, одежды и обуви, утвари и других предметов обихода. Известно, что трудолюбивые староверы всегда находили выход из сложившейся ситуации. Нашли его и на Кенайском полуострове. Мужчины, как основные добытчики в семье и основные посредники в общении с внешним, вне общины, миром нашли заработки на ближайшем рыбоконсервном заводе в 40 милях от Николаевска [10]. Имевшийся у многих глав староверческих семей опыт деревообработки позволили им наняться на имевшийся в округе заводик по производству небольших маломерных морских рыболовных судов. Вскоре, освоив эту профессию, они сумели основать собственное дело – «Русскую морскую компанию». Построенная в Николаевске крытая верфь позволяла ежегодно производить из стеклопласта, оснащенные современной техникой, по 13-15 «русских», как их стали называть, рыболовных катеров, пригодных для лова рыбы в океане. Некоторые из староверов стали выходить на них в океан на коммерческий промысел лосося, палтуса, королевского краба, креветок на катерах собственного производства. Доходы от этого вида деятельности стали не только ощутимыми, но и значительными. Создали свои верфи и стали строить катера в других старообрядческих беспоповческих деревнях Аляски. Их жители также занялись коммерческим ловом рыбы.

Жизнь постепенно менялась и у аляскинских, и у орегонских старообрядцев. В 1983 г. в Николаевске открыли новую большую государственную школу с прекрасно оборудованными классами, спортивным залом, телевизорами и компьютерами. Старшее поколение увидело в телевизорах и компьютерах опасность «ослабления в вере». Вновь разгорелись жаркие споры, поиски истины и призывы «уйти подальше от соблазнов». В 1980-е гг. часть аляскинских и орегонских старообрядцев пришла к выводу о необходимости принятия ими священства и отправилась в Румынию к староверческому патриарху. Там, в г. Браила наставники «харбинцев» Кондратий Фефелов из Николаевска и «турчанин» Тимофей Торан из Вудборна, пройдя соответствующее обучение, были рукоположены в священники. Так в Николаевске и Вудборне появились старообрядцы-поповцы. Однако переход некоторых старообрядцев-беспоповцев в поповство расколол некогда единые старообрядческие общины и вызвал взрыв негодования у остальных староверов-беспоповцев, воспринявших такие нововведения как возврат в никонианскую веру. В итоге в семьях пошел разлад, некоторые жены ушли от мужей; не только прежние соседи и хорошие друзья, но и родные братья и сестры, оказавшиеся теперь в лагере поповцев и беспоповцев, перестали общаться и до сих пор не желают видеть друг друга. Общины раскололись. В результате треть аляскинских семей староверов выселилась из Николаевска и в 70–80 км от этого села образовала пять новых населенных пунктов староверов-беспоповцев – Вознесенку, Находку, Раздольное (Басаргино), Ключевую, Качемак-село (Гавайи). Так произошла уже в рамках одного региона – Аляски – внутрирегиональная миграция, но уже на другой основе – на конфессиональном разногласии.

С появлением у американских старообрядцев священства под угрозой оказалась хорошо разрешившаяся по приезду в США разных региональных групп старообрядцев-беспоповцев демографическая проблема – создание семей при наличии достаточно широкого круга брачных партнеров. Браки между поповцами и беспоповцами стали проблематичными. Возникали также коллизии между наставниками и священниками, родителями и многочисленной родней новобрачных. Поэтому поповцам, которые оказались в меньшинстве, пришлось засылать сватов к староверам поповских приходов в Южную Америку, Австралию и даже в Россию.

Уход части русских старообрядцев из Орегона был обусловлен не только религиозными причинами, которые первоначально успешно разрешились на Аляске. Когда в Орегоне стоимость земли стала повышаться, часть фермеров-старообрядцев решила отправиться в другие штаты, в частности, в штаты Монтана и Миннесота, так как в этих районах была дешевая земля. Потом старообрядцы стали уходить на строительные работы в другие штаты США, а затем в Канаду. Таким образом, постепенно стали превалировать экономические причины внутрирегиональной миграции. В этих перемещениях наблюдается отход от веры, что более характерно для старообрядцев США в отличие от их родственников, живущих в странах Южной Америки. И всё же, в настоящее время, несмотря на отдалённость, разные условия политической и социально-экономической жизни в странах Азиатско-Тихоокеанского региона русские старообрядцы Северной Америки поддерживают тесное родственное общение и осуществляют брачные контакты со старообрядцами Бразилии, Боливии, Перу, Парагвая, Австралии, Новой Зеландии и России. Точных данных о числе старообрядцев, проживающих в Орегоне, в г. Вудборне и его окрестностях, нет. Наиболее реальной выглядит цифра от 5 до 7 тыс. чел. Вместе со старообрядцами, проживающими на Аляске, численность старообрядцев в США достигает примерно 10 тыс. чел.

Как будет в дальнейшем развиваться жизнь русских старообрядцев в Америке – покажет время. Во всяком случае, полувековое пребывание последней крупной волны староверов – «турчан», «синьцзянцев» и «харбинцев» – на американском континенте показало, что, изменив в значительной степени свою хозяйственную деятельность, они в определенной степени сохранили часть материальной культуры, семейные уклад и обряды,

русский язык, и в неизменности – демографические установки и религиозные традиции, которые являются основной цементирующей составляющей в сохранении в целом русской культуры в иноэтничном окружении на разных континентах земного шара.

Источники и литература

1. *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. С. 42–43.
2. *How we escaped from Russia = Как мы бежали с России / As told to O. Basargin by Anna Basargin = Как рассказала Олимпиаде Басагиной Анна Басаргина. Translated and illustrated by O. Basargin = Перевод и рисунки О. Басаргиной.* Nikolaevsk Publishing Co., 1989. С. 16–17 (Библиогр.) Рус., англ.
3. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информация П.Г. Мартюшева; Л.И. Селеткова; Н.И. Селеткова, А.И. Гуськовой, А.С. Калугина, С.Ф. Валихова и др.
4. *Фудзияма К.* Деревня Романовка. Чанчунь, 1941; *Ямадзэ С.* Рассказы о Романовке. Чанчунь, 1941; *Тэруока Г.* Жизнь колонизаторов. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942. Вып. 2; *Фукуда С.* Русские в Маньчжурии. Токио, 1942; *Аногава И.* Жизнь раскольников // Канко Тоа. Чанчунь, 1943. № 1 и др.
5. *Н.Н.* В федерации Русских благотворительных организаций // Рус. жизнь. 1951. 23 авг.
6. Музей русской культуры в г. Сан-Франциско (далее – МРК). Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию, 1958. ИСЕМ. Л. 45.
7. *Мартюшев П.Г.* Вот как русские делают // Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: В 2 т. / Сост. Г.М. Прохоров; Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Ин-т Ди-Дик, Квадрига, 2009. С. 656.
8. *Лысова А.Н.* Китай – Бразилия – США // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л.Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 403–405.
9. ПМА. Информация С.Г. Калугиной.
10. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. С. 323.

Динамика брачных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны**

Великая Отечественная война существенно повлияла на развитие брака в СССР. В первую очередь, необходимо отметить сокращение общего количества заключаемых браков, особенно в сельской местности. В предвоенном 1940 г. органы загса зарегистрировали 538 тыс. браков в городах (49,7%) и 544 тыс. – в сельской местности (50,3%), всего – 1 082 тыс. браков. В 1941 г. было зарегистрировано 609 тыс. браков, большая часть которых пришлось на первую половину года, что составило 56,3% от количества браков в 1940 г. Однако эти данные не учитывают западные территории СССР, оккупированные противником (статистики по ним не существует). В то же время соотношение количества браков на 1000 чел. учтенного населения по сопоставимым территориям в 1940–1941 гг. не изменилось.

Резкое снижение брачности пришлось на 1942 г., когда было зарегистрировано 297 тыс. браков. С 1943 г. статистика зафиксировала постепенный подъем брачности: зарегистрировано 347 тыс. браков, в том числе 175 тыс. в городах (50,4%) и 172 тыс. в сельской местности (49,6%). Надо учитывать, что именно в 1942 г. была оккупирована наиболее значительная часть территории СССР, а в 1943 г. началось ее освобождение, поэтому приводимые данные – самые неполные за весь период Великой Отечественной войны. Однако количество зарегистрированных браков на 1000 чел. в 1942 г. по сравнению с 1941 г. также существенно сократилось – в два раза и сохранилось на данном уровне по сопоставимым территориям в 1943 г.

В 1944 г. органы загса зарегистрировали 582 тыс. браков, в том числе 325 тыс. в городах (55,8%), 257 тыс. в селе (44,2%). При этом в первом полугодии было заключено 265 тыс., во втором – 317 тыс. браков. Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. выросло до четырех. А в 1945 г. произошел резкий подъем брачности вследствие демобилизации: было зарегистрировано 1106 тыс. браков – на 24 тыс. больше, чем в 1940 г., в том числе 637 тыс. в городах (57,6%) и 469 тыс. в селах (42,4%). Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. учтенного населения составило семь, а в городах – 12 (табл. 1, 2).

Таблица 1

Общее количество браков, зарегистрированных в СССР в 1940–1945 гг. (тыс.)

Год	Город	Село	Всего
1940	538 (49,7%)	544 (50,3%)	1082
1941	Нет сведений	Нет сведений	609
1942	Нет сведений	Нет сведений	297
1943	175 (50,4%)	172 (49,6%)	347
1944	325 (55,8%)	257 (44,2%)	582
1945	637 (57,6%)	469 (42,4%)	1106

Источники: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 89. Л. 128.

Таблица 2

Количество зарегистрированных браков на 1000 чел.

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1940	9	4	6
1941	9	4	6
1942	4	2	3
1943	4	2	3
1944	6	3	4
1945	12	4	7

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871. Л. 109.

Изменения в численности браков были обусловлены резкими деформациями половозрастной структуры населения в связи с мобилизацией мужчин, особенно в сельской местности (в городе чаще предоставлялась бронь – отсрочка от призыва). Поэтому доля браков в сельской местности в их общем количестве на протяжении всего периода 1941–1945 гг. неуклонно сокращалась. Накануне войны в сельской местности РСФСР на 100 женщин приходилось 88 мужчин [1].

* Кринко Евгений Федорович (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН, krinko@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

В 1943 г. доля мужчин в возрасте до 50 лет в составе сельского населения сократилась более чем в два раза. Среди возрастной когорты 18–24 лет мужчины составляли 21,9, женщины – 78,1%, среди когорты 25–49 лет мужчины – 23,6, женщины – 76,5%, среди когорты 50–54 лет мужчины – 37,7, женщины – 62,3% [2]. На каждого мужчину брачного возраста, таким образом, приходилось в среднем по 2–3 женщины, а то и больше. В результате снизилось количество женщин, состоявших в браке, выросло количество незамужних и вдов. Данные тенденции вели к изменениям в мотивации заключения брака. Среди женщин чаще, чем среди мужчин, усиливался страх возможного одиночества из-за ограниченности возможностей выбора супруга, снижалась ценность самого брака как института, что не способствовало продолжительности брачной жизни и стабильности семьи [3].

Изменился и возрастной состав вступающих в брак мужчин и женщин. В городах выросло количество мужчин, вступающих в брак в средних возрастах – в 30–34 года. Однако в этой возрастной группе сократилось количество первых браков и выросло количество повторных. В возрастной когорте старше 35 лет численно преобладали повторные браки. Женщины, как и до войны, чаще вступали в ранние браки. В первый брак активнее других вступали женщины в возрасте 20–22 лет. В то же время в средних возрастных группах женщины значительно реже мужчин выходили замуж. В меньшей степени у женщин были распространены и повторные браки [4].

В селах преобладающее количество мужчин женилось в молодом возрасте – в 20–26 лет, на их долю приходилось около половины всех браков. Лишь в самом тяжелом 1942 г. доля 20–26-летних сократилась до 39,6% за счет возрастания доли 18-летних: «многие сельские парни, едва достигнув совершеннолетия, перед отправкой на фронт торопились жениться и завести семью». Более половины всех женщин на селе вступало в брак в возрасте 18–24 года, но в 1941–1942 гг. среди невест выросло до 20% доля 18-летних [5].

Об эволюции брачных отношений в 1941–1945 гг. отчетливо свидетельствует и динамика разводов. В последний предвоенный год развелись почти 400 тыс. чел. – около 200 тыс. семейных пар. В 1941 г. в СССР было зарегистрировано 92 515, в 1942 г. – 71 440, в 1943 г. – 75 314, в 1944 г. – 66 555 разводов. Однако приводимые сведения не учитывают данных по оккупированным территориям СССР. В цитируемых документах ЦСУ СССР за 1942 г. учитывались данные только по 35 областям, а в 1943 г. – по 47 областям РСФСР.

В связи с этим целесообразно сопоставить данные по отдельным республикам Закавказья и Средней Азии, которые имеются в полном объеме за весь период войны. Например, в Таджикской ССР в предвоенный 1940 г. было зарегистрировано 5582 развода, что сделало ее лидером по количеству разводов на 1000 жителей (3,8). В 1941 г. здесь было расторгнуто 5062, в 1942 г. – 5299, в 1943 г. – 4488, в 1944 г. – 3210 браков. В Азербайджанской АССР в предвоенном 1940 г. было зафиксировано 10 083 развода (3,2 на 1000 жителей). В 1941 г. их количество уменьшилось на четверть, составив 7528, в 1942 г. еще на четверть с лишним – 4810, в 1943 г. подросло до 5644, а в 1944 г. сократилось до 4174. Примерно такая же динамика характерна и для Армянской ССР, в которой в 1940 г. было расторгнуто 1055 браков, что составляло 0,8 разводов на 1000 жителей – один из самых низких показателей в предвоенном СССР. В 1941 г. количество разводов сократилось до 685, в 1942 г. – до 323, в 1943 г. выросло до 446, а в 1944 г. вновь сократилось до 336. Представляется, что более высокие показатели разводов в 1941–1942 гг. в республиках Средней Азии обеспечили не только мусульманские традиции, упрощавшие их процедуры, но и эвакуированное население.

Разводиться на оккупированной советской территории стало еще сложнее вследствие введения высоких пошлин. Например, в Абинском районе Краснодарского края регистрация развода осенью 1942 г. стоила 300 руб. [6]. А в Смоленске весной 1943 г. расторжение брака было вообще запрещено, видимо, в целях контроля оккупантов над населением [7].

Немецким военным служащим строго запрещались брачные отношения с женщинами неарийского происхождения, хотя подобные случаи встречались. В Орле местный военный комендант даже объявил о выплате алиментов на детей советским женщинам, если те могли доказать, что их отцами являлись немецкие военнослужащие. Регистрация брака между ними и в этом случае не предусматривалась [8]. В то же время браки заключались и даже сопровождалась венчанием в церкви между советскими женщинами и отдельными военнослужащими союзных вермахту войск, в частности, 250-й испанской (Голубой) дивизией [9]. Впрочем, их количество было крайне невелико. Допускались и браки между финнами-оккупантами и «родственными» им жителями захваченной Карелии. Командующий Военного управления О. Палохеймо считал это явление «позитивным веянием, так как все это укрепляло чувство единства между финнами и восточными карелами». Напротив, браки с представителями «неродственных» народов (русскими и другими) считались «непристойными». Церемонию бракосочетания проводил начальник округа, а расторгал браки командующий Военного управления. Всего в 1942 г. было заключено 47 браков и восемь расторгнуто, прошение об одном отклонено, в 1943 г. – 238 заключено, 76 расторгнуто и шесть отклонено, в 1944 г. – количество браков неизвестно, зарегистрировано 39 разводов, 16 отклонено [10]. Количество слишком незначительное, чтобы влиять на статистические показатели.

Резкое сокращение разводов в СССР произошло после принятия 8 июля 1944 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и оди-

ноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и утверждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Указ закрепил права и обязанности супругов только в зарегистрированном браке, отменив прежнее равенство фактического и юридического брака. Не состоявшей в зарегистрированном браке женщине теперь запрещалось устанавливать отцовство и отыскивать алименты с фактического отца. В паспорте появилась специальная отметка о семейном положении, одновременно усложнялась процедура развода. Она стала многоступенчатой – через суды различного уровня, дорогостоящей – пошлина составляла от 500 до 2000 руб., и публичной – объявления о разводе печатались в местных газетах [11].

В результате практически по всем союзным республикам количество разводов за 1944 г. сократилось более чем в 10 раз. В отдельных республиках разводы превратились в настоящую редкость. Так, в Киргизской ССР в 1945 г. развелось всего 22, в Карело-Финской ССР – 33, а в Армянской ССР – 40 семейных пар. Обращает на себя внимание и возникшая в 1945 г. диспропорция в численности разводов между городом и селом. Если в городе количество разводов сократилось примерно в 5,5 раз по сравнению с 1944 г., то в селе – в 56,2 раза, а по сравнению с 1940 г. – в 154,2 раза! (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности разводов в СССР в 1940–1945 гг.

Союзные республики	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
РСФСР	104848	53637 ¹	28490 ²	42389 ³	41742 ⁴	3840 ⁵
Азербайджанская ССР	10083	7528	4810	5644	4174	310
Армянская ССР	1055	685	323	446	336	40
Грузинская ССР	3644	2663	1982	2482	1638	116
Туркменская ССР	3536	3294	3613	2392	1725	94
Узбекская ССР	18780	16382	17494	10912	7883	233
Таджикская ССР	5582	5062	5299	4488	3210	225
Казахская ССР	6792	5796	4023	4434	3515	151
Киргизская ССР	3029	3001	2586	1956	1570	22
Всего в городах	103479	39463	27526	35695	31888	5820
Всего в сельской местности	95122	53052	43914	39619	34667	617
Всего в СССР	198601	92515	71440	75314	66555 ⁶	6437

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222, 283, 365, 442, 523, 597. Здесь и далее при подсчете процентов цифры округлены до десятых долей.

Тем не менее принудительное ограничение разводов административными мерами не могло коренным образом изменить развитие событий. Начавшаяся демобилизация и возвращение с фронта миллионов советских мужчин неизбежно создавали новую ситуацию в развитии советской семьи. Уже с 1947 г. количество разводов вновь начинает расти, несмотря на все запретительные меры советского руководства.

Вызывают определенный интерес возраст разводящихся и продолжительность у них брачных отношений. В течение всей Великой Отечественной войны у несовершеннолетних мужчин количество разводов, как и браков, было крайне малым, а в 1945 г. органами загса не было зарегистрировано ни одного развода с их участием. Не велика была и доля разведенных мужчин в возрасте 18–19 лет. В совокупности представители двух этих когорт составляли менее 1% от общей численности разведенных. Больше всего разводов в 1940–1945 гг. приходилось на возрастную группу мужчин 30–39 лет, при этом ее доля в общей численности разведенных неуклонно возрастала, достигнув в 1945 г. 51,6%. Второе место по численности разводов в течение 1940–1944 гг. принадлежало группе мужчин в возрасте 24–29 лет. В 1945 г. на второе место вышли мужчины в возрасте 40–49 лет, до войны находившиеся только на четвертом месте. Доля разводов группы мужчин в возрасте 20–24 лет, занимавшей до войны по данному показателю третье место, постоянно сокращалась вследствие мобилизации на фронт ее представителей. Уже в 1941 г. она перешла на третье место, а в 1945 г. практически сравнялась с группой мужчин в возрасте 50–59 лет, хотя до войны превосходила ее по данному показателю более чем в три раза. Возрастала и доля разводов у мужчин в возрасте 60 лет и старше, с 2,1% в 1940 г. до 3,6% в 1943 г., но в 1945 г. она упала ниже довоенной, составив 1,7% (табл. 4).

Распределение разведенных мужчин по возрасту

Возраст	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	чел.	%										
До 18	34	0,0	20	–	25	–	41	–	38	–	–	–
18–19	1 972	1,0	786	0,8	595	0,8	450	0,6	512	0,8	13	0,2
20–24	24 946	12,6	10 547	11,4	7 201	10,1	7 820	10,4	6 644	10,0	350	5,4
25–29	65 939	33,2	27 913	30,2	17 650	24,7	18 526	24,6	14 877	22,3	1 089	16,9
30–39	68 621	34,5	33 732	36,5	26 855	37,6	29 980	39,8	27 039	40,6	3 321	51,6
40–49	23 408	11,8	12 031	13,0	11 171	15,6	10 529	14,0	10 184	15,3	1 168	18,2
50–59	7 885	4,0	4 145	4,5	4 457	6,3	4 382	5,8	4 109	6,2	349	5,4
60 и старше	4 208	2,1	2 379	2,6	2 611	3,7	2 730	3,6	2 111	3,2	109	1,7
Неизвестен	1 588	0,8	962	1,0	875	1,2	856	1,2	1 041	1,6	38	0,6
Итого	198 601	100	92 515	100	71 440	100	75 314	100	66 555	100	6 437	100

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222. Л. 1–1об. Д. 283. Л. 1–1об. Д. 365. Л. 1–3об. Д. 442. Л. 1–1об. Д. 523. Л. 1–1об. Д. 597. Л. 1–1об.

У женщин динамика разводов в зависимости от возраста имела свою специфику. Делившие первые места когорты в возрасте 20–24 лет и 25–29 лет к концу войны также уступили его. Как и у мужчин, в 1945 г. на первое место по разводам вышла когорта в возрасте 30–39 лет, доля которой составила 39,7%. Доля разведенных в возрасте до 18 лет на протяжении всего предвоенного и военного времени была крайне мала – менее 1%, а доля разведенных в возрасте 18–19 лет в 1940–1943 гг. составляла не менее 7%. В значительной степени это объясняется более ранним вступлением женщин в брак, чем мужчин, особенно в республиках Средней Азии. Только к концу войны ее доля стала сокращаться (табл. 5).

Таблица 5

Распределение разведенных женщин по возрасту

Возраст	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	чел.	%										
До 18	1 363	0,7	621	0,7	252	0,4	243	0,3	150	0,2	5	0,1
18–19	13 975	7	7 658	7	5 346	7,5	4 128	5,5	2 986	4,5	115	1,8
20–24	55 366	27,9	26 595	27,9	20 360	28,5	20 411	27,1	16 634	25,0	1 127	17,5
25–29	55 499	27,9	24 313	27,9	16 861	23,6	18 855	25,0	16 743	25,2	1 564	24,3
30–39	49 327	24,9	21 999	24,9	17 664	24,7	20 091	26,7	18 967	28,5	2 555	39,7
40–49	15 248	7,7	7 167	7,7	6 653	9,3	6 990	9,3	6 639	10,0	770	12,0
50–59	4 427	2,2	2 228	2,2	2 305	3,2	2 480	3,3	2 333	3,5	187	2,9
60 и старше	1 212	0,6	684	0,6	712	1	786	1,0	749	1,1	34	0,5
Неизвестен	2 184	1,1	1 250	1,1	1 287	1,8	1 330	1,8	1 354	2	80	1,2
Итого	198 601	100	92 515	100	71 440	100	75 314	100	66 555	100	6 437	100

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222. Л. 1–1об. Д. 283. Л. 1–1об. Д. 365. Л. 1–3об. Д. 442. Л. 1–1об. Д. 523. Л. 1–1об. Д. 597. Л. 1–1об.

Определенные изменения характеризуют и среднюю продолжительность брака в годы Великой Отечественной войны. До войны наибольшее количество разводов совершалось молодыми семьями, состоявшими в браке 1–2 года и не пережившими кризиса первого года супружества. Их доля в 1940 г. составляла 24,3%, но в 1944 г. снизилась до 15,6%, а в 1945 г. – до 15%. В 1940 г. далее следовали в порядке убывания семьи, состоявшие в браке 5–9 лет – их доля составляла 17,3%, 3–4 года – 16,7%, 10–19 лет – 12,8 % от общего количества разводов. К концу войны на первое место по количеству разводов вышли семьи, состоявшие в браке в течение 5–9 лет. В 1944 г. их доля выросла до 23,4, а в 1945 г. – до 31,9%. На втором месте оказались семьи, прожившие наиболее длительный срок в браке и традиционно считавшиеся наиболее прочными. Это свидетельствовало о кризисных тенденциях в развитии брачно-семейных отношений. Доля разводов у семей, состоявших в браке 10–19 лет, выросла в 1944 г.

до 15,7%, а в 1945 г. – до 22,3%. Напротив, доля разводов среди молодоженов, проживших менее одного года, сократилась с 19,7% в 1940 г. до 15,9% в 1944 г. и 8,5% в 1945 г. (табл. 6).

Таблица 6

Распределение разводов по времени продолжительности брака

Продолжительность	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	Разво- дов	%										
До 1 месяца	5 825	2,9	2 862	3,1	2 603	3,7	2 407	3,2	1 997	3,0	64	1,0
1–5 месяцев	17 044	8,6	7 991	8,6	4 914	6,9	5 300	7,0	4 717	7,1	206	3,2
6–11 месяцев	16 187	8,2	7 066	7,6	4 674	6,5	4 229	5,6	3 872	5,8	278	4,3
1–2 года	48 308	24,3	20 697	22,4	15 590	21,8	14 151	18,8	10 358	15,6	968	15,0
3–4 года	33 170	16,7	14 468	15,7	10 718	15,0	11 219	14,9	9 632	14,5	984	15,3
5–9 лет	34 271	17,3	17 492	18,9	13 868	19,4	16 864	22,4	15 594	23,4	2 052	31,9
10–19 лет	25 408	12,8	11 778	12,7	9 268	13,0	10 781	14,3	10 436	15,7	1 434	22,3
20 и выше	6 057	3,0	3 037	3,3	2 847	4,0	3 243	4,3	3 457	5,2	309	4,8
Неизвестно	12 321	6,2	7 124	7,7	6 958	9,7	7 120	9,5	6 492	9,7	142	2,2
Итого	198 601	100	92 515	100	71 440	100	75 314	100	66 555	100	6 437	100

Источники: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222. Л. 1–1об. Д. 283. Л. 1–1об. Д. 365. Л. 1–3об. Д. 442. Л. 1–1об. Д. 523. Л. 1–1об. Д. 597. Л. 1–1об.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны брачные отношения в советском обществе претерпели серьезную эволюцию. Главную роль в этом сыграли мобилизация, призыв и добровольный уход на фронт, эвакуация, депортация и угон на работу в Третий рейх миллионов советских граждан, а также их гибель в ходе боевых действий, бомбардировок, от голода и болезней. В результате многие браки распались, существенно возросло количество незарегистрированных браков. Вследствие возникших диспропорций в демографической структуре значительно увеличилась численность одиноких женщин – незамужних и вдов, что вело к изменениям самой мотивации вступления в брак и его сохранения. Несмотря на все трудности военного времени, брак сохранился как социальный институт и продолжал выполнять свои главные функции в данном качестве. Однако половозрастные деформации неизбежно формировали новые тенденции в матримониальном поведении как мужчин, так и женщин, создавая для них новые возможности выбора своего поведения.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. Т. 1. С. 23.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л.18.
3. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 221.
4. Там же. С. 220.
5. Там же. С. 245–246.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
7. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 354.
8. В постели с врагом. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24590186.html> (дата обращения 3.09.2013).
9. Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 358.
10. Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии: сб. науч. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 17–22.
11. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. М.: Издание Управления делами Совета Министров СССР, 1944. № 11. Ст. 162.

Брачность и разводимость в г. Нижний Тагил в послевоенные годы (1946–1959)

Великая Отечественная война оказала серьезное негативное воздействие на демографическое развитие России. Ее последствия в послевоенные годы сказались на многих демографических процессах, в том числе на брачности и разводимости.

Во второй половине 1940-х гг. в российских городах коэффициент брачности кратковременно повысился. Если в 1941 г. в РСФСР на 1000 городского населения вступило в брак – 9, в 1942 и 1943 гг. – 4, в 1944 г. – 6, а в 1945 г. – 12, то в 1946 г. уже 19,7, в 1947 г. – 14,8, 1948 г. – 15,5, а в 1949 г. – 16,6 [3, с. 220, 226]. Заметно вырос уровень брачности и в Нижнем Тагиле. В 1946 г. ее общий коэффициент составил 18,8‰, превысив показатель 1945 г. на 89,9%. Еще более значительно брачность в городе повысилась к 1949 г. – до 20,2‰ [5, д. 629, л. 85; д. 687, л. 63; 1, д. 779, л. 2; д. 1138, л. 70; 2, д. 54, л. 28; д. 62, л. 41; д. 1168, л. 78; д. 1169, л. 148]. Это было связано с массовой демобилизацией мужчин из армии, вступлением в брак молодежи наиболее активных брачных возрастов, регистрацией браков, отложенных из-за войны, а также фактически существовавших до издания указа от 8 июля 1944 г. [3, с. 226].

Однако уже в начале 1950-х гг. в Н. Тагиле наметилась обратная тенденция – брачность стала снижаться (табл. 1).

Таблица 1

Брачность и разводимость в г. Н. Тагиле в 50-х гг. XX в., ‰*

Показатели	Год									
	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Брачность	16,8	16,0	13,3	15,1	14,3	13,9	14,1	15,1	15,7	13,8
Разводимость	0,4	0,6	0,7	0,9	1,1	1,2	1,4	1,7	2,2	2,2

* Подсчитано и составлено по: Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска. Статистический сборник. Свердловск, 1956. С. 13; Народное хозяйство Свердловской области. Статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 16; ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 148; Оп. 11. Д. 10. Л. 91; Д. 18. Л. 153; Д. 30. Л. 33; Д. 44. Л. 74, 141; Д. 56. Л. 108; Д. 62. Л. 3, 41, 28; Д. 83. Л. 56; Д. 84. Л. 58 об.; Д. 94. Л. 31 об.; Д. 104. Л. 2; Д. 125. Л. 15 об.; Д. 147. Л. 11 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 140-а. Л. 15.

Снижение происходило на протяжении всего десятилетия, хотя и не всегда последовательно. Так, например, после падения уровня брачности в 1952 г. последовал его резкий подъём в 1953 г. Тем не менее сравнение данных по пятилетиям показывает, что если в 1950–1954 гг. общий коэффициент брачности в среднем равнялся 15,1‰, то в 1955–1959 гг. уже 14,5‰.

Подобный процесс в 1950-е гг. наблюдался у большей части городского населения России. Если в 1950 г. на 1000 населения было заключено браков в российских городах – 14,8, то в 1955 г. – 13,8 [3, с. 226]. Обуславливалось это, прежде всего, послевоенной диспропорцией полов, которая за 15 лет не была преодолена. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в РСФСР на 1000 женщин приходилось 814 мужчин [3, с. 225].

Ненамного лучше ситуация была и непосредственно в Н. Тагиле. В 1959 г. в городе на 1000 женщин приходилось 844 мужчины. Особенно значительный перевес женщин наблюдался в возрастных группах старше 54 лет – на тысячу женщин в возрасте 55–59 лет приходилось 495 мужчин; 60–69 лет – 429; 70 лет и старше – 301 [4, л. 154, 155]. Диспропорция полов в этих возрастах была связана с высоким уровнем смертности мужчин как в армии, так и в тылу. Существенное влияние также оказали потери мужского населения этих возрастных групп в годы Первой мировой и гражданской войн [3, с. 225].

Сильно пострадали и возрастные группы, где мужчины в 1941 г. находились в призывных возрастах – на 1000 женщин в 1959 г. в возрасте 35–39 лет было 667 мужчин; 40–44 года – 670 мужчин; 45–49 лет – 705; 50–54 года – 650. В наиболее активных брачных возрастах (от 20 до 35 лет) также наблюдался численный перевес женщин. Однако он был менее значительным – на 1000 женщин в возрасте 20–24 года приходилось 977 мужчин; 25–29 лет – 965 мужчин; 30–34 года – 846 [4, л. 154, 155]. Численное превалирование женщин в этих возрастах являлось следствием высокой смертности в годы Великой Отечественной войны детей и подростков, причем особенно мальчиков (табл. 2).

* Тараканов Максим Юрьевич (Нижний Тагил) – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Таблица 2

Половозрастной состав умерших в г. Н. Тагил в 1941–1945 гг., %*

Возраст, лет	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	Муж.	Жен.								
0 – 4	30	25	18	16	8,8	7,1	7,7	6,3	10	8,5
5 – 9	0,8	1,0	0,6	0,5	0,8	0,7	1,1	0,8	1,8	1,5
10 – 14	0,5	0,4	0,4	0,3	0,5	0,4	0,6	0,4	1,5	0,7
15 – 19	2,3	0,8	3,1	0,8	2,3	1,1	2,8	1,0	2,9	1,6
20 – 24	2,2	0,9	3,2	1,0	2,2	1,0	2,7	1,1	3,0	2,0
25 – 29	2,8	1,2	4,1	0,8	2,7	1,1	2,6	1,2	1,8	1,6
30 – 34	3,5	1,3	5,8	1,1	4,9	1,3	5,5	1,5	5,5	2,2
35 – 39	3,4	1,0	6,8	0,8	8,1	1,3	6,7	1,7	5,3	2,5
40 – 44	3,1	0,8	7,3	1,0	9,1	1,4	7,8	2,0	6,1	1,9
45 – 49	2,3	0,6	6,9	1,0	11	1,3	8,6	2,1	5,8	2,3
50 – 54	1,9	0,7	3,2	1,1	9,6	1,0	7,8	1,5	6,1	2,3
55 – 59	1,7	0,8	2,2	1,1	4,0	1,3	5,0	2,1	3,1	1,9
60 и более	4,5	6,1	5,9	6,2	7,0	8,4	8,4	10	6,9	11
Неизв. возр.	0	0	0,8	0,2	1,1	0,1	0,6	0,1	0	0
Итого	59,2	40,8	67,8	32,2	72,6	27,4	67,8	32,2	60,1	39,9

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 67, 67 об.; Д. 775. Л. 71. 71 об.; Д. 776. Л. 50, 50 об.; Д. 777. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.; Д. 778. Л. 81, 81 об., 82, 82 об.

В 50-х гг. XX в. в Н. Тагиле преобладали первые браки как у мужчин, так и у женщин. В 1951 г. их удельный вес среди общего числа заключенных браков за год составлял у мужчин 97,4, а у женщин 96,7% [2, д. 10, л. 191, 191 об.]. Наиболее активно тагильчане вступали в брак в возрасте 20–24 лет. В более старших возрастах происходило сокращение числа брачующихся (табл. 3).

Таблица 3

Возрастной состав тагильчан, зарегистрировавших брак в 50-х гг. XX в., %*

Возраст, лет	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1958 г.	1959 г.
	Мужчины					
Моложе 20 лет	5,4	5,0	3,6	4,4	6,8	5,0
20 – 24	46,8	46,3	42,6	40,2	44,8	48,2
25 – 29	22,3	26,1	32,6	35,9	29,0	26,6
30 – 34	9,4	7,6	7,4	7,3	8,5	8,7
35 – 39	8,7	6,8	6,2	5,2	2,2	2,3
40 – 49	6,0	6,4	6,0	5,6	4,8	4,6
50 лет и старше	1,4	1,8	1,6	1,4	3,9	4,6
Женщины						
Моложе 20 лет	11,5	11,3	9,5	10,2	17,6	16,2
20 – 24	51,4	49,4	48,6	48,1	46,9	49,4
25 – 29	19,9	21,8	24,9	26,0	17,2	15,6
30 – 34	8,0	7,6	8,3	8,2	8,1	8,3
35 – 39	5,7	5,3	4,5	3,9	3,5	3,4
40 – 49	3,0	3,8	3,2	3,0	4,3	3,9
50 лет и старше	0,5	0,8	1,0	0,6	2,4	3,2

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1169. Л. 212; Оп. 11. Д. 10. Л. 192; Д. 18. Л. 186; Д. 30. Л. 124; Д. 94. Л. 101, 101 об.; Д. 125. Л. 93, 93 об.

По сравнению с 20-ми гг. XX в. в 1950-х гг. произошло увеличение доли тагильчан, вступавших в брак в возрасте от 20 лет и старше. Если в 1926 г. к данной возрастной группе относилось 93,6% женихов и 70,4% невест, то в 1959 г. – уже 95% женихов и 83,8% невест.

Сформировать впечатление о возрастных предпочтениях жителей города при выборе брачного партнера позволяют статистические материалы за 1953 г.

Анализ данных, приведенных в табл. 4, свидетельствует, что в Н. Тагиле невесты, вступавшие в брак до 20 лет, в основном выбирали женихов из возрастной группы 20–24 года, реже из возрастов 18–19 лет и 25–29 лет. В остальных возрастах, за исключением возрастной группы 35–39 лет, женщины чаще всего выходили замуж за своих ровесников. Достаточно распространенным явлением было и вступление женщин в брак с мужчинами моложе себя (женщине – 25–29 лет, мужчине – 20–24 года; женщине – 30–34 года, мужчине – 25–29 лет). Это позволяло частично компенсировать нехватку брачных партнеров в условиях послевоенной диспропорции полов. Мужчины в молодых возрастах (18–19 лет) часто женились на женщинах старше себя.

Таблица 4

Распределение числа браков в г. Н. Тагил в 1953 г. по возрасту вступающих в брак*

Возраст женщин \ Возраст мужчин	Моложе 20 лет	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 лет и старше	Итого
18–19	52	122	10					184
20–24	253	1052	324	32	6			1667
25–29	114	729	540	94	11	1		1489
30–34	5	72	120	79	18	8		302
35–39		18	59	70	46	23		216
40–49		2	22	61	73	70	6	234
50 лет и старше			2	5	9	23	18	57
Итого	424	1995	1077	341	163	125	24	4149

* ГАСО. Ф. р – 1813. Оп. 11. Д. 30. Л. 124.

В послевоенные годы наблюдался процесс дестабилизации брака. Если в 1946 г. в городах Российской Федерации на 1000 зарегистрированных браков было зафиксировано 13,8 разводов, то в 1949 г. – 57,7, в 1950 г. – 66,4, 1951 г. – 77,9, в 1952 г. – 86,8, а в 1955 г. уже 106,2 [3, с. 235]. В Н. Тагиле уровень данного показателя был ниже, но тенденция была аналогичной. В 1947 г. на 1000 браков в городе приходилось 12,8 разводов, в 1949 г. – 19,5, 1950 г. – 25,7, в 1952 г. – 49,9, в 1954 – 78,5, в 1956 г. – 98, в 1959 г. – 160,1 [1, д. 1138, л. 70; д. 1168, л. 78; д. 1169, л. 148; 2, д. 18, л. 153; д. 44, л. 141; д. 83, л. 56; д. 125, л. 15 об.]. Быстро рос и общий коэффициент разводимости в Н. Тагиле (табл. 1). К 1958 г. он увеличился по отношению к 1950 г. в 5,5 раза.

Повышение разводимости населения России было связано с оформлением не только текущих разводов, но и фактически совершившихся до войны, а также в военные годы, особенно после введения в действие нового брачного законодательства 1944 г. [3, с. 235]. Способствовала ее росту и диспропорция полов, так как избыток женского населения вселял уверенность в то, что в случае развода мужчина без особых затруднений сможет создать новую семью.

Кроме увеличения числа разводов еще одним проявлением процесса дестабилизации брака было и увеличение в послевоенные годы доли расторгаемых браков с длительными сроками совместной жизни (табл. 5).

Таблица 5

Продолжительность браков расторгнутых в г. Н. Тагиле в 1948–1959, %*

Время пребывания в браке, лет	Год								
	1948	1949	1951	1952	1954	1956	1957	1958	1959
До 1 года	5,3	2,4	3,5	3,4	2,8	1,9	2,7	4,4	4,2
1 - 2 года	36,8	34,1	23,2	20,8	17,0	15,9	17,4	16,1	19,1
3 - 4 года	15,8	28,2	26,1	28,1	21,7	13,5	15,1	17,2	15,4
5 - 9 лет	26,3	14,1	22,6	29,2	38,7	45,9	40,9	35,8	35,2
10 - 19 лет	13,2	18,8	20,4	16,3	17,6	17,8	19,7	19,9	20,5
20 лет и более	–	2,4	3,5	2,2	2,2	5,0	4,2	6,6	5,6
Не известно	2,6	–	0,7	–	–	–	–	–	–

* Подсчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 1167. Л. 131, 131 об., 138, 138 об.; Оп. 11. Д. 10. Л. 193, 193 об.; Д. 18. Л. 187, 187 об.; Д. 44. Л. 180, 180 об.; Д. 83. Л. 97, 97 об.; Д. 84. Л. 104, 104 об.; Д. 94. Л. 106, 106 об.; Д. 125. Л. 94, 94 об.

Если в 1948 г. удельный вес расторгнутых браков длительностью свыше 4-х лет составлял 39,5%, то в 1952 г. уже 47,7, в 1954 г. – 58,5, а в 1959 г. – 61,3%.

Подводя итог, следует отметить, что в 1946–1959 гг. в Н. Тагиле наблюдались две неблагоприятные тенденции в брачных отношениях. Первая из них – это снижение уровня брачности, во многом связанное с таким последствием Великой Отечественной войны, как деформация половозрастной структуры населения. Второй тенденцией явилось уменьшение устойчивости заключаемых браков. Процесс дестабилизации брака не ограничился хронологическими рамками рассматриваемого периода, а продолжил развиваться и в последующие годы.

Источники и литература

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1813. Оп. 1.
2. ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 11.
3. Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. 416 с.
4. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 128. Оп. 1. Д. 204.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20.

Организованный набор рабочих в лесную промышленность Карелии во второй половине 1940-х –1960-е гг.

Важнейшими путями пополнения рабочих кадров в Карелии уже с середины 1920-х гг. являлись набор сезонных рабочих и промышленное переселение. Эти источники обеспечения лесной промышленности рабочими кадрами приобрели особое значение в послевоенный период, так как лесная отрасль промышленности республики в начале 1946 г. насчитывала лишь 4,3 тыс. постоянных рабочих, то есть в три раза меньше, чем в 1940 г. [1]. В июле 1946 г. Верховный Совет Карело-Финской ССР утвердил первый послевоенный пятилетний план на 1946–1950 гг., который предусматривал увеличение объема вывозки древесины в республике в 1950 г. в 1,8 раза по сравнению с 1940 г. [2]. Столь масштабные задачи потребовали неотложного решения кадровой проблемы отрасли.

Одной из основных форм обеспечения лесной промышленности Карелии и в целом Севера страны сезонными и постоянными рабочими кадрами стал организованный набор. Удельный вес оргнабора в общем приеме рабочих в лесной промышленности северных районов был выше, чем в других отраслях промышленности и лесной промышленности страны в целом. За исключением первых послевоенных лет, в период демобилизации и эвакуации, доля рабочих, прибывавших на лесозаготовительные предприятия Севера по организованному набору, составляла в среднем 60–70% ко всему количеству поступающей рабочей силы [3].

Большой удельный вес данной формы комплектования трудовых ресурсов объяснялся тем, что, во-первых, лесная промышленность оставалась еще трудоемкой отраслью, в которой широко использовался ручной и мало-квалифицированный труд и не сформировались еще постоянные кадры рабочих. Во-вторых, лесозаготовки Севера испытывали наибольший дефицит рабочей силы, что вызвало потребность в новых пополнениях кадров рабочих [4].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих» набор производился Министерством трудовых резервов в плановом порядке. Предусматривалось заключение индивидуальных трудовых договоров между рабочими и предприятиями, обеспечение государством бесплатного проезда вербующих и их семей на новое место жительства и оказание им на льготных условиях необходимой материальной помощи в жилищно-бытовом устройстве [5].

Постановление Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» разрешило Министерству трудовых резервов выдавать рабочим, направляемым в порядке оргнабора сроком на один год для работы в лесной промышленности Карело-Финской ССР (а также при продлении срока договора), единовременное пособие в размере 500 руб. [6].

Организованный набор рабочей силы проводился главным образом за пределами республики: в Белорусской ССР, Брянской, Тамбовской, Кировской, Костромской, Смоленской, Горьковской, Рязанской, Московской областях, Чувашской, Марийской, Татарской автономных республиках и др. В составе прибывших преобладало сельское население, которое не имело соответствующей подготовки и достаточных трудовых навыков для работы на лесозаготовках. С учетом тяжелых условий труда в лесу предпочтение при оргнаборе рабочей силы отдавалось мужчинам.

Лесозаготовительные предприятия республики ежегодно по системе оргнабора получали в среднем более 10 тыс. новых рабочих. Так, постановлением Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 г. «О мерах по увеличению лесозаготовок в Карело-Финской ССР» предусматривалось до 1 июля 1948 г. провести для Министерства лесной промышленности республики оргнабор 12 тыс. рабочих из Белорусской ССР, Тамбовской, Кировской, Брянской и Костромской областей [7].

Однако при наборе рабочей силы не уделялось должного внимания ее качественному составу, в результате чего нередко до 30% поступивших на предприятия лесной промышленности составляли больные, инвалиды 2-й и 3-й групп. Это являлось одной из основных причин текучести рабочих. Так, за первый квартал 1949 г. с предприятий выбыло 3669 чел., из них по окончании срока договора – только 1384, а по болезни, инвалидности и прочим причинам – свыше 2 тыс. чел. [8].

22 декабря 1950 г. министр лесной и бумажной промышленности КФ ССР направил письмо министру госбезопасности республики, в котором сообщалось, что в 1950 г. на предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности КФССР прибыло в порядке оргнабора из Московской области свыше 700 рабочих. Значительная их часть по несколько раз отбывала наказание в лагерях и, судя по всему, не имела постоянного места

---

* **Вавулинская Людмила Ивановна** (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ludvav@mail.ru.

жительства. Они были завербованы Московской конторой оргнабора на вокзалах. В письме говорилось о целом ряде сообщений из предприятий и трестов о том, что значительная часть прибывших по оргнабору не только не работала, но своим поведением (хулиганство, кражи, драки) терроризировала население и дезорганизовывала работу предприятий [9].

Существенным недостатком оргнабора, при котором рабочая сила привлекалась на непродолжительный срок (от года до трех лет), являлось отсутствие требуемой специальности у завербованных. В 1952 г. 38,8% постоянных рабочих на предприятиях Министерства лесной промышленности КФССР не выполняли установленных норм выработки. Среди сезонных рабочих эта цифра была выше в два с лишним раза – 81,6%, что объяснялось низкой квалификацией и отсутствием надлежащего производственного обучения без отрыва от производства [10]. Для обучения прибывших в республику людей требовались средства и время. Подготовка поступивших по оргнабору рабочих проводилась путем индивидуального и бригадного обучения, на различных курсах и в школах при леспромхозах и трестах. Однако нередко, отработав согласно договору один год, а иногда и не выполнив условия договора, люди уходили из-за трудностей в жилищно-бытовом устройстве. Только по зависящим от администрации предприятий причинам за 9 месяцев 1952 г. выбыло с предприятий Минлеспрома КФССР 10,4 тыс. рабочих [11].

В первом квартале 1951 г. Прокуратура КФССР организовала изучение поступивших устных и письменных трудовых жалоб. Из 1210 разрешенных письменных трудовых жалоб (во втором полугодии 1950 г.) 602 касались действий руководителей лесных организаций (49,7% к общему числу трудовых жалоб). Во втором полугодии 1950 г. в Прокуратуру Пудожского района поступило 90 трудовых жалоб (52% к общему количеству), причем 38% – по вопросу несвоевременной выдачи зарплаты рабочим лесной промышленности. Аналогичное положение было в других районах республики [12].

В докладной записке начальника Кестеньгского РОМ МГБ в Министерство госбезопасности КФССР от 19 декабря 1950 г. сообщалось, что в Кестеньгский район в порядке вербовки прибыло на лесозаготовки около 1500 человек из разных областей страны. Они были размещены в бараках, в клубе и других помещениях, не приспособленных для жилья. Бараки находились в антисанитарном состоянии, в них были установлены железные печки-временки без соблюдения противопожарных требований. Больные находились в общих бараках со здоровыми людьми. Зарплата выдавалась нерегулярно, в продаже часто отсутствовали продукты. Общественное питание не было организовано. В результате 18 декабря 1950 г. 12 человек ушли с лесоучастка [13].

Поступившие по оргнабору в Кестеньгский леспромхоз в мае 1952 г. 183 рабочих не имели обуви. В продаже не было постельного белья, жиров, колбасных изделий, мяса, овощей, рыбы, картофеля [14].

В жалобе, поступившей в Министерство трудовых резервов от рабочего А.М. Гурко, прибывшего в порядке оргнабора с семьей из четырех детей в Пяльмский лесопункт Медвежьегорского леспромхоза, сообщалось о том, что семье пришлось жить в течение двух недель в сарае. Затем Гурко своими силами отремонтировал квартиру в одном из разрушенных домов, но там не было печки, имелась лишь плитка, которая сильно дымила. Семья, находившаяся в дороге с 26 марта по 9 апреля, израсходовала за это время суточные и единовременное пособие, а положенная ссуда в размере 1 тыс. руб. не была выдана. К тому же в течение 10 дней глава семьи не был обеспечен работой. На лесоучасток не завозились продукты, кроме хлеба, и приходилось после работы идти в магазин за 6-7 км. Паспорта у рабочих после приезда в леспромхоз были изъяты и для выхода в город требовалась справка дирекции, так как рядом располагалась зона с заключенными.

Проверка жилищно-бытовых условий на Пяльмском лесопункте показала, что все прибывшие рабочие были размещены в необорудованных помещениях. На одном из лесоучастков 32 рабочих жили в разрушенном доме, где не было умывальников, ведер, простыней, уборной. Столовая находилась на расстоянии 4 км от участка, а котлопункты на участке не были организованы, и рабочие питались одним хлебом, который завозился нерегулярно. Из-за отсутствия денег и хлеба отдельные рабочие собирали на эстакаде гнилую картошку. За два месяца рабочим было выдано 300 гр. жиров и по 1 кг крупы [15].

В Кемском леспромхозе отсутствовали в продаже соль, керосин, а хлеб продавался с перебоями. В столовой с пропускной способностью 200 чел. имелось восемь тарелок, семь стаканов, пять столовых ложек, 10 вилок, одна чайная ложка. Управляющий трестом «Сегежлес» не предоставил транспорта для перевозки на лесоучастки 100 прибывших по оргнабору рабочих, вследствие чего они в течение четырех дней находились с детьми на станции [16].

На 1 января 1952 г. на предприятиях Министерства лесной промышленности насчитывалось 49 521 рабочих, из них 8 153 являлись сезонными рабочими (16,5% рабочих кадров). В ряде трестов эта цифра была выше: по тресту «Медвежьегорсклес» – 27,9, тресту «Южкареллес» – 23,4, тресту «Сегежлес» – 22,8, тресту «Севкареллес» – 18,1% [17].

В целях закрепления рабочих, прибывших по договорам на короткий срок, администрация предприятий предоставляла им льготы при продлении договора в виде единовременного пособия. Однако в леспромхозах и

сплавных конторах оставалась работать незначительная часть прибывших по оргнабору. Так, по состоянию на 20 мая 1949 г. предприятия лесной промышленности перезаключили договора с 750 рабочими на постоянную работу и с 1150 рабочими сроком на один год, что составило 14% к списочному числу рабочих, поступивших в порядке оргнабора в 1948 г. [18].

Имели место случаи использования администрацией предприятий незаконных методов в целях сохранения рабочих кадров. Так, 27 января 1951 г. зам. министра лесной и бумажной промышленности республики направил письмо управляющим трестами, в котором вербовщикам и отделам кадров леспромхозов категорически запрещалось отбирать у завербованных рабочих воинские документы в виде залога за выдаваемые авансы или гарантии против самовольного ухода с работы [19].

Руководство предприятий нередко предпочитало использование сезонной рабочей силы, полагая, что в этом случае не требуется осуществление мероприятий по строительству благоустроенного жилья, обустройству территории лесных поселков, выделению участков под огороды. Результатом такого подхода являлась высокая текучесть рабочей силы на лесозаготовительных предприятиях. В 1951 г. на предприятия Министерства лесной промышленности КФССР в порядке оргнабора прибыло 15 161 чел., а убыло 6 177, в 1952 г. (на 15 декабря) прибыло 16 925, а убыло 6 128 чел. Причем часть рабочих (до 10%) оставляла работу самовольно, не дожидаясь окончания срока договора [20].

Несмотря на некоторое улучшение жилищных и культурно-бытовых условий лесозаготовителей в 1950-е гг., эти проблемы оставались одной из важных причин текучести рабочей силы. Прибывшие в республику в 1955 г. по оргнабору 20 126 чел. впоследствии все выехали за пределы республики [21].

В конце 1950-х – 1960-е гг. организованный набор рабочей силы для лесной промышленности Карелии оставался важной формой обеспечения предприятий кадрами. В 1958 г. за счет оргнабора по Управлению лесной промышленности республики было получено 12 400 чел., в 1961 г. – 5105 рабочих [22]. В 1960-е гг. ежегодно в республику, в том числе в лесную промышленность, завозилось по оргнабору по 8-10 тыс. рабочих [23].

В планировании оргнабора рабочей силы было немало недостатков. Нередко министерства и ведомства предусматривали завоз значительно большего количества рабочих по оргнабору, нежели требовалось для выполнения данного объема работ. Так, Управление лесной промышленности республики без обоснованных расчетов обратилось в Правительство Российской Федерации с просьбой о выделении в четвертом квартале 1962 г. дополнительно к поступающим в постоянные кадры еще 4,5 тыс. сезонных рабочих. Часто предприятия, не располагая необходимой жилплощадью, отказывались от приема рабочей силы [24].

Таким образом, на протяжении первых послевоенных десятилетий оргнабор обеспечивал поступление трудовых ресурсов в промышленность Карелии. Краткосрочность договоров, низкая квалификация основной массы рабочих, большая текучесть кадров вызывали нерациональные расходы, связанные с ежегодным завозом большого количества сезонной рабочей силы и низкой производительностью труда рабочих. Широкое применение оргнабора рабочих на короткие сроки обусловило неудовлетворительное состояние социальной сферы лесных поселков, которые рассматривались как временные «подсобные» объекты.

Источники и литература

1. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988. С. 129.
2. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Карело-Финской ССР на 1946–1950 гг. Петрозаводск, 1946. С. 10.
3. Макуров В.Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск: Карелия, 1979. С. 29.
4. Макуров В.Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера... С. 29–30.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сб. док. в 4-х т. М., 1958. Т. 3. С. 205–209.
6. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 86/548. Л. 5.
7. Карельский государственный архив новейшей истории (в настоящее время – НА РК, далее – КГАНИ). Ф. 8. Оп. 19. Д. 181. Л. 32.
8. НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3762. Л. 15-16.
9. Там же. Ф. Р-2716. Оп. 17. Д. 7/51. Л. 4.
10. Там же. Оп. 10. Д. 35/243. Л. 134-135.
11. Там же. Оп. 11. Д. 31/200. Л. 21.
12. Там же. Ф. Р-1604. Оп. 1. Д. 8/42. Л. 19.
13. КГАНИ. Ф. 8. Оп. 85. Д. 34. Л. 2.
14. Там же. Оп. 86. Д. 129. Л. 4.
15. НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3250. Л. 58, 61.
16. Там же. Ф. Р-2716. Оп. 11. Д. 31/200. Л. 23.

17. Там же. Оп. 10. Д. 35/244. Л. 20, 21.
18. Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3762. Л. 16.
19. Там же. Ф. Р-2716. Оп. 17. Д. 7/51. Л. 19.
20. Там же. Оп. 10. Д. 35/244 Л. 140–141,150.
21. Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 65. Л. 84.
22. Там же. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 33/196. Л. 31–32; Ф. Р-2840. Оп. 2. Д. 180/1726. Л. 328.
23. Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1411. Л. 284.
24. Там же. Д. 171/906. Л. 23.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Т.П. Хлынина*

«Черкесский вопрос» и Всероссийская перепись населения 2010 г.**

Всероссийская перепись населения как инструмент актуализации этнической принадлежности. Привычное восприятие Всероссийской переписи компендиумом сведений о народонаселении страны значительно сужает ее источниковые возможности. За пределами профессионального внимания исследователя остаются многие вопросы, напрямую не связанные с задачами ее проведения и характером полученной информации. Тем не менее именно эта «факультативная инфраструктура» любой переписи позволяет взглянуть на ее далеко не исчерпываемый официальным предназначением потенциал под иным углом зрения. Речь идет, прежде всего, об использовании проводимых переписных кампаний отдельными гражданами и группами таковых для манифестации социального статуса и этнической принадлежности. В отличие от других способов их обнаружения перепись обладает несколькими неоспоримыми преимуществами. Во-первых, ее масштаб позволяет быть услышанными всей страной. Во-вторых, процесс проведения переписи и полученные ее результаты обладают обязательной дескриптивностью, а значит, будут прочитаны большей, чем обычно аудиторией. В-третьих, поднимаемые в связи с проведением переписи вопросы, а также полученные на них ответы помнятся еще долгие годы. Так, в ходе проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. «правом на существование» обзавелись «эльфы», «хоббиты» и «готы». Зачисленные официальной статистикой в разряд «экзотических персонажей» они до сих пор памятны массовому сознанию россиян. Подобного рода идентификационные казусы стали следствием одного из главных принципов современных переписей населения (национальная принадлежность граждан фиксируется только с их собственных слов, не требуя документальных тому подтверждений) и с определенной долей условности могут рассматриваться подтверждением ситуативной природы этнической идентичности. Этническая идентичность как атрибут коллективного состояния складывается под воздействием множества самых разнообразных факторов, отсутствие четкой иерархии которых и давление конкретной ситуации все чаще склоняет исследователя к мысли об ее сложно сконструированном происхождении.

Между тем вопрос о национальной принадлежности (как «высшей формы» проявления этнической идентичности), исчезнувшей из анкет и главного удостоверяющего личность документа гражданина РФ – паспорта, имеет принципиальное значение не только для государства, но и ее носителей. Первое, исходя из этнического многообразия населения, формирует национальную политику, а последние – являются наглядным ее воплощением. Их интересы не всегда совпадают, но требуют взаимного согласования. Поэтому сокращение или увеличение численности отдельных этнических групп – повод для обоюдного беспокойства, зачастую перерастающий в затяжное противостояние сторон. Подтверждением тому может служить так называемый «черкесский вопрос», чье возникновение и последующее бытование стали своеобразной проверкой на прочность не только приамордистской доктрины и идеи «единства субэтнических групп одного народа», но и формирования основополагающих принципов национальной политики страны. Накануне проведения переписи 2010 г. ряд общественных организаций Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи обратились ко всем адыгам с призывом использовать единое название «черкес» и записать свою национальность в переписных листах под этим этнонимом. Перепись должна была продемонстрировать «исторически сложившееся единство черкесского народа» и стать веским доводом в пользу окончательного разрешения самого «черкесского вопроса».

«Черкесский вопрос»: предыстория возникновения и современное состояние. Своим возникновением «черкесский вопрос» всецело обязан, пожалуй, самой трагической странице интеграции Северного Кавказа в состав

* Хлынина Татьяна Павловна (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного ЦН РАН, tatiana_xl@mail.ru.

** Публикация выполнена в рамках проектов: «Нацстроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» (2012–2014); «Отражение Кавказской и Гражданской войн в современной общественно-политической жизни народов юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

Российской империи – Кавказской войне. Начавшийся в конце XVIII в. и формально завершившийся во второй половине XIX в. процесс этот неоднократно становился предметом ожесточенных научных дискуссий и политических спекуляций. Причинами тому оказывались как сами обстоятельства финальной драмы «замирения» региона, вылившейся в кровопролитную войну и массовый исход адыгов [1], так и соображения сугубо конъюнктурного порядка. Неоднозначно оцениваемый и многогранный по своей природе «черкесский вопрос» в настоящее время все чаще становится средством давления на федеральные власти и охотно используется лидерами общественных движений в борьбе за признание геноцида адыгов и время от времени выдвигаемого проекта по созданию нового «черкесского» субъекта РФ [2].

Признание геноцида адыгов Россией – одно из основных требований радикального крыла черкесских общественных организаций и ряда представителей творческой интеллигенции. Их суть сводится к признанию вины царизма (в лице его нынешней правопреемницы демократической России) за целенаправленное уничтожение адыгского этноса в прошлом и его нынешнее состояние. Массовый исход адыгов с исторической родины рассматривается ими как гуманитарная катастрофа, приведшая не только к резкому сокращению численности этноса, но и его последующему распылению в составе нескольких административно-территориальных образований. Последние расцениваются в качестве умелого политического маневра советской власти, отвлекшего адыгов от борьбы за национальную консолидацию. Напомню, что к началу развернувшегося на Северном Кавказе национально-государственного строительства адыги компактно проживали на территориях Кубано-Черноморской области (Туапсинского округа, Екатеринодарского, Майкопского, Баталпашинского отделов) и Нальчикского округа. Для каждой из субэтнических групп адыгов был разработан свой вариант административно-территориального устройства, причиной чему являлись вполне конкретные обстоятельства: экономические возможности территории, численность народов, политические настроения элиты, текущие задачи национальной политики власти.

Первым опытом национального самоопределения для кабардинцев, проживавших на территории Нальчикского округа, стало вхождение в состав Горской АССР на правах Кабардинского национального округа. 1 сентября 1921 г. Постановлением ВЦИК РСФСР была образована Кабардинская автономная область с непосредственным подчинением общероссийским органам власти. Однако выделение кабардинцев из состава Горской республики повлекло за собою и необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Однако невозможность урегулирования границ новой автономии, прочная территориальная и экономическая связь с Кабардой, в конечном итоге, подвели центр к идее создания объединенной Кабардино-Балкарской автономной области. Судьба черкесского населения Баталпашинского отдела оказалась тесно связанной с дальнейшим существованием еще одного участника коллективной автономии горцев – Карачаевского округа. Территориальная и экономическая невозможность его выделения из состава Горской АССР послужили причиной образования Карачаево-Черкесской автономной области, многонациональный состав населения которой очень быстро привел ее к распаду. Уже в апреле 1926 г. на ее месте создавались Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ, преобразованный через два года в автономную область. По свидетельству архивных документов, одной из причин непрочности объединенной автономии оказалась так и не преодоленная в процессе совместного проживания застарелая «неприязнь между карачаевцами и черкесами».

Несколько иначе сложилась судьба адыгов, проживавших в Майкопском и Екатеринодарском отделах Кубано-Черноморской области. В отличие от остальных северокавказских народов, получивших свой первый опыт национального самоопределения в составе Горской АССР, кубанские адыги в нее не входили. 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области, которая вошла в состав Кубано-Черноморской области. Несмотря на давние экономические связи и культурную близость отношения между ними складывались не всегда просто, что вылилось в длительную тяжбу по присоединению к Адыгее оставшихся на Кубани адыгских аулов, в первую очередь, Туапсинского округа. Не дожидаясь окончания этого спора, причерноморские шапсуги Туапсинского округа решили самостоятельно определить свою судьбу, объявив 4 сентября 1922 г. о создании Шапсугской Советской Социалистической Республики с центром в Туапсе. Противниками новой республики оказались не только центральные органы власти, но и руководство Адыгеи, увидевшее в республике «акт деления черкесской нации на несколько обособленных народов». Двумя годами позже было принято решение о создании Шапсугского национального района, который просуществовал до 27 мая 1945 г. и после неоднократных территориальных преобразований был переименован в Лазаревский район. В 1936 г. Кабардино-Балкарская автономная область была преобразована в автономную республику. В 1943–1944 гг. с упразднением национальных автономий карачаевского и балкарского народов образовывались Кабардинская АССР и Черкесская автономная область. В 1957 г. после реабилитации депортированных народов они были восстановлены в прежнем довоенном статусе [3].

С распадом Советского Союза в адыгских субъектах, оцениваемых «административным произволом власти в отношении единого народа», все чаще стала звучать идея создания черкесского государства, рассматривавшегося в качестве восстановления исторической справедливости в отношении народа, некогда изгнанного с исто-

рической родины [4]. Причем право на возвращение адыгов на земли предков стало краеугольным основанием для решения «черкесского вопроса» «в принципе». Лидер «Черкесского конгресса Адыгеи» в интервью автору статьи, отвечая на вопрос о предполагаемой численности «возвращенцев», подчеркнул: *«Если посчитать, их всего несколько человек. А почему? Конституция должна быть международной, общечеловеческая. Мы о чем сейчас говорим? Должно быть право возвращения черкесов, может вернется 5 человек <...> Принципиально важно в соответствии с уставом ООН, международно-правовых актов, в том числе, которые ратифицировала Россия <...> Принимается положение, согласно которому любой черкес является гражданином РФ. Сколько переедет, это уже не мой вопрос. Это то, что должно следовать. Абсолютно Россия должна это сделать. Если не делает, то, в общем-то, возникает много вопросов»* [5]. Однако многообразие этнонимов, «навязанных адыгам» все той же «антинародной властью» и воспринимаемых массовым сознанием различными народами, требовало приведения к единому знаменателю их общего названия. Выходом из создавшегося положения как раз и должна была стать Всероссийская перепись населения. Именно единое для адыгов название, по мнению ряда региональных исследователей, позволило бы черкесскому народу консолидироваться.

«Один народ – одна нация». Этот слоган, выдвинутый рядом общественных организаций и горячо поддержанный черкесскими активистами, призван был не только объединить российских адыгов, но и послужить началом их территориальной консолидации. Высказывались предположения, что в ходе проведения переписи их число намного возрастет и решение «черкесского вопроса» уже не заставит себя ждать. Однако в реальности все оказалось намного сложнее. Накануне проведения переписи Международная Черкесская ассоциация (МЧА) обратилась ко всем входящим в нее черкесским организациям с призывом *«придерживается принципа, что все эти субэтносы составляют единый народ, который на русском языке правильно называть черкесами. Такой подход имеет глубокие исторические корни. Понятно, что в силу недостаточной информированности и инерции мышления, не каждый представитель нашего народа готов сегодня отказаться от привычного локального наименования этнической группы (убых, шапсуг, адыгеец, кабардинец и т.д.). Но это вовсе не означает, что они не являются черкесами или частью черкесского народа»*. Показательно, что в подтверждение правильности избранной позиции МЧА апеллировала к экспертному заключению Института этнологии и антропологии РАН от 25.05.2010, в котором делался вывод о том, что убыхи, шапсуги, адыгейцы, черкесы и кабардинцы являются *«субэтносами одного – черкесского (адыгского) народа»* [6].

С целью преодоления *«дальнейшего разобщения народа администрация независимого информационного Черкесского портала www.eLot.ru»* приняла решение о корректировке всех размещаемых на страницах Интернет-ресурса русскоязычных публикаций в соответствии *«приведения названия нашего народа и его производных к использованию единого, научно аргументированного, исторически обоснованного написания»*. Таковым признавались: *«черкесы, черкесский, черкес (мужской род), черкешенка (женский род)»*. Администрация призвала и своих пользователей *«в собственных сообщениях, комментариях, а также в повседневной жизни придерживаться этих правил»* [7]. Пользователям сайта был предложен опрос, «проведенный среди представителей адыгского народа по решению Исполкома МЧА от 19 февраля 2011 г. рекомендовать всем адыгам называть себя на русском и других языках черкесами». Опрошенные в числе 50 чел., в основном представители научной интеллигенции и студенческой молодежи, выразили свою единодушную поддержку принятой инициативе, находя ее исторически оправданной и полезной для народа в целом. Правда прозвучали и более трезвые ее оценки, так и оставшиеся незамеченными в общем потоке одобрительных откликов. На тот момент времени уже бывший президент Международной Черкесской ассоциации д.и.н. К. Дзамихов отметил: *«Я разделяю это решение. Считаю его правильным. Я сам возглавлял МЧА, и само название Международная Черкесская ассоциация говорит о том, что адыги – это черкесы. Вопрос чрезвычайно важный. Рад, что МЧА приняла такое решение. Осталось донести важность такой постановки вопроса до общественного сознания нашего народа. У МЧА есть шанс показать хоть какую-то свою связь с собственным этносом. Жаль, что такие мощные по замыслу и потенциалу организации, как МЧА и АМАН, существуют практически сами по себе, а народ – сам по себе»* [8]. Черкесская молодежь Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Краснодарского и Ставропольского краев выступила с акцией «Один народ – одно название – одно будущее». В своем обращении к *«братьям и сестрам»* она призвала внести свой личный вклад в восстановление единства народа *«и во время переписи населения 2010 года, которая будет проводиться на русском языке, указывать переписчикам свою национальность как “черкес” и “черкешенка”, в какой бы республике, крае или области вы ни жили»* [9].

Несостоявшееся единство. Между тем, несмотря на, казалось бы, внятные и активно одобряемые инициативы, широкой поддержки среди адыгов они так и не получили. Причинами тому оказалась не только *«навязанная им региональная идентичность»*, которую сторонники «одного народа – одной нации» полагают основным источником приверженности кабардинцев, черкесов, адыгейцев и шапсугам к своим этнонимам: *«Адыги и черкесы, на мой взгляд, практически синонимы. Нет такой национальности “черкесы”. Это объединенные адыги»*. Но и предупредительный напор, предпринятый черкесскими активистами и вылившийся в массовую кампанию

навязываемого выбора: «Думаю, что пропаганда в таких случаях не нужна. Каждый взрослый человек должен знать историю своей страны, своего народа, своей семьи. Он самостоятельно должен изучить исторические материалы о своем этнониме, которых полно в Интернете, книгах. И сам должен решить, что он хочет, что выбирает» [10]. Однако самой неожиданной оказалась позиция руководства «Общественного парламента – Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов», выступившего с призывом к шапсугам писаться исключительно шапсугами. Председатель Общественного парламента М.Х. Чачух ее объяснил следующим образом: «Есть федеральный закон “О гарантиях прав коренных малых народов” Российской Федерации. Там сказано, какие народы являются коренными, малочисленными, те народы, которые проживают на территории своей исконной среды обитания традиционно. Есть там по определениям ООН, какие народы признаются коренными, там свыше 500 лет кто на этом месте проживает. Мы там 5000 лет проживаем, во-первых, и менее 50 000 населения <...> Ну, если мы себя как субэтнос обозначаем “шапсуги”, тогда мы можем претендовать на вот такой статус коренного малочисленного народа» [11].

Перепись 2010 г. так и не стала инструментом адыгского единства. По ее результатам в РФ адыгов – черкесов не стало больше; не исчезли и их региональные этнонимы, а «черкесский вопрос» все еще ждет своего дальнейшего разрешения. Тем не менее она наглядно продемонстрировала возможности и ограничения переписной кампании по этнической сборке народа, оказавшегося разделенным административно-территориальными границами и связывающего свою судьбу с конкретными регионами проживания.

Источники и литература

1. Одной из последних профессиональных попыток внесения «документальной ясности» в вопрос о мотивах переселенческой политики Российской империи, численности мухаджиров и роли в этом процессе иностранных держав стал Интернет-проект «Переселение черкесов в Османскую империю по документам российских архивов. 1860–1865». URL: <http://kavkaz.rusarchives.ru/o-proekte.html> (дата обращения: 14.06.2014).
2. Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8. № 1. С. 80–81.
3. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д. С. 103–186.
4. См., подробнее: Хлынина Т.П. Динамика социального самочувствия репатриантов как показатель адаптивных возможностей традиционной культуры // Сбережение народа: традиционная народная культура. Материалы научно-практической конференции (8 – 9 июня 2007 г., г. Краснодар). Краснодар, 2007. С. 133–137; Она же. Косовские адыги-репатрианты в миграционном потенциале Республики Адыгея // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 2. Ростов н/Д., 2008. С. 74–77.
5. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Республика Адыгея. Запись 27.07.2012. Респондент: М.П. Берзегов.
6. МЧА: Мы единый народ, который на русском языке правильно называть черкесами. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2059&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).
7. Заявление администрации eLot.ru. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).
8. Что думают черкесы о решении МЧА рекомендовать всем адыгам называть себя черкесами? URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).
9. Сделай копию – помоги своему народу восстановить имя. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1844&Itemid=94 (дата обращения: 14.06.2014).
10. Результаты переписи адыгов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи будут известны в мае 2011 года. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/178073/> (дата обращения: 14.06.2014).
11. ПМА. Пос. Лазаревское Краснодарского края. Запись 23.06.2013. Респондент: М.Х. Чачух.

Особенности и проблемы формирования демографического и трудового потенциалов северных регионов России в постсоветский период

Формирование демографического и трудового потенциалов в малонаселённых северных регионах определяется целями и масштабами их хозяйственного освоения. Главной движущей силой процесса их формирования выступает экономическая целесообразность вовлечения в хозяйственный оборот дефицитных для страны природных ресурсов. Общая схема формирования населения северных территорий обычно включает три этапа, отражающие изменение роли и соотношения миграционного и естественного движения на прирост населения. На пионерном этапе освоения и заселения северных территорий население формируется главным образом за счёт миграционного притока пришлого населения, который, в свою очередь, стимулирует активизацию процессов естественного движения населения. На следующем этапе наблюдается постепенное замедление темпов миграционного притока, начинают набирать силу процессы естественного движения населения. На завершающем этапе формирования демографического потенциала северного региона основным фактором роста населения становится естественный прирост. В случае отсутствия или недостаточной миграционной подпитки территории наиболее вероятно стабилизация демографического потенциала региона с последующим уменьшением численности населения за счёт естественной убыли и (или) миграционного оттока.

Широкомасштабное освоение зоны Севера, наметившееся в первой половине 1960-х гг., положило начало весьма длительному периоду демографического роста, который продолжался до конца 1980-х гг. С 1959 по 1989 г. число жителей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей увеличилось с 3,8 млн. чел., или в 2,6 раза, в то время как всё население РСФСР – всего в 1,3 раза. При этом удельный вес северян в общей численности населения РСФСР удвоился с 3,2 до 6,6%. С конца 1980-х гг. темпы прироста населения зоны Севера стали замедляться в результате начавшегося оттока населения из районов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг. и продолжающийся до настоящего времени демографический кризис прервал довольно продолжительный послевоенный период устойчивого роста демографических процессов. Одним из его негативных проявлений стало широкое распространение депопуляционных процессов, которые стали характерны как для городского, так и сельского населения большинства российских регионов. Являясь одной из закономерных стадий развития демографического процесса, демографический кризис служит своеобразным сигналом для корректировки демографической политики, которая предусматривает разработку и реализацию системы взаимосвязанных мер по развитию демографических процессов, адекватных сложившейся демографической ситуации и способствующих выводу из демографического кризиса [1].

С распадом СССР и началом рыночных преобразований сформированный в советское время демографический потенциал зоны Севера стал подвергаться необоснованному разрушению. Однако при этом резкого уменьшения численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей не произошло в связи увеличением площади законодательно утверждённых северных территорий до 11,9 млн. кв. км. Если к концу существования СССР доля районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей составляла 49,1% его общей площади, то после распада СССР удельный вес законодательно утверждённых северных территорий в общей площади РФ увеличился с 64,3 до 69,6%. К началу 1993 г. исторического максимума достигли численность северян (12,6 млн. человек), их удельный вес в населении России (8,5%) и средняя плотность жителей (106 чел.к на 100 кв. км). Между тем прирост площади зоны Севера лишь на время задержал спад в демографическом развитии в северных регионах, вызванный демографическим кризисом начала 1990-х гг. После относительной стабилизации демографического потенциала Севера России на уровне 12 млн. чел. с середины 1990-х гг. численность северян неуклонно сокращается.

В общем потоке покидающих северные территории преобладают трудоспособные квалифицированные кадры молодых возрастных групп, во многом адаптированные к проживанию и работе в суровых северных условиях. При этом в общем потоке покидающих северные территории преобладают трудоспособные квалифицированные кадры молодых возрастных групп, во многом адаптированные к проживанию и работе в суровых северных условиях. Между тем, как положительную тенденцию следует отметить то, что в период с 2003 по 2010 г. население северных территорий стало убывать медленнее, чем население России в целом. На начало 2010 г. в границах за-

* **Обедков Анатолий Павлович** (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма Сыктывкарского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, obedkovar@gmail.com.

конодательно утверждённых северных территорий России проживало 10,5 млн. чел., или 8,1% от общего числа россиян. Одновременно с сокращением демографического потенциала произошло снижение средней плотности населения до 88 чел. на 100 кв. км (табл. 1).

Абсолютное преобладание северных территорий в общей площади современной России наложило отпечаток на многие стороны их экономического и социально-демографического развития. Суровые климатические и сложные ландшафтные условия производства и проживания людей на Севере значительно повышают общие издержки производства, снижая конкурентоспособность производимой здесь продукции. В свою очередь, дискомфортные условия для работы и проживания на Севере пришлых контингентов населения в сочетании с низкой транспортно-инфраструктурной и хозяйственной освоенностью территории весьма затрудняют формирование демографического потенциала северных регионов России.

Таблица 1

Динамика численности населения и заселённости России и зоны Севера в 1959–2010 гг.
(в границах законодательно утверждённых северных территорий соответствующих лет)

Годы	Численность населения на начало года, млн. чел.		Доля зоны Севера в населении РФ, %	Площадь зоны Севера, млн. кв. км	Число жителей на 100 кв. км	
	Российская Федерация	Зона Севера			Российская Федерация	Зона Севера
1	2	3	4	5	6	7
1959	117,5	3,8	3,2	10,5	687	36
1966	127,2	4,9	3,9	10,9	744	42
1970	130,1	5,4	4,1	10,9	761	50
1979	137,6	7,7	5,6	10,9	805	71
1986	143,8	9,2	6,4	11,0	841	84
1989	147,4	9,8	6,6	11,0	862	90
1993	148,7	12,6	8,5	11,9	870	106
1996	148,0	12,0	8,1	11,9	865	101
1999	146,4	11,7	8,0	11,9	856	98
2003	145,0	10,8	7,4	11,9	848	91
2006	142,7	10,6	7,4	11,9	834	90
2010	141,9	10,5	7,4	11,9	830	88

Составлено по: [2, 3, 4, 5].

В результате рыночных преобразований и постиндустриального трансформационного перехода существенно пострадали северные территории, которые в наибольшей степени испытали на себе последствия системного кризиса в развитии и функционировании практически всех сфер жизнедеятельности. С начала 1990-х гг. и поныне ведущей тенденцией их демографического развития стало устойчивое сокращение населения, вызванное как естественной убылью, так и миграционным оттоком населения. Причём острота депопуляционных процессов в северных регионах страны была обусловлена не столько низкой рождаемостью, сколько высокой смертностью и вызванной этим низкой ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни, являющейся одним из индикаторов социально-демографического благополучия. В связи с этим меры по снижению уровня смертности северян должны стать одним из основных факторов оптимизации параметров воспроизводства населения.

В первой половине 1990-х гг. в большинстве северных регионов России произошёл переход от простого к суженному типу воспроизводства населения. По данным за 2005 г. естественная убыль населения была характерна для жителей республик Бурятия, Карелия и Коми; Красноярского, Пермского, Приморского и Хабаровского краёв; Амурской, Архангельской, Иркутской, Камчатской, Магаданской, Мурманской, Сахалинской, Томской, Читинской областей и Корякского автономного округа. При этом в республиках Алтай, Саха (Якутия) и Тыва; Тюменской области; Ненецком, Таймырском (Долгано-Ненецком), Ханты-Мансийском – Югра, Чукотском, Эвенкийском и Ямало-Ненецком автономных округах сохранялся простой тип воспроизводства населения с небольшим превышением показателей рождаемости над уровнем смертности. В последующее пятилетие наметилась тенденция уменьшения числа северных регионов с убылью населения на фоне увеличения числа регионов, в которых происходит рост численности населения.

Анализ степени влияния источников формирования населения на динамику и характер изменения демографического потенциала северных регионов России позволил выделить две неравные по количеству группы

северных субъектов РФ, в которых в последние годы наблюдается либо сокращение, либо увеличение численности постоянного населения. По данным Росстата за 2009 г., в 15 из 24 субъектов РФ, имеющих в своём составе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, произошло сокращение численности населения, в том числе в девяти – за счёт естественной убыли и миграционного оттока населения, в одном – за счёт превышения естественной убыли над миграционным приростом и в пяти – за счёт превышения миграционного оттока над естественным приростом. Наиболее депрессивными в демографическом отношении являются республики Карелия и Коми, Пермский и Приморский края, Амурская, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, в которых демографический потенциал непрерывно сокращается как за счёт естественной убыли, так и миграционного оттока населения. При этом в девяти северных субъектах РФ население увеличилось, в том числе в пяти – за счёт естественного и миграционного прироста, а в четырёх – за счёт превышения естественного прироста над миграционным оттоком. Наиболее благополучными в демографическом отношении являются республики Алтай, Бурятия и Тыва, Красноярский край, Томская и Тюменская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, в которых было отмечено увеличение численности населения главным образом за счёт естественного прироста [5, с. 36–37].

В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях сформировались обширные ареалы из регионов с миграционным оттоком населения. На Европейском Севере миграционный отток населения наблюдается в республиках Карелии и Коми, в Пермском крае, Архангельской и Мурманской областях, на Восточно-Сибирском Севере – в Забайкальском крае и Иркутской области; на Дальневосточном Севере – в республике Саха (Якутия), Камчатском и Приморском краях, Амурской, Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском АО. На фоне этих северных регионов с механическим оттоком населения миграционный прирост наблюдался лишь в девяти северных регионах – в республиках Алтай, Бурятия и Тыва, Красноярском крае, Томской и Тюменской областях, Ненецком, Ханты-Мансийском – Югра и Ямало-Ненецком автономных округах.

В межпереписной период с 1989 по 2002 г. из 27 субъектов РФ, которые полностью и частично относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, 23 непрерывно теряли своё население и всего четыре региона стабилизировали и увеличили свою численность. Наибольшие демографические потери в эти годы понесли регионы Дальневосточного Севера, характеризующиеся наиболее суровыми природно-климатическими условиями, низкими показателями хозяйственной и транспортной освоенности, слабой заселённостью территории и редкой сетью населённых пунктов.

За межпереписной период численность населения Чукотского автономного округа сократилась на 65%, Магаданской области – на 52%, Корякского автономного округа – на 37%. В среднем на 35–40% уменьшилось население законодательно утверждённых северных территорий Амурской и Читинской областей, на 25–30% – Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов, на 20–25% – Республики Бурятия, Приморского края, Камчатской, Мурманской и Сахалинской областей, Ненецкого автономного округа, на 15–20% – республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского и Хабаровского краёв, Иркутской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, на 10–15% – Архангельской и Томской областей, на 5–10% – Республики Карелия и Тюменской области. Столь значительное снижение за короткий срок демографического потенциала этих субъектов РФ произошло главным образом вследствие продолжающегося и поныне оттока населения в другие регионы страны, вызванного комплексом неблагоприятных факторов, в числе которых – резкий спад масштабов производства и рост транспортных тарифов, ликвидация ряда градообразующих предприятий и рост безработицы, трудности с трудоустройством и сменой рода деятельности, потеря материальных и моральных стимулов работы и проживания на Севере, снижение уровня государственных гарантий и пенсионного обеспечения, обесценивание накопленных в советское время средств и падение уровня жизни населения. К тому же, по сравнению с регионами Главной полосы хозяйственного освоения и расселения России и среднероссийскими показателями, в большинстве северных регионов сложились более высокие индексы потребительских цен на фоне более низких темпов роста денежных доходов на душу населения, которые, в свою очередь, уступают темпам роста потребительских расходов.

В двух национальных автономиях (республики Алтай и Тыва), отнесённых к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в первой половине 1990-х гг., произошла стабилизация численности населения. В рассматриваемый период только в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, являющихся лидерами в добыче нефти и газа в России, была отмечена положительная динамика населения. При этом численность населения Ханты-Мансийского автономного округа увеличилась на 9,1%, а Ямало-Ненецкого автономного округа – на 2,8%. Суммарный удельный вес этих автономных округов в общей численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностях возрос с 14,0 до 17,9%. Во многом благодаря росту населения в двух ведущих нефтегазодобывающих регионах страны Западно-Сибирский Север оставался единственным макрорегионом Российского Севера с динамично растущим населением. В межпереписной период с 1989 по 2002 г. удельный вес населения Западно-Сибирского Севера увеличился на 4%, достигнув 20,5%. Между

тем нынешние успехи экономического и социально-демографического развития нефтегаздобывающих регионов Западно-Сибирского Севера не являются гарантией их благополучия в будущем.

После переписи населения 2002 г. в динамике численности населения большинства северных регионов продолжают действовать демографические тенденции, наметившиеся в первой половине 1990-х гг. Особенностью демографического развития северных территорий в последние годы стало замедление темпов падения численности населения. В период с 2003 по 2010 г. население районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий сократилось на 291 тыс. чел., или на 2,7%. Как и в предыдущие годы, основной причиной убыли населения Российского Севера остаётся миграционный отток, а основным макрорегионом демографических потерь – Европейский Север, потерявший с 2003 по 2010 г. 230 тыс. чел., или 5,8% своего населения. При этом численность населения Азиатского Севера уменьшилась всего на 0,9, Дальневосточного Севера – на 4,0, а Восточно-Сибирского Севера – на 4,4%. Единственным макрорегионом Российского Севера с положительной динамикой демографических процессов остаётся Западно-Сибирский Север, увеличивший свою численность на 5,7% и по-прежнему сохраняющий миграционную привлекательность.

Исследование тенденций изменения численности населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, позволяет выделить три группы регионов с различными типами динамики демографического развития. Состав первой группы определили 17 северных регионов с отрицательной динамикой прироста населения. В числе северных территорий, которые за рассматриваемый период понесли наибольшие демографические потери, выделяются Магаданская область (-11,5%), Красноярский край (-7,6%), Чукотский АО (-7,5%), Республика Коми (-6,4%), Сахалинская (-6,2%), Архангельская (-6,1%), Мурманская и Томская (-6,0%) области, Иркутская область (-5,7%), Пермский край (-5,3%), Амурская область (-5,1%), Приморский край (-5,0%), Хабаровский край (-4,9%), Камчатский край (-4,9%), республики Бурятия и Карелия (-4,3%), Забайкальский край (-3,8%). Вторую группу образуют всего два северных региона (Республика Саха (Якутия), Ненецкий АО), в которых численность населения за рассматриваемый период не изменилась и произошла стабилизация демографического потенциала. В третью группу входят пять регионов: республики Алтай (6,9%) и Тыва (3,9%), Тюменская область (5,3%), Ханты-Мансийский (7,0%) и Ямало-Ненецкий (7,5%) автономные округа, демонстрирующие положительную динамику демографического развития (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности постоянного населения субъектов Российской Федерации, проживающего в границах законодательно утверждённых северных территорий, в 2003–2010 гг. (на начало года; тыс. чел.)

Субъекты Российской Федерации	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2010 г.	Прирост населения с 2003 по 2010 г.
1	2	3	4	5	6	7
Всего по зоне Севера	10803	10754	10682	10614	10512	-291
Европейский Север	3992	3950	3914	3876	3762	-230
Республика Карелия	715	709	703	698	684	-31
Республика Коми	1016	1006	996	985	951	-65
Архангельская область	1291	1276	1263	1249	1212	-79
Ненецкий АО	42	42	42	42	42	0
Мурманская область	890	880	873	865	837	-53
Пермский край	38	38	37	37	36	-2
Азиатский Север	6811	6803	6768	6738	6750	-61
Сибирский Север	3858	3872	3852	3845	3914	56
Западно-Сибирский Север	2227	2250	2268	2283	2355	128
Республика Алтай	29	29	29	30	31	2
Томская область	232	230	228	225	218	-14
Тюменская область	19	19	19	19	20	1
Ханты-Мансийский АО – Югра	1438	1456	1469	1478	1539	101
Ямало-Ненецкий АО	509	515	523	531	547	38
Восточно-Сибирский Север	1631	1622	1584	1562	1559	-72
Республика Бурятия	116	115	114	114	111	-5

Субъекты Российской Федерации	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2010 г.	Прирост населения с 2003 по 2010 г.
1	2	3	4	5	6	7
Республика Тыва	305	306	308	308	317	12
Забайкальский край	26	25	26	26	25	-1
Красноярский край	529	526	497	481	489	-40
Иркутская область	654	649	639	633	617	-37
Дальневосточный Север	2953	2931	2916	2893	2836	-117
Республика Саха (Якутия)	949	949	951	950	949	0
Камчатский край	358	354	352	349	342	-16
Приморский край	121	120	117	116	115	-6
Хабаровский край	629	623	623	616	598	-31
Амурская область	117	116	115	114	111	-6
Магаданская область	182	178	175	172	161	-21
Сахалинская область	545	538	532	526	511	-34
Чукотский АО	53	51	51	50	49	-4

Составлено по: [5, 6].

На начало 2010 г. в 18 из 24 субъектов РФ, имеющих в своём составе законодательно утверждённые северные территории, относились к числу высокоурбанизированных регионов с долей городского населения свыше 50%. В 13 из них был превышен среднероссийский уровень городского населения, а в восьми – доля городского населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в целом. Доля городского населения в северных субъектах РФ варьируется от 37,1% в Томской области до 95,6% в Магаданской области. При этом в пределах северных территорий Республики Алтай, Пермского края и Тюменской области полностью отсутствуют городские поселения и соответственно городское население. В двух регионах (Забайкальский край и Томская область) удельный вес городского населения менее 50%, а в трёх (Магаданская и Мурманская области; Ханты-Мансийский АО – Югра) он превышает 90% (табл. 3).

В постсоветский период был принят ряд федеральных нормативно-правовых актов, регулирующих миграционные процессы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Потребность в этих законодательных актах во многом была продиктована необходимостью выполнить обязательства государства перед северянами, которые потеряли работу в связи с закрытием нерентабельных предприятий и обслуживающих их деятельность населённых пунктов, а также возможность возвратиться в места прежнего проживания вследствие изменения экономической политики государства. Решение этих проблем в конечном счёте должно было способствовать сокращению государственных расходов на дорогостоящее жизнеобеспечение северян.

Таблица 3

Изменение численности и соотношения городского и сельского населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в 2002–2010 гг.

Северные макрорегионы и субъекты РФ	Всё население, тыс. чел.		В том числе				В % ко всему населению			
			Городское		Сельское		Городское		Сельское	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Российский Север	10837,9	10511,6	8332,0	8128,8	2505,9	2382,8	76,9	77,3	23,1	22,7
Европейский Север	4000,4	3762,3	3126,7	2934,5	873,7	827,8	78,2	78,0	21,8	22,0
Республика Карелия	716,1	684,2	537,4	523,1	178,7	161,1	75,0	76,4	25,0	23,6
Республика Коми	1019,2	951,2	766,5	723,2	252,7	228,0	75,2	76,0	24,8	24,0
Пермский край	38,7	35,8	–	–	38,7	35,8	–	–	100	100
Архангельская область	1292,4	1212,1	973,4	897,9	319,0	314,2	75,3	74,1	24,7	25,9
Мурманская область	837,0	836,7	823,2	763,1	69,3	73,6	91,7	91,2	8,3	8,8
Ненецкий АО	41,5	42,3	26,2	27,2	15,3	15,1	63,1	64,3	36,9	35,7
Западно-Сибирский Север	2221,5	2354,3	1808,2	1954,3	413,2	399,5	81,4	18,6	83,0	17,0

Северные макрорегионы и субъекты РФ	Всё население, тыс. чел.		В том числе				В % ко всему населению			
	2002 г.	2010 г.	Городское		Сельское		Городское		Сельское	
			2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Алтай	29,0	31,5	–	–	29,0	31,5	–	–	100	100
Томская область	233,3	218,1	83,5	81,0	149,8	137,1	35,8	37,1	64,2	62,9
Тюменская область	19,3	19,6	–	–	19,3	19,1	–	–	100	100
Ханты-Мансийский АО – Югра	1432,8	1538,6	1301,9	1409,2	130,9	129,4	90,9	91,6	9,1	8,4
Ямало-Ненецкий АО	507,1	546,5	422,8	464,1	84,2	82,4	83,4	84,9	16,6	15,1
Восточно-Сибирский Север	1623,5	1559,0	1185,9	1127,8	441,6	431,2	73,0	69,5	27,0	30,5
Республика Бурятия	116,5	110,8	66,6	57,2	49,9	53,6	57,2	51,6	42,8	48,4
Республика Тыва	295,3	317,0	125,7	163,3	169,6	153,7	42,6	51,5	57,4	48,5
Забайкальский край	25,6	25,1	11,4	10,9	14,2	14,2	44,5	43,4	55,5	56,6
Красноярский край	530,5	489,1	410,4	366,3	124,1	122,8	76,6	74,9	23,4	25,1
Иркутская область	655,6	617,0	571,8	530,1	83,8	86,9	87,2	85,9	12,8	14,1
Дальневосточный Север	2992,5	2836,0	2215,2	2112,2	777,3	723,8	74,0	74,5	26,0	25,5
Республика Саха (Якутия)	949,3	949,3	610,0	622,1	339,3	327,2	64,3	65,5	35,7	34,5
Камчатский край	383,9	342,3	297,3	270,7	86,6	71,6	77,4	79,1	22,6	20,9
Приморский край	127,1	115,2	94,9	84,0	32,3	31,2	74,7	72,9	25,3	27,1
Хабаровский край	634,5	597,5	461,9	476,1	172,6	121,4	72,8	79,7	27,2	20,3
Амурская область	117,4	111,1	77,8	73,0	39,6	38,1	66,3	65,7	33,7	34,3
Магаданская область	182,7	161,2	168,7	154,1	14,0	7,1	92,3	95,6	7,7	4,4
Сахалинская область	543,8	510,8	468,7	399,8	75,1	111,0	86,2	78,3	13,8	21,7
Чукотский АО	53,8	48,6	35,9	32,3	17,9	16,3	66,7	66,5	33,3	33,5

Составлено по: [4, 5].

Созданная к настоящему времени правовая база для переселения избыточного населения из северных регионов России наметила основные пути и механизмы решения этой сложной проблемы, но не позволила снять её остроту. Основными причинами этого являются недостаточное финансирование ранее принятых решений и отсутствие федерального законодательного акта, обеспечивающего комплексное решение вопросов переселения северян. Большинство из принятых в последние годы законодательных актов, регулирующих миграционные процессы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, направлено на решение комплексных проблем переселения избыточного нетрудоспособного населения Севера. Это должно было обеспечить переход к новой системе обновления состава северян за счёт замены выезжающих из северных регионов квалифицированными кадрами молодых трудоспособных возрастов.

Для смягчения отрицательных последствий демографического кризиса и улучшения параметров демографического развития северных регионов потребуется системное воздействие государства на демографические процессы с целью поддержания необходимой динамики демографического развития и структуры трудового потенциала, отвечающих задачам обеспечения устойчивого социально-экономического развития северных регионов. Основными объектами демографической политики на Российском Севере должны стать базовые демографические пропорции естественного воспроизводства населения и механического движения населения; постоянное коренное (старожильческое) население и временные мигранты; трудоспособное и пожилое население.

Исследование динамики населения и особенностей демографического развития Российского Севера в последние десятилетия показывает необходимость оптимизации численности населения северных регионов с целью поддержания динамики и структуры демографического и трудового потенциалов, соответствующих потребностям устойчивого социально-экономического развития северных территорий. Решение этой проблемы связано с созданием необходимых условий для привлечения, трудоустройства и закрепления в северных регионах молодых квалифицированных кадров; разработкой мер по стимулированию экономической активности функциони-

рующих на Севере организаций и занятости работников, высвобождаемых в связи с закрытием и реструктуризацией градообразующих предприятий городских поселений; оказанием содействия в переселении из северных регионов пенсионеров, инвалидов, безработных и других категорий нетрудоспособных лиц.

Приоритетными направлениями демографической политики в северных регионах России должны выступать базовые демографические пропорции естественного воспроизводства населения и организации миграционных потоков, постоянного населения и временных мигрантов; поддержание демографической динамики коренного, старожильческого и пришлого населения; формирование трудового потенциала за счёт эффективного использования местных кадров в сочетании с вахтовым методом организации труда. Для реализации мероприятий по оптимизации численности населения в районах Севера потребуются координация целенаправленных действий федерального правительства и местных органов власти субъектов Российской Федерации, имеющих в своём составе законодательно определённые северные территории.

Источники и литература

1. Обедков А.П. Демографический кризис и государственное регулирование демографических процессов в северных регионах России // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы II Всероссийской конференции (15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 226–234.
2. Российский статистический ежегодник: Статистический сборник / Госкомстат России. М., 2006.
3. Статистические ежегодники «Народное хозяйство РСФСР» 1960–1990 гг.
4. Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.
5. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2010 г. М.: Росстат, 2010.
6. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2005 году. М.: Росстат, 2006.

Демографическая обусловленность изменений уровня преступности несовершеннолетних в России в 1990–2000 гг.

В публицистике до сих пор можно встретить утверждения, что уголовная статистика фиксирует постоянный интенсивный рост преступности несовершеннолетних на территории Российской Федерации. Действительно были периоды (причем довольно продолжительные), когда такой рост наблюдался. Однако в настоящее время и последние годы официальная статистика фиксирует снижение как общей преступности, так и преступности несовершеннолетних. Наряду с этим понижается и доля преступности несовершеннолетних в общей преступности.

Период роста преступности несовершеннолетних приходился на 1970–1990-е гг. Рост преступности несовершеннолетних начиная с 1975 г. происходил на фоне сокращения или крайне незначительного в отдельные годы увеличения общей численности этой возрастной группы в населении России.

После 1993 г. наблюдается постепенное снижение численности преступлений совершенных несовершеннолетними в абсолютном выражении. В 1994 г. общий уровень ее уже составлял 2563,1 тыс. чел. [1].

В первом году действия УК РФ – в 1997 г. – было зарегистрировано 182,8 тыс. преступлений, в которых приняли участие 161 978 несовершеннолетних [2]. По-видимому, такое резкое падение числа преступлений объясняется введением нового законодательства, декриминализировавшего ряд ранее уголовных деяний. В последующие два года наблюдается довольно резкий рост: 1998 г. – 164 787, 1999 г. – 183 447, а затем снова постепенный спад: 2000 г. – 177 851 и 2001 г. – 172 811 [3].

В 2002 г. зафиксировано резкое уменьшение числа несовершеннолетних преступников до 140 393 чел. Впрочем, в этом же году резко понизилось и общее количество преступников до 1 257 700 с 1 644 242 [3, 4]. Объяснением этому является не улучшение общей криминогенной ситуации в стране, а очередное смягчение уголовного законодательства. Сокращение числа преступников произошло в связи с тем, что часть краж (превалирующий вид преступления) была переведена из разряда уголовно наказуемых деяний в административные проступки. Число регистрируемых краж сразу сократилось на 27,2%. К тому же уголовно-процессуальное законодательство, вступившее в силу в 2002 г., существенно затруднило возможности органов внутренних дел возбуждать уголовные дела и брать под стражу обвиняемых (с этого года фиксируется резкое снижение раскрываемости преступлений) [5].

В последующие два года число несовершеннолетних преступников плавно растет (2003 г. – 145 577, 2004 г. – 151 890). Однако начиная с 2005 г. происходит значительное снижение преступности несовершеннолетних. В первые два года (2005 г. – 149 981, 2006 г. – 148 595) снижение плавное и вполне вписывается в размеры естественных колебаний. Начиная с 2007 г. идет весьма резкое сокращение численности зарегистрированных несовершеннолетних преступников – за четыре года годовые показатели уменьшились вдвое (2007 г. – 131 965, 2008 г. – 107 890, 2009 г. – 85 452, 2010 г. – 70 955, 2011 г. – 65 963 [4].

Еще более показательным, чем количество несовершеннолетних преступников в общем составе выявленных преступников, демонстрирует снижение преступности несовершеннолетних доля их преступлений в общей преступности. По статистическим данным МВД РФ в 2010–2011 гг. (и на начало 2012 г.) на долю несовершеннолетних приходится лишь каждое восемнадцатое преступление, совершенное в стране (5,5%) [6]. Для сравнения в 2005 г. несовершеннолетними при их соучастии совершалось или каждое одиннадцатое преступление (9,1%), а 2006 г. – каждое двенадцатое (8,4%) [7]. Еще раньше каждое десятое преступление приходилось на долю несовершеннолетних – 9,6% в 2003 г. и 9,8% в 2004 г. [8].

Казалось бы, ситуация с преступностью несовершеннолетних весьма благоприятная – динамика на постоянное снижение числа преступлений. Однако столь резкого снижения данного вида преступности не наблюдается из-за объективных социальных условий. В эти же годы отмечается снижение общего числа зарегистрированных преступлений и выявленных преступников (зарегистрировано преступлений: 2007 г. – 3 582 541, 2011 г. – 2 404 807; выявлено преступников: 2007 г. – 1 317 582; 2011 г. – 1 041 340), что может говорить о дальнейшей «гуманизации» законодательства. Другое объяснение видится в снижении общей численности самой возрастной группы несовершеннолетних в России. Как известно, в стране происходит дальнейшее «старение нации», и группа молодых возрастов все более сокращается. К тому же на указанные годы пришлось так называемая «демографическая яма» – поколение с суженным воспроизводством. Как заметно по диаграмме возраст-половой

* Нарватова Анжелика Юрьевна (Вологда) – юрист, ранее – инспектор подразделения по делам несовершеннолетних 2-го отдела УВД по г. Вологде.

структуры населения на начало 2010 г. [9] наиболее многочисленными являются возрастные группы 22-, 23-, 24-, 25-, 26- и 27-летних. Для более младших возрастных групп характерно резкое уменьшение численности: например, численность возрастных групп 8–12-летних вдвое ниже, чем 22–27-летних. Численность группы 12–18-летних занимает промежуточное значение и меньше предшествующего поколения примерно в 1,5 раза. В 2010 г. численность возрастной группы 15–19 лет в России составляла 2 691 203 (из них 1 388 815 чел. мужского пола), а следующая возрастная группа (10–14 лет) – 2 137 165 (в том числе – 1 090 803 м.п.). Для сравнения: в 2002 г. возрастная группа 15–19 лет составляла 3 142 297 (из них 1 639 855 м.п.), а 10–14 лет – 3 287 299 (в том числе – 1 680 219 м.п.) [10]. По данным того же источника видно, что самое суженное (малочисленное) поколение родилось в 1999–2001 гг., и сейчас его представителям лишь 11–13 лет. Таким образом, при сохранении всех прочих социальных условий, ситуации и предпосылок можно ожидать и дальнейшее снижение преступности несовершеннолетних, хотя и не столь резкое, как в последние четыре года.

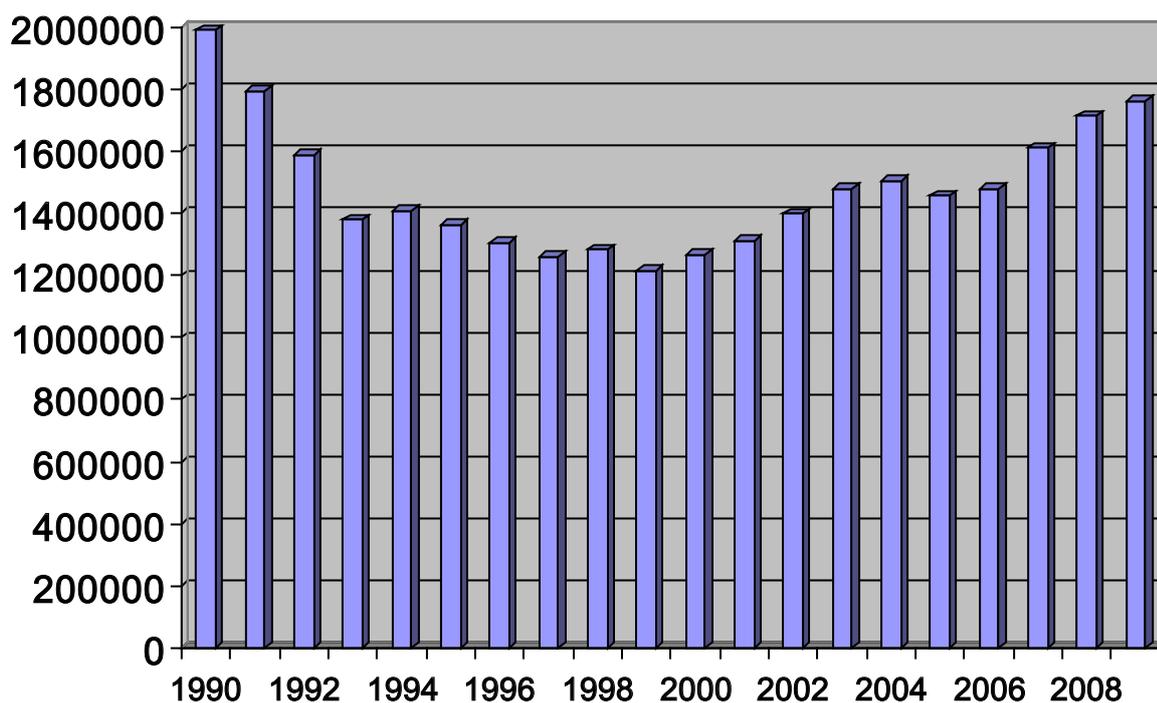

Диаграмма. Число родившихся живыми в 1990–2009 гг.*

Как заметно на диаграмме, после пика достаточно высокой рождаемости в конце 1980-х гг., начиная с 1990 г. рождаемость непрерывно снижалась до начала 2000-х гг. Однако рожденные в конце 1980-х гг. достигли возраста уголовной ответственности лишь в 2001–2003 гг., а возраста наибольшей криминальной активности несовершеннолетних – в 2003–2005 гг. Действительно, криминальная статистика именно в 2004 г. показывает самую высокую долю несовершеннолетних преступников в общем их числе – 12,4%. В дальнейшем прямо в соответствии с изменениями количества несовершеннолетних изменялись и показатели преступности данной возрастной группы. Если брать во внимание изменение численности несовершеннолетних мужского пола, прямое соответствие между снижением их численности и уменьшением выявленных данной категории преступности становится еще более заметным.

При том что абсолютные показатели преступности несовершеннолетних за 2001–2010 гг. в целом по Российской Федерации и по всем регионам демонстрируют значительное снижение совершенных преступлений, коэффициент преступности несовершеннолетних (количество преступлений, совершенных несовершеннолетними на 100 тыс. чел. данной возрастной категории) зачастую демонстрирует рост. В целом по Российской Федерации коэффициент преступности несовершеннолетних составлял от 1 187 до 1 671. Среди регионов особо велик (значительно превышает российский уровень) и постоянно растет на протяжении 2001–2010 гг. коэффициент преступности несовершеннолетних на Дальнем Востоке. Средний показатель здесь за последние пять лет колебался

* Построена по данным статистических сборников: Демографический ежегодник России. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 132; Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. М., 2010. С. 128.

в пределах 2701–3229 (на 100 тыс. несовершеннолетних). В субъектах ДВФО наиболее высокие показатели прослеживаются в Приморском крае (от 2 804 до 3 686), далее следуют Хабаровский край (от 2 527 до 4 092), Еврейская автономная область (от 2 897 до 2 971) и Амурская область (от 2 773 до 3 588). В то же время в 2001–2010 гг. в Дальневосточном регионе отмечается постепенное общее снижение количества преступлений, совершаемых данной категорией лиц (в 2001 г. – 13 072, в 2010 г. – 6 596 преступлений) [11].

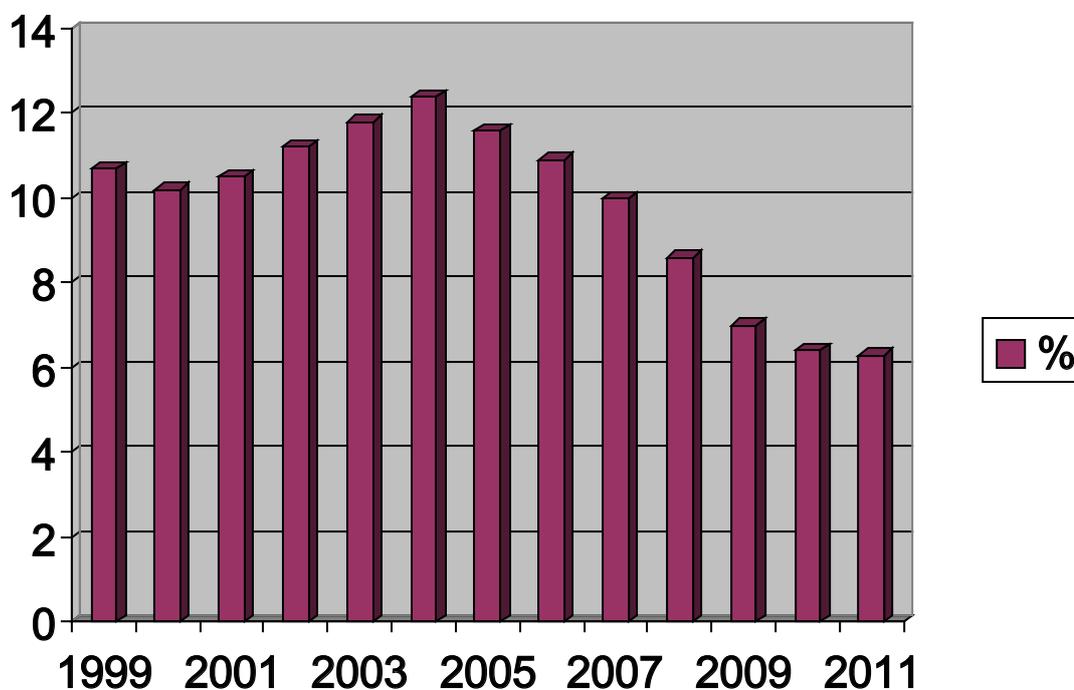

Диаграмма. Процентная доля несовершеннолетних преступников среди выявленных преступников в 1999–2011 гг.*

Чуть меньшие, но также высокие показатели доли преступности несовершеннолетних выделены на северо-западе (Ненецкий автономный округ, Республика Коми и Вологодская область).

Ситуация с преступностью несовершеннолетних по Вологодской области в последние 2008–2011 гг. в целом сходна с ситуацией, отмечаемой в целом по стране. Также заметно резкое снижение уровня преступности несовершеннолетних с 2008 к 2010 г. как в абсолютных показателях, так и долях от общей преступности.

Таблица 1

Лица, совершившие преступления в Вологодской области и городах Вологде и Череповце**

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
По Вологодской области				
Всего лиц совершивших преступления	11606	10893	10222	10493
Среди них несовершеннолетних	1309	1002	892	910
Уд. вес в % общ. прест.	11,28	9,2	8,7	8,67
По г. Вологда				
Всего лиц совершивших преступления	2732	2443	2262	2454
Среди них несовершеннолетних	326	236	203	222
Уд. вес в % общ. прест.	11,9	9,7	9,0	9,0
По г. Череповец				
Всего лиц совершивших преступления	–	2308	–	2414
Среди них несовершеннолетних	–	189	–	222
Уд. вес в % общ. прест.	–	8,2	–	9,3

* Составлена по статистическим материалам: Сильков Д.В. Основные показатели преступности в Российской Федерации в 1999–2011 гг. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1 (19). С. 95.

** Составлена по данным УМВД РФ по г. Вологде.

Справедливости ради нужно заметить, что показатели доли преступности несовершеннолетних в общей преступности по Вологодской области выше, чем по стране в целом. В 2008 г. Вологодская область вошла в число регионов с наибольшей долей преступности несовершеннолетних. В последующие годы она в этот список не попадала, но данный показатель оставался более высоким, чем в целом по Российской Федерации: в 2009 г. – 9,2% (в среднем по стране – 7,0%), в 2010 г. – 8,7% (по стране – 6,4%), в 2011 г. – 8,67% (по стране – 6,3%). По-видимому, как и в целом по стране, в ближайшие 5-6 лет можно ожидать (при отсутствии значительных социальных потрясений) стабилизацию на низком уровне, а в дальнейшем (в последующие годы) значительный рост преступности несовершеннолетних. К такому выводу приводит изучение структуры возрастной пирамиды, сложившееся у нас в стране.

В структуре возрастов несовершеннолетних преступников в Вологодской области в 2008–2009 гг. продолжало сохраняться традиционное значительное превышение (более чем в два раза) старших возрастов (16-17 лет) над младшей возрастной группой (14-15 лет). В 2008 г. на долю возрастной группы 16-17-летних приходилось 68,5% преступлений, а в 2009 г. – 69%.

Таблица 2

**Возраст несовершеннолетних совершивших преступления в 2008–2011 гг.
в Вологодской области и городах Вологда и Череповец***

Возраст	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
По Вологодской области				
14-15 лет	418	311	313	311
Уд. Вес в % общ. прест.	3,6	2,86	3,06	2,96
16-17 лет	891	691	579	599
Уд. Вес в % общ. прест.	7,68	6,34	5,66	5,71
По г. Вологда				
14-15 лет	97	88	90	68
16-17 лет	229	148	113	145
По г. Череповец				
14-15 лет	–	46	–	58
16-17 лет	–	143	–	164

В 2010–2011 гг. ситуация несколько меняется в сторону увеличения доли молодых возрастов («омоложения преступности»), в полном соответствии с тенденцией, отмеченной еще более в ранние годы в целом по стране. Впрочем, в процентном отношении изменения выглядят не столь значительными: в 2010 г. доля 16-17-летних преступников составила 65% (14-15-летних – 35%), а в 2011 г. – 65,8%.

Таким образом, в 2008–2011 гг. в России и отдельных регионах отмечалось значительное снижение показателей преступности несовершеннолетних как в абсолютных количественных цифрах, так и в виде доли в общей преступности. Однако подобная позитивная динамика вызвана не столько улучшением криминогенной обстановки (которая тоже в целом отмечается, если судить по общему уровню преступности), сколько общей демографической ситуацией в стране. Начало «демографической ямы» в отношении возрастов 14–17-летних пришлось на 2008–2009 гг., когда и наблюдалось резкое снижение показателей преступности несовершеннолетних. К 2011–2012 гг. «демографическая яма» по возрастам несовершеннолетних достигла своего «дна», и низкая численность данной возрастной группы будет сохраняться еще 5-6 лет. Соответственно, можно прогнозировать сохранение низких показателей преступности в ближайшие годы, по завершению которых с восстановлением численности группы несовершеннолетних, возможен новый рост данного вида преступности.

Источники и литература

1. Гилинский Я. Преступность несовершеннолетних в России // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2005. № 3. http://index.org.ru/nevol/2005-3/gili_n3.htm
2. Криминология: учебник / Под ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 890.
3. Сильков Д.В. Основные показатели преступности в Российской Федерации в 1998–2010 гг. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1 (15). С. 105.
4. Сильков Д.В. Основные показатели преступности в Российской Федерации в 1999–2011 гг. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1 (19). С. 95.

* Составлена на основании материалов УМВД РФ по г. Вологде на 2009–2012 гг.

5. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 48.
6. Состояние преступности – январь-декабрь 2010 года // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233/; Состояние преступности – январь-декабрь 2011 года // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/; Состояние преступности – январь-март 2012 года // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_104186/
7. Состояние преступности – январь-декабрь 2005 года // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_266/; Состояние преступности – январь-декабрь 2006 год // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_237/
8. Состояние преступности – январь-декабрь 2003 года и Состояние преступности – январь-декабрь 2004 года // Сайт МВД России. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_326/; http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_283/
9. Возрастно-половая структура населения на начало 2010 г. // Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 50.
10. Распределение численности населения по полу и возрасту // Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 45.
11. *Голубничая Л.С.* Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: по материалам Дальневосточного федерального округа: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Владивосток, 2011. С. 12.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Э.А. Савельева*

Историко-культурное место нижневычегодских памятников эпохи средневековья

Предки народа коми известны в русских письменных источниках под именем «Пермь». Географические границы перми по рекам впервые очерчены в «Житии Стефана Пермского». Первой называется Вымь, затем Вычегда, Вятка и Кама. Вероятно, название Пермь первоначально относилось только к предкам коми-зырян, живущим по Вычегде и Выми (Пермь вычегодская), а затем, после христианизации, было перенесено на предков коми-пермяков (пермь великая, глаголемая Чусовая) и, возможно, удмуртов.

В «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми вычегодской», датированной 1485 г., перечислены семь локальных групп древних коми-зырян: вычегодские пермяне, вымичи, удорене, сысолене, крещеные сиряне Ужговские, а также лузская и вилегодская пермца [4, с. 247]. Л.П. Лашук выделяет четыре территориально-племенных объединения коми-зырян эпохи средневековья: вымичи, вычегжане, сысолечи («сырьяне») и «лузские пермяне», причем собственно к перми (по Житию) он относит только вымичей. В ареал обитания перми вычегодской он включает земли по нижней Вычегде (ниже устья Выми) и частично средней Вычегды с притоками Виледью, Яренгой, Вымью и Сысолой, а также верхнее течение р. Луза. Население по Северной Двине и Пинеге, а также нижней Вычегде (от р. Нижняя Лупья до устья Вычегды), по средней и нижней Лузе он относит к иноязычникам, вероятнее всего, заволочской чуди. Этническая принадлежность устюжан определяется как русская. Среди южан, по его мнению, могли быть отчасти и коми, но в бассейне Юга обитало и еще какое-то чудское население. Вилежан он соотносит с пермяками вилегоцкими, но полагает, что здесь могла обитать небольшая группа коми-зырянского населения, переселившегося с нижней Вычегды под напором русского населения, не исключая предположения о формировании вилегодской пермцы за счет выходцев с Лузы или с Сысолы. Лузская пермца, по его мнению, сформировалась за счет выходцев со средней Сысолы [12, с. 109–138].

Как соотносятся эти построения с данными археологии? В настоящее время памятники Перми вычегодской (вымской культуры) открыты и исследованы на Выми, нижней и средней Вычегде, Вашке, Сыsole, Лузе. Выделяется шесть или семь локальных вариантов вымской культуры, соответствующих территориально-племенным объединениям предков коми-зырян: вымский, средневычегодский, нижневычегодский, удорский, верхнесыольский, нижнесыольский, прилузский. Наибольшая близость обнаруживается между тремя первыми вариантами – вымским, средневычегодским и нижневычегодским, хотя следует заметить, что все, кроме вымского, изучены недостаточно. Наибольшее количество памятников открыто и исследовано в долине Выми (16 могильников, среди них самые крупные, насчитывающие до нескольких сотен погребений, а также одно поселение). На нижней Вычегде известно четыре могильника, на средней Вычегде – поселение, святилище и пять могильников, насчитывающих до двух десятков погребений, на Вашке и Лузе – по одному могильнику, на Сыsole – три. Между тем памятники, расположенные по Сыsole, Лузе, Вашке, а также нижней Вычегде, представляют особый интерес в связи с их пограничным положением по соседству с другими финно-угорскими народами.

Нижневычегодские памятники расположены в районе, граничащем с землями, заселенными в эпоху средневековья финно-угорскими племенами прибалтийско-финского происхождения. Прибалтийско-финский компонент прослеживается в языке, антропологическом типе, материальной культуре коми-зырян, в частности, удорских и нижневычегодских.

Первые средневековые памятники на нижней Вычегде были открыты и частично исследованы в 1920-е годы А.С. Сидоровым, А.Н. Греном, экспедицией Главнауки под руководством А.П. Смирнова – Чжытыягский могильник, могильники Клянш-Ласта (Белый бор) и Джибьяг. В 1924 г. экспедицией под руководством преподавателя Усть-Сыольского педтехникума А.Н. Грена, организованной Обществом изучения Коми края, были

---

* Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, eleonora.hist@mail.komisc.ru.

осмотрены и частично раскопаны городище Карыбйив, могильники Белый Бор и Джибъяг. В Национальном музее Республики Коми хранится отчет А.Н. Грена о работах 1924 г. (Грен, 1924. инв. № 140) и несколько предметов без точного указания и места их находок. На могильнике Клянш-Ластва было раскопано девять погребений, могильнике Джибъяг – 40.

В 1925 г. экспедицией Главнауки проводились раскопки на городище Карыбйив и могильнике Клянш-ластва, на котором было вскрыто восемь погребений. Экспедицией был издан подробный, к сожалению, не иллюстрированный отчет о раскопках в «Записках Общества изучения Коми края» (Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г., 1928). Коллекция предметов была передана в Национальный музей Республики Коми (Фонды НМРК, коллекции № 1688–1694). Материалы раскопок экспедиции Главнауки и А.Н. Грена с иллюстрациями были введены в научный оборот автором данной работы. Историко-культурное место средневековых памятников, исследованных экспедицией Главнауки, было определено А.П. Смирновым в обобщающей монографии, посвященной древностям финно-угров среднего Поволжья и Прикамья. В ней впервые была подчеркнута, с одной стороны, близость вычегодских памятников прикамским, с другой – выявлено их своеобразие, проявляющееся в обряде погребения. В 1959 году городище Карыбйив, могильники Клянш-Ластва и Джибъяг были осмотрены Вычегодским археологическим отрядом под руководством Г.М. Бутова. На городище был заложён шурф, на могильнике Клянш-Ластва раскопано четыре погребения [3, с. 81–86].

В 1965–1966 гг. Выско-Вычегодским отрядом Коми филиала АН СССР под руководством Э.А. Савельевой в Ленском районе Архангельской области на нижней Вычегде был открыт и исследован Ленский могильник, на котором выявлено 48 ям, вскрыто 29 погребений [17, с. 26; 19, с. 91–103]. В 1986–1987 гг. Северо-Двинской археологической экспедицией Сыктывкарского государственного университета под руководством Т.В. Истоминой были проведены исчерпывающие раскопки Чезтыягского могильника (152 погребения), материалы раскопок которых, к сожалению, пока не введены в научный оборот. В 1998, 2004, 2007 гг. археологическим отрядом Коми НЦ УрО РАН под руководством М.В. Кленова проводились раскопки Карыбйивского городища. А.П. Смирнов считал, что Карыбйивское городище представляет собой поселение местного населения. Автором данной статьи было высказано предположение о его древнерусской принадлежности, хотя отмечалось, что население могло быть и биэтничным, что нашло подтверждение в исследованиях М.В. Кленова. Таким образом, на нижней Вычегде в настоящее время известно четыре могильника и одно городище.

Могильник Клянш-Ластва. На могильнике Клянш-Ластва раскопано 17 погребений: девять – А.Н. Греном в северо-западной части могильника, восемь – экспедицией Главнауки в юго-западной. По данным А.Н. Грена, могилы ориентированы с севера на юг и с востока на запад, погребения совершены способом трупосожжения – полного и частичного. Исследователь отмечает, что некоторые вещи сопровождающего инвентаря носят следы воздействия огня, но большинство были положены в могилу после сожжения трупа. В отчете А.Н. Грена не дается описание вещевого инвентаря. В Национальном музее Республики Коми сохранилось два железных наконечника стрелы и пять круглых умбоновидных бронзовых поясных бляшек.

В отчете Главнауки указываются размеры могильных ям (1,05 x 0,5 x 0,5 м), их форма (прямоугольная и трапециевидная), а также преобладающая ориентировка могильных ям – с СВ на ЮЗ, только одно погребение из восьми было ориентировано с С на Ю. На этом участке могильника все погребения, за исключением одного, совершены способом кремации за пределами могильной ямы. В отличие от погребений, расположенных в северо-западной части (раскопки А.Н. Грена) в юго-западной во всех погребениях прослеживаются срубы из плах, положенных в три-четыре ряда, в углах которых отмечаются вертикальные столбики, скрепляющие стенки сруба. Пол и покрытие срубов сделаны из плах, с внешней стороны покрытых берестой. В отчете экспедиции Главнауки отмечается, что вещи бросали в могильную яму по мере ее засыпки, дается описание вещевого инвентаря. Найдены серебряный щитковый перстень, орнаментированный сканью и зернью, обломок серебряного украшения со сканью, бронзовые украшения – дровотый перстень с утолщением в центре, шаровидный бубенчик, украшенный резными линиями, лапчатая привеска от шумящей подвески и две медные спиралевидные пронизки. Представлены обломки не менее чем трех сосудов. Они лепные с примесью песка в тесте, орнаментированы по венчику и плечикам отпечатками зубчатого штампа и налипными валиками (Савельева, 1962. Табл. VIII, IX). Могильник датирован XIII–XIV вв. (Раскопки экспедиции ..., 1928. С. 28).

Джибъягский могильник. Расположен на левом берегу Вычегды в 2 км от могильника Клянш-Ластва. Как отмечалось выше, на нем раскопано 40 могил. Информация о могильнике Джибъяг в отчете А.Н. Грена довольно скудная. Дается общее описание погребального обряда, сопровождающего инвентаря. Местонахождение вещей не известно. Исследователь отмечает, что погребения совершены способом кремации и ингумации. В четырех погребениях сохранились черепа, в десяти – берцовые кости, в десяти – только пепел. Вещи сопровождающего инвентаря носят следы воздействия огня. Отмечается, что в погребениях найдена орнаментированная посуда, поясные пряжки и железные вещи.

Небольшие раскопки, проведенные Г.М. Бутовым в 1959 г., позволяют уточнить некоторые данные, содержащиеся в отчетах А.Н. Грена и экспедиции Главнауки [3, с. 81–86]. Г.М. Бутов отмечает, что на могильнике Кляныш-Ласта насчитывается 33 могильные ямы, расположенные тремя группами, в одной из которых насчитывается 25 ям, во второй – шесть, в третьей – восемь. Г.М. Бутовым были раскопаны четыре погребения в средней группе могильника. Они ориентированы с СЗ на ЮВ, ЗЮЗ на ВСВ, ЗСЗ на ВЮВ, длиной от 1,3 до 1,8 м, шириной – 0,5–0,75 м, глубиной 0,6 м. В одном из погребений вскрыты остатки обожженного сруба из горизонтально положенных плах или досок. Погребения совершены способом кремации и ингумации. Исследователем высказывается предположение, что в погребениях, совершенных способом кремации, разводился ритуальный огонь. Вещевой инвентарь представлен пятью обломками лепных сосудов и медной спиралевидной пронизкой.

Могильник Джибьяг Г.М.Бутовым был только осмотрен. Исследователь отмечает, что погребения расположены двумя группами, в первой он зафиксировал следы 28 ям, во второй – шести. Все ямы, за исключением двух-трех в первой группе и одной во второй, раскопаны. А.Н. Грен раскопал 40 погребений, таким образом, наиболее вероятное число погребений на могильнике, видимо, составляет около 44. На поверхности могильника Г.М. Бутовым обнаружен обожженный и деформированный фрагмент глиняного сосуда, орнаментированного оттисками зубчатого штампа.

Самым крупным и единственным полностью раскопанным могильником на нижней Вычегде является **Чажтыгский**, исследованный Т.В. Истоминой (вскрыто 152 погребения). Он также расположен на левом берегу р. Вычегда напротив деревни Вездино Усть-Вымского района Республики Коми, на 17-метровой боровой террасе над старичным озером Евты. Как и все могильники вымской культуры, он – грунтовый, на котором планиграфически выделяется несколько групп погребений, отделенных небольшим интервалом. Могилы располагаются длинными параллельными рядами, встречаются погребения вне рядов и отдельными группами. Погребения совершены в ямах подпрямоугольной, овальной или неправильной форм. Большинство из них имеет простую конструкцию, встречаются многоступенчатые ямы. Погребения совершены способом кремации (преобладает) и ингумации, отмечены случаи частичной кремации. Большинство могильных ям ориентировано с СЗ на ЮВ. При ингумации погребенные, как правило, ориентированы ногами на водоем. Специфической особенностью погребального обряда Чажтыгского могильника является большое количество погребений в срубах (35,1%). Срубы представляют собой продольно и поперечно сложенные неширокие плахи, поставленные на ребро, с берестяным или дощатым днищем, сверху покрыты берестой. Для Чажтыгского могильника характерны остатки жертвенно-поминальных тризн в виде кострищ и скоплений разнообразных культурных остатков в межмогильном пространстве, обычай преднамеренной поломки вещей погребального инвентаря.

Абсолютное большинство погребений могильника сопровождается инвентарём. В состав погребального инвентаря входят железные наконечники стрел, ножи, шилья, резцы, тесла, скобели, конские удила, железные клинья, гвозди, оселки, а также многочисленные украшения: бусы, пронизки, серьги, височные кольца, нагрудные и поясные подвески, перстни, предметы поясной гарнитуры, бубенчики. Наиболее многочисленной является коллекция бус (963 экз.), в которой преобладают стеклянные.

Значительную группу сопровождающего инвентаря составляет керамическая посуда. По технологии изготовления выделяется два типа керамики: лепная и гончарная. Преобладает лепная посуда чашевидной, горшковидной, баночной и котловидной форм, орнаментированная по шейке, плечикам и торцу венчика горизонтальными поясами оттисков зубчатого штампа и наклепными валиками. Древнерусская керамика представлена плоскодонными горшками, изготовленными на гончарном круге, с выпуклыми плечиками, сужающимися к дну туловом, с высокой сильно изогнутой шейкой и сильно изогнутым венчиком.

Уникальным является погребение № 37, в котором было обнаружено роскошное ожерелье в три нити, в состав которого кроме 60 бусин входили также шесть западноевропейских монет, спиралевидные медные пронизки, серебряные и бронзовые подвески, а также фрагменты железной кольчуги. Могильник датируется Т.В. Истоминой XI–XIV вв.

Могильники Кляныш-Ласта, Джибьягский и Чажтыгский относятся к нижневычегодскому варианту вымской культуры. Также как вымские, они расположены в возвышенной части боровой террасы, примыкающей к болотистой низине. Погребения заметны на поверхности по впадинам овальной формы. На всех могильниках выделяется несколько групп погребений, разделенных небольшим интервалом. Погребения совершены способом ингумации и кремации при преобладании кремации. На всех могильниках представлена типичная местная лепная посуда чашевидной и горшковидной форм с округлым или уплощенным дном, орнаментированная оттисками зубчатого штампа. На Чажтыгском могильнике встречается древнерусская гончарная посуда. По вещевому инвентарю рассмотренные могильники также не отличаются от других могильников вымской культуры. Специфической особенностью нижневычегодских могильников является большое количество внутримогильных конструкций в виде срубов (на Чажтыгском могильнике они составляют более 30%) и преобладание про-

межуточной ориентации могильных ям. Они объясняются пограничным положением нижевычегодских памятников по соседству с прибалтийско-финскими группами населения (заволочской чудью?).

Особое место среди нижевычегодских памятников занимает **Ленский могильник**, открытый и исследованный Э.А. Савельевой [17, с. 96–71; 19, с. 91–112]. Он расположен на берегу старичного озера Ярант Ленского района Архангельской области в урочище Шойна яг, в переводе с коми Могильный бор, в 4 км от с. Лена. С южной стороны бор омывается ручьем Шойна-Шор (Могильный ручей), с запада упирается в болотистую низину. Погребения отмечены на поверхности углублениями различного размера и формы. Визуально выделяется 48 ям, из них 17 крупных с глубокими провалами. В процессе раскопок на могильнике вскрыто 29 ям, относящихся к трем типам. К первому относятся ямы больших размеров длиной от 220 до 320 см, шириной от 154 до 280 см, глубиной от 60 до 200 см, шесть из них ориентированы с С на Ю, одна – с СЗ на ЮВ, одна – с СВ на ЮЗ. Характерной особенностью этих погребений являются сгоревшие или обуглившиеся внутрипогребальные столбовые конструкции – домовины на столбах, покрытые берестой, от которых сохранились ямки по углам и в центре могильной ямы. Этот тип представлен тремя вариантами. К первому относятся погребения (два погребения), в которых кремирование погребенных происходило непосредственно в могильной яме. На дне фиксируются горелые доски, по углам и в центре могильной столбовые ямки, заполненные углем. На горелых плахах сплошным слоем лежали кальцинированные кости, в засыпи – следы кострища в виде крупных фрагментов горелых бревен. В одном случае кости на дне были частично обуглившиеся, недогоревшие. Ко второму варианту относятся четыре погребения. По конструкции ям они близки погребениям первого варианта, но отличаются по способу захоронения. В них (за исключением одного погребения) отчетливо видны ямки от столбов дощатых сооружений, но кремация погребенного проводилась не в могильной яме, а на стороне. В ямах нет следов кострищ, но вещи погребального инвентаря носят следы воздействию огня, наряду с которыми встречаются не тронутые огнем предметы. К третьему варианту относятся два погребения, характеризующиеся сложной структурой могильных ям. Одно из них трехступенчатое. В нем прослеживаются следы кострища, но кремация погребенного проводилась за пределами могильной ямы. Остатки погребального костра вместе с кальцинированными костями были перенесены в могильную яму. Вторая яма имеет двухступенчатую конструкцию. У южной стенки погребения выявлена яма прямоугольной в плане, конусовидной в профиле формы, углубленная в грунт на 110 см. Ее заполнение составляет углисто-зольный слой, насыщенный углями. Кальцинированные кости залегают в яме первого уровня. Столбовые ямки фиксируются только вдоль западной стенки, и, видимо, в центре ямы.

Ко второму типу (7 погр.) относятся простые грунтовые ямы средних размеров без следов внутрипогребальных конструкций. Длина их варьирует от 200 до 270 см, ширина от 70 до 130 см, глубина – от 40 до 90 см. В отличие от ям первого типа они овальной или неправильной формы. Они представлены двумя вариантами. К первому относятся погребения (4 погр.), в которых встречаются кости скелета и редкие вещи погребального инвентаря или только предметы погребального инвентаря, ко второму (8 погр.) – погребения, не содержащие ни костей, ни вещей погребального инвентаря.

К третьему типу относятся погребения в простых грунтовых ямах небольших размеров без внутрипогребальных конструкций длиной менее 200 см, шириной от 30-40 до 120 см, глубиной от 30 до 97 см (пп. 9-14, 16, 18, 19, 22, 26-29).. Они представлены двумя вариантами. К первому относят ся погребения, в которых встречаются кости скелета и редкие вещи погребального инвентаря (пп. 14, 16, 18, 19) или только предметы погребального инвентаря (пп. 11, 14, 22), ко второму – ямы, не содержащие ни остатков скелета, ни предметов вещевого инвентаря (пп. 8, 9, 10, 13, 26, 27, 28, 29).

Характерными особенностями погребального инвентаря могильника являются остатки поминальных тризн, представленные орудиями труда и их обломками, предметами быта, украшениями, кострища на древнем горизонте, в которых залегают не только вещи, но и кальцинированные кости. Они располагаются, как правило, рядом с могилами, иногда перекрывают их. В одном случае выявлены очажные камни, возле которых лежали кальцинированные кости. Обнаружен один жертвенный комплекс в темно-коричневом слое, насыщенном органическими остатками, включающий овальное кресало, два двушипных наконечника сулицы с четырехгранным черешком и ромбовидным в сечении пером, перовидное сверло и ложкарник. Все предметы носят следы сильного обжига.

В большинстве случаев целые (не сломанные) орудия труда и предметы вооружения находятся не в могильных ямах, а на поверхности могильника. В могилы чаще всего помещали обломки железных предметов, хотя встречаются и исключения. Глиняные сосуды также специально разбивали, поскольку обломки одного сосуда встречаются как в яме, так и за ее пределами, на древнем горизонте, иногда разбросанные на большой площади. Среди украшений также встречаются сломанные. Большинство предметов носит следы сильного обжига, в связи с чем многие железные и бронзовые предметы сильно корродированы, некоторые деформированы, встречаются оплавленные стеклянные бусы, сильно обожженные фрагменты сосудов.

Из 29 погребений десять (34,5%) – безынвентарные. Они относятся к погребениям второго и третьего типов. Вещевой инвентарь могильника включает орудия труда, оружие, предметы быта, украшения. Орудия труда и

оружие представлены железным проушным топором, ножами, наконечниками стрел и сулиц, перовидным сверлом, скобелем, ложкарником. Из предметов быта найдены железные кресала, гвозди, клинья.

Топор относится к типу с широким опущенным асимметричным лезвием, полукруглой выемкой у шейки и одной парой нижних щекавиц и соответствует типу **V древнерусских секир, которые бытовали в X – первой половине XIII в.** [7, с. 310] или переходному от первого ко второму типу по Б.А.Колчину, датируемому им второй половиной XII – **первой половиной XIII в.** Исследователи отмечают, что топоры этого типа были распространены на севере Руси и могут быть определены как финно-русские форма [7, с. 310]. Топор со следами сильного обжига. Двухшипный наконечник сулицы датируется второй половиной XIII в. Овальное двулезвийное кресало по новгородской хронологии может быть датировано серединой XIII в. [9, с. 103]. **Наконечники стрел – ромбовидные, второй разновидности новгородского типа 7 (по А.Ф. Медведеву) – бытовали с середины XIII по XIV в. включительно** [13, с. 165].

Значительную часть коллекции Ленского могильника составляют украшения. Они представлены шумящими подвесками, перстнями, бусами, височными кольцами, пронизками и бубенчиками. К самым распространенным относятся бубенчики – грушевидный и шаровидные. Преобладают шаровидные бубенчики с линейной прорезью, орнаментированные тремя резными линиями (22 экз.), которые относятся к типичным древнерусским украшениям. В древностях Новгорода они датируются **XI – началом XIV в.** [20, с. 156]. Представлен один бубенчик с коническим верхом и уплощенной нижней частью с рельефным валиком на месте литейного шва, датируемый в Новгороде второй половиной XIII – концом XIV в. [20, с. 156]. Гораздо менее представительна коллекция грушевидных бубенчиков вымского типа (6 экз.). Они обычно орнаментированы гладкими и витыми поясками меди под ушком и тулову и относятся к XII–XIII вв.

К числу популярных украшений Ленского населения относятся пронизки: конусовидные, гладкие или украшены «шашечками» (12 экз.), спаянные из бронзовых кольцевидных бусин (14 экз.), колоколовидные, спиралевидные (19 экз.), трубчатые (3 экз.). Единичными экземплярами представлены шумящие подвески: с арочной основой и Ф-овидные цилиндрические, украшенные спиральновитыми волютами. Ф-овидные (3 экз.) находят аналогии на памятниках древней корелы [10, рис. 23], встречаются в костромских курганах, на памятниках вымской культуры перми вычегодской [17, табл. 36, 19, 21]. Датируются XII–XIII вв. Арочные подвески (2 экз.) относятся к числу широко распространенных украшений в финно-угорском мире, традиционно связываемых с Прикамьем. Время их бытования определяется XII–XIV вв. Встречаются грушевидные привески от шумящих подвесок (3 экз.), одна из них на звене восьмеркообразной цепочки.

Коллекция перстней насчитывает 6 экз. Все они дротовые, среди которых выделяется замкнутый рубчатый, два круглопроволочных кольца с несомкнутыми концами, одно витое, два спиральновитых, из них одно миниатюрное. Вероятно, височным является бронзовое проволочное кольцо с несомкнутыми заходящими концами, один из которых витой, другой – гладкий, суживающийся. Хронологические рамки дротовых перстней определяются **XI–XIV вв.** [20, с. 122]. Перстень из Ленского могильника относится к XIII в. Из других предметов выделяются круглое бронзовое поясное кольцо, плоское с одной и выпуклое с другой стороны, миниатюрная медная пуговица, спаянное из четырех пронизок украшение, серебряная прямоугольная орнаментированная подвеска, оплавившийся слиток бронзового изделия, а также железная овальнорамчатая, возможно, подпружная пряжка с прямоугольным основанием.

Коллекция бус (43 экз.) включает стеклянные из глухого и прозрачного стекла (28 экз.) – зонные синие, зеленые, голубые, желтые, желто-зеленые мелких и средних размеров, крупную шаровидную из прозрачного стекла, кольцевидные голубые, зеленые одиночные и строенные, винтообразные, цилиндрические ребристые черные, бронзовые – цилиндрическую и кольцевидные (14 экз.) Единственным экземпляром представлена сердоликовая восьмигранная призматическая бусина. Все стеклянные бусы по многочисленным аналогиям могут быть датированы XII–XIV вв.

Среди предметов быта представлен обломок, предположительно, льячки с орнаментированной оттисками зубчатого штампа ручкой. На могильнике найдены обломки глиняных и медных сосудов. Керамика найдена в 16 погребениях или рядом с ними. Вся посуда носит следы воздействия погребального костра, некоторые сосуды ошлакованы, в частности, сосуд из погребения б. В отдельных погребениях встречаются обломки нескольких сосудов, фрагменты которых встречаются рядом с погребениями, на древнем горизонте. Преобладает лепная посуда. Фрагменты древнерусских гончарных сосудов представлены в двух погребениях и в одном случае – в межмогильном пространстве. Выделяется не менее восьми сосудов. Они имеют чашевидную и горшковидную форму, округлое или уплощенное дно. По искусственным примесям в тесте выделяются три группы сосудов. В первую входят фрагменты тонкостенной рыхлой пористой керамики с большим количеством калиброванной раковины, во второй группе примесь составляет раковина (в небольшом количестве) и кварцевый песок со слюдяными включениями, в третьей – незначительное количество раковины. Большинство сосудов по тулову или под венчиком и тулову оттисками зубчатого штампа. Венчик одного из сосудов по срезу с внутренней стороны

украшен резными линиями. Другой сосуд темносерого цвета, торец венчика плоский с небольшим напылом, орнаментирован по тулову отпечатками широкозубого штампа, носит следы сглаживания твердым предметом, вероятно, щепкой.

Большинство предметов погребального инвентаря относится к XII–XIII вв., однако часть их имеет более узкую дату. К ним относится топор, датируемый второй половиной XII–XIII вв., наконечники сулиц – второй половиной XIII в., ромбовидные наконечники стрел – серединой XII–XIV вв., овальное кресало – появилось в середине XIII в. Наиболее вероятная дата Ленского могильника – вторая половина XIII в.

Проблема этнокультурной принадлежности Ленского могильника представляет чрезвычайно большой интерес. В предварительной публикации материалов могильника в обобщающей монографии автором он был отнесен к нижневыхгодскому варианту вымской культуры [17, с. 96–101]. В настоящее время в связи со значительным пополнением источников как по вымской культуре, так и финно-угорским древностям смежных регионов, эти выводы нуждаются в корректировке.

Как отмечалось выше, Ленский могильник расположен на территории, заселенной в эпоху средневековья древними коми. Наиболее ранние сведения о западных границах обитания вычегодских пермян содержатся в Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописи. В ней указывается, что лета 7887 «начал Стефану пермян на Пыресе и Виледе и крести их святей вере» [4, с. 258]. В жалованной грамоте 1485 г. Вычегодская земля начинается «от рубежа от Соли и от Вилегоцкова речка Лупоя» [4, с. 260]. В «Истории Российской» В.Н. Татищев отмечает: «Зыряне, по реке Вычегде, ныне Соль Вычегодская, прежде с перми за одно почитаны» [22, с. 423]. Академик И.И. Лепехин также считал западной границей обитания коми-зырян устье Вычегды. Он писал, что первым, что первым поселением зырян на Вычегде было с Усть-Пырос. Село Пырское до недавнего времени существовало возле г. Котлас. И.И. Лепехин утверждал, что главный город зырян – «Соль Вычегодская, по нем Ярэнск» [16, с. 389]. Совсем недавно два квартала Сольвычегодска носили коми названия – Большой грезд и Малый грезд (грезд в переводе с коми означает «село, деревня») (см. «Очерки по истории Коми АССР», 1955, т. I, с. 47). Данные топонимики подтверждают свидетельства письменных источников. Как отмечено выше, бор, на котором расположен могильник, называется «Шойнаяг (Могильный бор), ручей – Шойнашор (Могильный ручей).

При определении этнокультурной принадлежности могильника особый интерес представляют традиционные, наиболее консервативные формы материальной и духовной культуры, к которым относятся керамика, погребальный обряд и украшения костюма. Сосуды, представленные на Ленском могильнике, близки вымско-вычегодским по форме и орнаментации. Они лепные, чашевидной и горшковидной формы, с округлым или уплощенным дном, орнаментированы отпечатками зубчатого штампа, реже – резными линиями. Ленские сосуды отличаются от вымско-вычегодских по составу теста. В тесте всех Ленских сосудов содержится раковина в том или ином количестве или раковина (в небольшом количестве) при преобладании кварцевого песка со слюдястыми включениями, тогда как доминирующей примесью в вымско-вычегодских сосудах является дресва, хотя встречается раковина, жидкая органика и примесь сланцевой породы.

Украшения также находят аналогии на памятниках вымской культуры: грушевидные бубенчики вымского типа, конусовидные, трубчатые, спиральновитые пронизки, арочные и Ф-овидные шумящие подвески. Также как на могильниках вымской культуры на Ленском представлены многочисленные древнерусские украшения: шаровидные бубенчики с линейной прорезью, дровяные перстни и височные кольца, разнообразные бусы. Отличие заключается в том, что на Ленском могильнике преобладают шаровидные бубенчики (самая массовая категория украшений), а на вымских – грушевидные [18, с. 88]. На Ленском могильнике отсутствуют болгарские украшения, которые на вымских составляют 22% от числа привозных изделий [18, с. 177–178].

Наибольшее своеобразие Ленского могильника проявляется в обряде погребения. Как отмечалось выше, на нем выявлены погребения трех типов, отличающиеся по размерам ям, их ориентировке и внутримогильным конструкциям. Прямые аналогии Ленским погребальным конструкциям (домовинам на столбах, впущенных в яму), автору не известны. Некоторая близость обнаруживается с памятниками прибалтийско-финского населения Северо-Западной Руси. К ним относятся, в частности, погребальное сооружение у деревни Никольское на р. Суда [2, с. 77–81], четыре могильника у дер. Веркола и соседних с ней деревень на р. Пинега Архангельской области, которые исследователи сопоставляют с заволочской чюдью [8, с. 204–211], на которых обнаружено 25 сооружений, из которых раскопано шесть: четыре в могильнике Веркола-I и два – Веркола-II. Погребальное сооружение у дер. Никольское на р. Суда реконструируется А.Н. Башенькиным как заполненный песком сруб размером 6,8 x 6,8 м высотой не менее 1,2–1,4 м, возможно с перекрытием. Внутри сооружения помещались остатки нескольких сожжений, достаточно высоко над его основанием. Вокруг в ямах разводился огонь. Исследователь предполагает его принадлежность финно-угорскому этносу. Он не видит прямых аналогий данному сооружению, но предположительно видит истоки данной погребальной традиции в «домиках мертвых» [2, с. 81].

Сооружение № 2 на могильнике Веркола-I представляло собой прямоугольную погребальную площадку размерами 5,8 x 4,6 м, расположенную на древней дневной поверхности, ограниченную четырьмя отдельными

ровиками, в центре которой находились остатки сруба с размерами по его углам 2,4 x 1,8 м. Сруб был впущен в прямоугольную яму размерами 2,9 x 2,2 м глубиной 0,2 м от современной дневной поверхности. Основание сруба и ямы находилось на глубине 0,5 м от современной поверхности сооружения. Исследователи предполагают, что это был сруб высотой не менее 1 м в четыре венца с земляной кровлей. Погребальная площадка использовалась дважды.

Особый интерес представляет предположение исследователей о конструкции первого погребального сооружения в виде трехступенчатой ямы в срубе с мощным столбом в центре. В отличие от Ленских погребальных сооружений в Веркольском погребении было совершено способом ингумации. Следует отметить, что вне пределов сруба в Верколе было обнаружено скопление кальцинированных костей. К сожалению, в публикации не указано – какое происхождение имеют эти кости. Также как и на Ленском могильнике в Верколе вещи погребального инвентаря обнаружены не только в погребении, но и за его пределами. Таким образом, ближайшие аналогии погребальному обряду Ленского могильника выявлены на р. Пинега и Суда. Веркольские могильники сопоставляются с «заволочской чудью», погребальное сооружение на р. Суда – с дославянским финно-угорским населением.

По письменным источникам известно, что на Пинеге в XII–XIII вв. обитала «сура поганая», которая, по мнению Л.Н. Жеребцова, была родственна древним пермянам, появившимся на Пинеге в XIV в. Не исключено, что сура поганая и есть заволочская чудь. По данным Л.Н. Жеребцова, на Пинеге вычегодские пермяне сохранились до XVII в., а затем были ассимилированы русским населением, а часть их вместе с сотатками суры поганой могла мигрировать на Вашку [6, с. 5].

Вероятно, не случайно между пинежскими средневековыми памятниками и Ленским могильником наблюдается некоторое сходство, прежде всего в погребальной обрядности. Однако различий между ними значительно больше, чем сходства. Прежде всего, в отличие от Ленского могильника эти могильники курганные и мелкие ямы в их окружении представляют собой ровики, из которых брали землю для насыпания курганов. Кроме того, Ленские погребальные сооружения столбовые, тогда как в Веркольском и Никольском могильниках – срубные. Следует отметить и их разновременность. Могильник у дер. Никольское относится к X–XI вв., у дер. Веркола – концу XI – началу XII в. Близкие по конструкции погребальные сооружения встречаются в курганах Южного Приладожья, которые, по мнению В.А. Назаренко, восходят к «домикам мертвых» – наземным, квадратным в плане дерево-земляным сооружениям [14, с. 155]. Но Ленские погребальные сооружения расположены в грунтовых ямах. Ленские погребения с дощатыми погребальными конструкциями обнаруживают отдаленное сходство с докурганными памятниками населения Восточного Приладожья, для которых были характерны грунтовые могильники с сожжениями. С появлением курганных насыпей кремнированные и ингумированные останки умерших стали помещать в деревянные срубы. Грунтовые могильные ямы со срубными погребальными конструкциями встречаются на памятниках заволочской чуды, погребения в которых совершены способом ингумации и кремации [14, с. 144–147; 15, с. 9–10], древней корелы [1, с. 325; 23, с. 42], в курганах летописной веси. Но это сходство именно отдаленное, так как ленские погребальные конструкции столбовой, а не срубной конструкции.

В материалах Ленского могильника прослеживается древнерусское культурное воздействие. На нем представлены многочисленные древнерусские украшения, а также древнерусская гончарная посуда, однако преобладает лепная, комплекс украшений, в целом, близок вымско-вычегодскому. Имеющиеся материалы свидетельствуют о культурной близости Ленского могильника памятникам вымской культуры, однако он не может быть отнесен к памятникам вымской культуры. Это особый культурный тип, в котором причудливо переплетаются культурные традиции вымской культуры Перми вычегодской и какой-то группы восточной ветви прибалтийско-финского населения, возможно, загадочной заволочской чуды. Наиболее вероятно, что население, оставившее Ленский могильник, было смешанным. Свидетельством этого является, прежде всего, своеобразный погребальный обряд. Специфические особенности могильника, возможно, обусловлены его расположением в контактном пограничном районе по соседству с восточными группами прибалтийских финнов.

Таким образом, в настоящее время на нижней Вычегде представлены три типа памятников, отличающиеся по этнической принадлежности. К первой относятся памятники Перми вычегодской (могильники Чижьягский, Джибьягский, Кляньюш-Ласта), ко второй – древнерусское Карыбьёвское городище, к третьей – Ленский могильник, представляющий собой особый культурный тип, близкий памятникам заволочской чуды.

Источники и литература

1. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
2. Башенкин А.И. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии северо-запада СССР. Л., 1985.
3. Буров Г.М. Новые данные о могильниках XII–XIV вв. у села Гам на нижней Вычегде // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1963. Вып. 8.
4. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4.

5. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М., 1985.
6. *Жеребцов Л.Н.* Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 31).
7. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, кистени) // САИ. Л., 1966. Вып. 2.
8. *Колтаков Е.М., Рябцева Е.Н.* Новый тип «чудских» поребальных сооружений // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1.
9. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65.
10. *Кочуркина С.И.* Древняя корела. Л., 1982.
11. *Кочуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
12. *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972.
13. *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II. (МИА. № 65).
14. *Назаренко В.А.* Новый памятник заволочской чуди // Новое в археологии СССР. Л., 1984.
15. *Овсянников О.В.* Работы в Вологодской и Архангельской областях // Археологические открытия 1977 г. М., 1978.
16. Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. СПб., 1805. Ч. IV.
17. *Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
18. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
19. *Савельева Э.А.* Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. (МАЕСВ. Вып. 17).
20. *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981.
21. *Сидоров А.С.* Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). 1937 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 2.
22. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. I.
23. *Шаскольский И.П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
24. *Kolpakov E. M., Rybtseva E. N.* A new of chud burial construction // Fennoscandia arcyeologica XI. Helsinki, 1994.
25. *Ovsjannikov O.V.* First-discovered of «zavolochje tsud» // Fenno-ugri et slai. Helsinki, 1980.

Писцовые и строельные книги как источник по исторической демографии Мурома XVII в.: к постановке проблемы

Писцовые и строельные книги являются важными источниками по истории городов и в немалой степени, потому, что содержат обширные статистические сведения, которых нет в других документах. Статистика же, как известно, знает все. Однако известно и другое: ничто не врет так, как статистика.

Не вдаваясь в детализацию, отмечу лишь, что писцовые книги – это сводные документы хозяйственных описаний многофункционального характера XV–XVII вв. Для нас важно, что в них фиксировалось податное население [1].

Строельные книги составлялись в конце XVI – середине XVII в. Они имеют несколько разновидностей: одни включают данные о постройках городов, их укреплениях, топографии и пр. Другие отражают организацию посадов, межевание, отвод дворов, конфискацию владений [2].

На первый взгляд задачи, стоявшие перед создателями писцовых и строельных книг, одинаковы. Однако, как показал их сравнительный анализ, сделанный П.П. Смирновым еще в сороковых годах прошлого века, между ними есть принципиальные различия [3]. Попытка анализа писцовых книг и иных переписных документов по Мурому (в том числе некоторой части строельных книг) была сделана В.Я. Чернышевым в его кандидатской диссертации [4], которая затем по частям была использована им в публикации этих документов [5], причем сделанные им выводы об упадке города в этот период вызывают сомнения.

Существенно то, что выполняя свои сугубо утилитарные задачи, эти документы вместе с тем отражают социально-демографические изменения, происходящие в обществе. Именно в этот период начинается процесс складывания городского сословия. Он носит весьма сложный и неоднозначный характер, длится несколько сот лет, и, по мнению ряда исследователей, в отличие от стран Западной Европы, не получил завершения и по сей день. Бюргерства и представителей среднего бизнеса как таковых в России в полном объеме никогда не было, нет его и сейчас.

Рассматриваемые документы показывают изменения социальной стратификации, рода занятий, форм собственности или владения городского населения. Если в XIV–XV вв. в городах преобладало крупное феодальное землевладение – боярское, княжеское, церковное, основу которого составляли принадлежащие этим сословиям городские вотчинные дворы и слободы, то города XVI–XVII вв. характеризуются уже землями, принадлежащими великому государю, который отдает их в пользование, «держание», своим военным и гражданским служилым людям и «сиротам» на разных условиях – «белом» или тягловом [6]. В XVI–XVII вв. эти служилые люди, мелкие держатели городских земель, кроме преимущественных городских занятий – ремеслом, торговлей – не могут оторваться и от сельского хозяйства: разводят скот, огороды, порой занимаются земледелием. Этот период характеризуется, с одной стороны – стремлением «беломестцев» сохранить свое привилегированное положение, с другой – черной, податной части разложить тягло на все население города.

Центром города как административного образования был город-укрепление, кремль. Эти два понятия, обозначенные одним термином, часто соседствуют в документах, и их значение определяется только по контексту. Судя по актам XV – начала XVI в. **стремление приобрести двор в городе было обусловлено жизненной необходимостью**: на случай вражеского нападения он служил укрытием для владельца или его уездных крестьян. В документах такие владения нередко и обозначаются как «осадные дворы» или «осадные места». В XVII в. эта необходимость постепенно отпадает. По писцовым книгам Муром 1623/24 г. самым крупным участком в 399 кв. саж. владел кн. Ю.Я. Сулешов, самым мелким – В.Ф. Янов – 10 кв. саж. Из осадных мест и дворов по той же описи наибольшей величиной выделялся двор Б.Б. Цветного – 117 кв. саж., самым маленьким – всего 6 кв. саж. – был двор Д. Грудцына, еще четыре двора были чуть больше – по 8 кв. саженой. Согласно документам 1637 г. наибольшим остается двор Сулешовых – Ю.Е. и В.Е. 383,1 кв. саж., а наименьшим – те же 6 кв. саж. – дворовое место Грудцына. Весьма характерно, что в этой описи уже не отмечаются отдельно осадные дворы и места.

Если городской двор не использовался хозяином постоянно, в нем селили дворника, он охранял двор, и это была плата за пользование. Дворник мог застроить дворовое место за свой счет, что фиксировалось в особой записи. На осадном месте могли разводить огород.

У крупных вотчинников, «своеземцев», городской двор нередко становился постоянным местом исполнения хозяйственных, административных и судебных функций. В этом случае в нем поселялся приказчик, ведущий

* Смирнов Юрий Михайлович (Муром) – редактор высшей категории Муромского историко-художественного музея, smirnov@museum.murom.ru.

дела хозяина. Дом такого вотчинника, имевшего необходимые иммунитеты – жалованную несудимую и тарханную грамоту, превращался в своего рода анклав, крепость внутри города, хозяин или заместитель которого мог практически бесконтрольно распоряжаться жителями своей вотчины [7].

Со второй половины XV в. по ряду причин ситуация в городах меняется: вотчинные двory в городах обрастают в вотчинные слободки, слободки быстро разрастаются, дворники и приказчики заменяются купчинами, служебники вытесняются ремесленниками и торговцами и т.д. [8], т.е. идет процесс формирования именно городского сословия.

К середине XVII в., при Алексее Михайловиче, резко меняется положение провинциальной администрации в худшую для нее сторону. Прежде всего, это касалось жалованья: оно полностью было отнято у городских приказчиков; подьячим воеводских изб убавлено и выплачивалось только тем, у кого не было поместий; сторожей воеводских изб и воротников лишили хлебного довольствия, оставив лишь денежное; упразднены приставы, а вместо них в съезжих избах стали работать пушкарки, выполняя еще и функции полицейской охраны и тоже без жалованья; у десятников и пятидесятников жалованье урезали, а стрелецкие головы и сотники остались вовсе без него; казенным кузнецам и плотникам стали делать повременные выплаты только за тот период, когда они были заняты «государевым делом» [9].

В это же время активизируется внешняя политика государства на южном направлении: за 1646–1652 гг. в степях было отстроено 27 городов и острогов, которые требовалось заселить гарнизонами. Уже на Земском соборе 1642 г. было предложено посылать туда не только «старого сбора салдатов», но и «людей из охочих вольных людей». В числе представителей ряда городов это предложение поддержали и муромцы [10]. Выполнение этого решения автоматически влекло за собой изменения в составе населения городов.

И эти, и ряд других причин, помноженные на хроническое оскудение казны, заставляют правительство обратить особое внимание на учет населения. Вместе с тем правительство осознавало, что усиление административно-репрессивных мер в отношении сбора налогов приведет только к временному улучшению, в то время как необходимы стабильные и полноценные источники пополнения казны. Городское же население могло стать основным плательщиком. Соответственно и выстраивается политика в отношении городов. Если в прежние времена работоспособное население для избавления от государственного тягла стремилось уйти в привилегированные вотчины и из дворянских поместий, и из посадов [11], то в период между 1624 и 1642 гг. были запрещены частные сделки, по которым черные посадские двory, амбары, лавки, мельницы, рыбные ловли и проч. переходили беломестцам. Между черными посадскими людьми такие операции дозволялись. В результате черные посадские люди получали в городе преимущественное право на приобретение собственности [12], что, кроме всего прочего, способствовало стабилизации городского населения. Более того, правительство шло и на иные послабления: по челобитной государю «гостишка и гостины и суконны сотни и черных сотен торговые людишка, и многих государевых розных городов – казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжане, псковичи, устюжане, романовцы, галичаня, белозерцы, коргопольцы, колмогорцы и иных многих твоих государевых городов торговые людишка», с 1 июля 1646 года были отменены привилегии для иностранных купцов [13]; в том же году и опять же по челобитной муромских посадских людей с местных стрельцов были сняты недоимки [14].

В феврале 1646 г. наконец решился вопрос о строении посадов: стольнику П.Т. Траханиотову было поручено «город Володимир строить и посацких людей собирать и посацкую землю очистить». Конкретные задачи, которые ставились перед стройщиками, были следующими: «1) вернуть в посад всех бывших посадских людей – закладчиков, согласно старым грамотам 1637 г.; 2) отдать в посад всех людей, которые живут во Владимире за кем-нибудь, но не записаны за ними по писцовым книгам; 3) отдать в посад же дворцовых огородников Владимирской огородной слободы; 4) очистить к посаду всю бывшую посадскую землю; 5) изоброчить годовыми оброками всех торговых и промышленных людей, которые постоянно или наездом торгуют или промышленяют во Владимире, независимо от их состояния» [15]. «Строельщиками» или «стройщиками» они назывались, поскольку должны были присоединить, «пристроить» к посаду отбираемые земли или «устроить» на посад людей – и не только по старине или родству, но и по торгу и промыслу. Поскольку они занимались и сыском беглых тяглецов, их иногда именовали «сыщиками» [16].

Существенное различие между писцовыми и строельными книгами заключалось в том, что писцы фиксировали существующие отношения, а строельщики – новые, т. е. то, как должно быть впрямь.

Опыт Траханиотова оказался удачным: он подчинил тяглу 287 человек, в три с лишним раза больше, чем было тяглецов по писцовым книгам [17]. Весной 1649 года уже группы стройщиков разъехались по назначенным городам и к сентябрю завершили работу. Весьма важно, что в работе стройщиков участвовали выборные люди от посада, имея, таким образом, возможность отстаивать свои интересы.

К сожалению, из строельных книг по Мурому известны далеко не все и не полностью. Тем не менее, сравнение имеющихся данных дает показательную картину. Например, по писцовым книгам 1646 г. в Муроме числится

410 дворов, а через три года по строельным 1649 – уже 622, т. е. оно выросло на 51,7% [18]. Однако это ни в коем случае не означает, что реальное население Мурома настолько выросло за это время.

Отдельное использование писцовых или строельных книг, особенно без привлечения иных документов, без учета процессов миграции – официальной и стихийной, изменения форм владения, наличия крупных привилегированных земель в округе, изменений во внутренней политике государства и т. п. значительно снижают репрезентативность подобных исследований.

Источники и литература

1. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://libinfo.org/index.php?dir1=06&dir2=01&dir3>; Писцовые книги и налогообложение // [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.finteoria.ru/piscknigi.html>.
2. См.: *Смирнов П.П.* Книги строельные. М., 1946. Т. 2; *Введенский Б.А.* Строельные книги // Большая советская энциклопедия. Т. 41; Строельные книги // [Электронный документ]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/16907/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%95%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95>.
3. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1; 1948. Т. 2.
4. *Чернышев В.Я.* Социоэкономическая история Мурома XVII в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2006.
5. Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. Владимир, 2010; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. Владимир, 2010; Список с переписной книги г. Мурома 1646 г. Список со строельной книги г. Мурома 1649 г. Владимир, 2010; Документы по истории Муромского посада второй половины XVII в. Владимир, 2011.
6. См., например: *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 4.
7. Там же. С. 20, 21, 22, 27, 28.
8. Там же. С. 82.
9. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. С. 29, 30.
10. Там же. С. 132–134.
11. См.: Там же. С. 67–68.
12. Там же. С. 68–69.
13. Там же. С. 14–15.
14. Там же. С. 132–134.
15. Там же. С. 75, 77.
16. Там же. С. 393.
17. Там же. С. 84.
18. Там же. С. 481.

Материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. в Якутской губернии как исторический источник

Летом 1917 г. по распоряжению Временного правительства по всей стране была проведена Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись. Ее основными целями являлись сбор сведений о состоянии экономики государства на четвертом году войны и подготовка к выборам в Учредительное собрание. Проведение переписи возлагалось на местные губернские и уездные земские управы. Полученные материалы обрабатывались также на местах, а в центр отправлялись уже готовые итоги. Анализ данных переписи 1917 г. и публикация полученных сведений проводились новыми советскими органами статистики тоже на основании информации из регионов.

В Якутской губернии была организована комиссия по проведению переписи. Было решено провести перепись в трех округах: Якутском, Олекминском и Вилюйском. За организацию и проведение переписи в Вилюйском округе отвечал А.С. Осиповский, в Олекминском округе – Ф.М. Растегаев, в Якутском округе – доцент Иркутского государственного университета М.П. Соколов. Были разработаны общинные бланки, составлены списки населенных мест, укомплектованы штаты счетчиков.

Подворная карточка переписи 1917 г., основной источник наших исследований, представляет собой отпечатанный двусторонний бланк. На лицевой стороне указывался семейный состав двора, в том числе фамилия, имя, отчество, сословие, национальность только домохозяина, а также наем работников, улучшенный сельскохозяйственный инвентарь, торгово-промышленные заведения, подробные сведения по скотоводству. На обратной стороне карточки заносилась детальная информация по землевладению (включая аренду) и посеву, с разбивкой по культурам [1].

Подворная карточка переписи 1917 г. была самой обширной по своей программе из дореволюционных сельскохозяйственных переписей в Сибири и включала 165 пунктов, сгруппированных в разделы: «Население», «Скот», «Посевы», «Аренда и сдача пашни и сенокоса», «Землевладение», «Сельскохозяйственный инвентарь», «Торгово-промышленные заведения».

В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)) сохранился большой комплекс материалов переписи 1917 г. Материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. по трем округам отложились по следующим фондам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение по фондам материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Уезд	Улус	Источник
Якутский		НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 2.
	Мегинский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 1–167.
	Западно-Кангаласский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 168–288.
	Восточно-Кангаласский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 289–369.
	Намский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 370–493.
	Батурусский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 494–565.
	Баягантайский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 1. Д. 615–657.
	Амгинский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 3. Д. 725–787.
	Борогонский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Д. 658–724.
	Дюпсинский	НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 3. Д. 788–821.
	Татгинский	Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 2. Д. 566–614.
	Школьные, церковные и монастырские земли Иситской и Покровской волости	Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 2. Д. 908.
	г. Якутск	Ф. 343-и. Оп. 3. Т. 2. Д. 822–938.

* Курчатова Тамара Тимофеевна (Якутск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и этнологии исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова, Kurchatova@yandex.ru.

Уезд	Улус	Источник
Олекминский		Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 1–213.
Виллойский		Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2.
	Нюрбинский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 305–460 (а).
	Верхневиллойский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 461–541.
	Западно-Виллойский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 542–634.
	Средневиллойский (только Жарханский род Оргетского наслега)	Ф. 343-и. Оп. 7. Д. 100.
	Мархинский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 115–230.
	Сунтарский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 231–304.
	Бордонский наслег	Ф. 343-и. Оп. 7. Д. 101.
	Хочинский	Ф. 343-и. Оп. 4. Т. 2. Д. 1–114.

Кроме того, небольшой материал о подготовке переписи отложился в 70-м фонде Статистического управления ЯАССР (1917–1941 гг.), в деле 300 – Сведения о переписи населения Якутской губернии за 1917 г. В приведенных источниках содержатся сводные итоги и карточки переписи, имеются списки домохозяев по родам и селениям.

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Якутской губернии были подготовлены к печати и опубликованы организатором переписи М.П. Соколовым. Им опубликованы поулузные итоги сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. в 1922 и 1925 гг. [2; 3].

Издание состоит из двух частей. В первой опубликованы поулузные итоги, во второй – итоги по наслегам и родам. Издания имеют существенные недостатки. Так, в период социальных потрясений, охвативших страну в 1917 г., для обработки полученного материала не хватило средств. Имелись искажения при заполнении карточек в названии родов, урочищ. И самый главный недостаток – остались совершенно неиспользованными данные общинных бланков, счетная обработка которых предполагалась во вторую очередь, поэтому у организаторов не сохранился данный материал [3].

Одной из основных задач, стоящих перед исследователями, является изучение достоверности опубликованных материалов сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. Исследуя данный вопрос, мы провели сравнительный анализ опубликованных данных и данных первоисточников – материалов подворных карточек, сохранившихся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). С этой целью используем данные карточек переписи I Нерюктейского сельского общества Олекминского уезда. В состав I Нерюктейского сельского общества входили следующие селения: Кудай, Устье-Жуи, Черендей, Орто-Ага-Уса, Бочоной, Эргядей, Юрях-Терде, Патомское, Тас-Анна, Мугдугда, Бясь-Урях, Мурун-Тюбя.

Таблица 2

Данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. I Нерюктейского сельского общества Олекминского уезда

Данные переписи 1917 г.	Число хозяйств	Число жителей	Площадь посева, дес.	Поголовье рабочих лошадей	Поголовье КРС
По работе «Поулузные итоги»	375	1767	459,3	1566	2829
Наши подсчеты по подворным карточкам	372	1793	484,8	1558	2853
	99,23%	101%	106%	99,5%	101%

Источники: Кудай [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 127], Устье-Жуи [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 126], Черендей [11 НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 130], Орто-Ага-Уса [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 131], Бочоной [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 123], Эргядей [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 124], Юрях-Терде [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 100], Патомское [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 125], Тас-Анна [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 129], Мугдугда [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 128], Бясь-Урях [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 121], Мурун-Тюбя [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 120].

Как видим, итоги наших подсчетов по подворным карточкам весьма близки к полученным итогам переписи. О погрешности в подсчете во время переписи говорит тот факт, что в первичных материалах показатели оказались больше, чем в опубликованных данных. Это доказывает полную сохранность карточек переписи в данном населенном пункте.

При подсчете численности населения в данном сельском обществе мы отметили, что по архивным данным их оказалось больше, чем по опубликованным. Далее в опубликованных сведениях не показано распределение неработающего населения, поэтому мы в своем исследовании распределили этот слой населения на детей (в возрасте до 14 лет, но только тех, кто не принимал участие в сельскохозяйственных работах, были случаи, когда и 12-летних детей определяли в работающие) и пожилых. Отметим наличие большого числа пожилых людей преклонного возраста, всего 110 чел., из них 50 мужчин и 60 женщин. Так, в селении Эргядей 12 чел. были отнесены к пожилым, средний возраст которых составил 66 лет (от 56 до 83 лет). В селении Юрях-Терде пожилых насчитали 22 чел., средний возраст которых составил 78 лет. Во всем сельском обществе 14 чел. были старше 80 лет [4].

Если в традиционные времена население занималось в основном содержанием крупного рогатого скота, то с 1893 г. олекминские якуты по своему ходатайству были переведены из разряда кочевых инородцев в разряд оседлых, так как основным видом деятельности они отмечали занятие земледелием [5]. Население занималось выращиванием зерновых, они в основном засевали пшеницу, рожь, ячмень, овес. Как известно, ячмень – самая скороспелая культура и успевала созревать за короткое якутское лето. Так же неплохо росла и рожь. Тогда как пшеница была более прихотливая, за ней нужно было уметь ухаживать, да и не всегда она успевала созревать за столь короткое лето. Рассмотрим соотношение посевов под данные культуры изучаемого населенного пункта, сравнивая опубликованные данные и архивные материалы (табл. 3).

Таблица 3

Показатели посева зерновых I Нерюктейского сельского общества Олекминского уезда

Селение	Посевы							
	Пшеница		Рожь		Ячмень		Овес	
	Опубл. данные	Архив. матер.						
Кудай	0,5	0,5	5,2	5,2	19,1	19,1	15,6	15,6
Устье-Жуи				0,4	1,4	1,3		
Черендей	0,1	0,6	9,8	9,8	16,7	16,7	15,8	15,8
Орто-Ага-Уса	4,5	3,5	34,1	34	83,5	76,9	54,4	53,3
Бочоной			1,2	1,2	1,7	1,7		
Эргядей					1,7	1,7	0,3	0,3
Юрях-Терде	4,7	4,7	21,8	21,8	45,3	45,3	3,9	3,9
Патомское			2,6	2,6	5,4	5,4	12	12
ТасАнна	0,9	0,9	13,2	14,4	38,6	38,9	27,2	31,3
Мугдугда			0,1	0,1	9	10,1	0,1	0,1
Бясь Юрях								
Мурун Тюбя	0,1			0,1	7,8	7,8	2,3	2,3
Итого	10,8	10,2	88	89,6	230,2	224,9	131,6	134,6

Источники: Кудай [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 127]; Устье-Жуи [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 126]; Черендей [11 НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 130]; Орто-Ага-Уса [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 131]; Бочоной [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 123]; Эргядей [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 124]; Юрях-Терде [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 100]; Патомское [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 125]; Тас-Анна [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 129]; Мугдугда [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 128]; Бясь-Юрях [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 121], Мурун-Тюбя [НА РС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 120].

Таким образом, итоги наших подсчетов по подворным карточкам близки к опубликованным данным.

Как отмечалось выше, остались неопубликованными данные общинных бланков. В данном документе отражены основные моменты владения землей во время переписи населения. Поселенный бланк содержал данные о местонахождении населенного пункта, его место по отношению к районному центру и важнейших социальных объектов: церковь, больница, пристань, телеграф и т. д. Здесь имелись сведения о местах сбыта и покупки продуктов, о густоте сева и др.

О наличии в НА РС(Я) общинных бланков рассмотрим на примере Олекминского уезда. Так, из 173 населенных пунктов Олекминского уезда только в 17 сохранились поселенные или общинные бланки. Приведем некоторые примеры содержания данного источника. Рассмотрим общинный поселенный бланк деревни Патом-

ское. Селение Патомское располагалось на берегу речки с одноименным названием, далеко от центральных мест сельского общества. Так, расстояние от села Мачи составляло 50 верст, от места закупок хлеба и других продуктов – г. Олекминска – 290 верст. Главным вопросом в любой сельскохозяйственной местности является учет земель по угодьям. Далее в общинном бланке подробно расписывается вся земля по десятинам: пашни, сенокосные угодья, выгоны, леса, кустарники. И делается вывод, что всего удобных земель – 348,9 дес., неудобных земель – 100,5 дес. Эти данные счетчики взяли из плана Якутского областного управления от 1886–1909 гг.

Далее рассматривается вопрос о сенокосных угодьях, их площади и урожайности. В данном населенном пункте при среднем сборе сена с одной десятины при хорошей урожайности получали 150 пудов – 75 копен, при среднем 100 пудов – 50 копен, при плохом 60 пудов – 30 копен. За 10 последних лет был один хороший урожай, средних – восемь, плохих – один. Далее дается характеристика посева ржи яровой, ячменя и овса. Счетчики также описывали технику полеводства. Так, рожь высевали 5 мая, а убирали 6 августа. Овес высевали 10 мая, убирали 6 августа, ячмень – 10 мая, убирали 1 августа.

Издавна население Патома занималось охотой. В основном они охотились на лося, медведя, благородного оленя, волка, лисицу, росомуху, рысь, горностаю, белку, кабаргу, косулю. Из птиц объектом охоты служили – утки, гуси, глухарь, рябчик, тетерева. Места охотничьих промыслов находились без определенной системности. Охотники уходили от жилища верст на 50 и 100. За пушными зверями охотились с 1 октября по 1 января, за медведем, росомухой, рысью осенью и весной, а за остальными весь год. Занимаются охотой обычно 1 или 2 члена семьи. При этом использовали гладкоствольные ружья и винтовки, плашки, черканы. Продукты промысла сбывали в селе Мача. Местные цены на продукты промысла: белка – 35 коп., медвежатина – 10–18 руб., кожа лося – 10 руб., росомуха – по 18 руб., волка – по 20 руб. Население отмечало упадок пушного промысла.

Основным объектом рыбной ловли местного населения являлись ленок, налим, таймень, сиг, хариус, осетер. Места рыбных промыслов – вольные. Правила рыбной ловли и запреты не существовали. Время ловли – с 15 августа и 20 сентября и с 15 мая по 15 июня. Рыболовы использовали сети, связанные из конского волоса. Для сохранения рыбы обычно солили, осенью сбывали ее на Маче. На вольной продаже продавали осетров по 6 руб., остальные 4 руб. за пуд. [6].

Таким образом, материалы общинного бланка представляют собой источник по изучению сельскохозяйственного производства в Якутии в начале XX в.

Перепись 1917 г. дает сведения по уездам о количестве хозяйств, абсолютном количестве населения, посеваемых площадях, с распределением по отдельным культурам, и о количестве рабочего и продуктивного скота. Кроме этих данных, материалы переписи содержат также сведения о числе хозяйств с распределением по категориям; о нанятой рабочей силе; доле трудоспособного населения; распределении земель по угодьям, количестве основного сельскохозяйственного инвентаря.

Итоги наших подсчетов по подворным карточкам близки к опубликованным данным, но все же имеется разница, которая позволяет сделать вывод о необходимости уточнения некоторых данных по архивным материалам. Для изучения сельскохозяйственного производства – культуры, технологии полеводства, урожайности по годам, о порядке общинного землепользования, способами раскладки повинности на землю, о сроках и методах охоты, рыболовства – можно использовать общинные бланки, которые остались не опубликованными и имеются в региональных архивах.

Таким образом, на местах остался огромный не использованный материал, собранный в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г. Поэтому в настоящее время особый научный интерес представляют первичные материалы переписи 1917 г. – подворные карточки, поселенные бланки по округам Якутской губернии.

Источники и литература

1. Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 г. Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2002. С. 6.
2. Соколов М.П. Якутская губерния по переписи 1917 г. Выпуск I. Организация переписи. Краткий статистико-экономический очерк губернии. Полуусные итоги. Иркутск, 1922.
3. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925. С. II.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (Далее – НАРС(Я)). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 124.
5. Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912. С. 96.
6. НАРС(Я). Ф. 343-и. Оп. 5. Д. 102. Л. 9–16.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. как источник по истории этнического состава населения Коми края

Государственные переписи населения выполняют важную стратегическую функцию. Для науки они важны тем, что представляют обширный фактический материал, важный для анализа народонаселения в естественных и гуманитарных науках. Для России актуально исследование истории этнических (или межнациональных) отношений в обществе и государстве. В этом аспекте источником первостепенной значимости выступают переписи населения.

Изучением сельскохозяйственной переписи 1917 г. практически не занимались. Основное внимание историков было обращено на переписи 1897 и 1926 гг. Причины этого могут быть самыми разными. Материалы переписи привлекались в основном для исследования генеалогических древ историками-архивистами, например, вятскими. До настоящего времени материалы переписи по Коми краю оставались вне поля зрения исследователей. Целью статьи является исследование переписи как источника по истории этнического состава сельского населения Коми края в первой четверти XX в.

Проблема решения аграрного вопроса в России вот уже 300 лет является главенствующей для русского государства. Эта проблема тесно связана с национальным вопросом. Эти вопросы действительно немаловажны для существования государства, климат которого суров, а окультуренные земли практически все лежат в зоне рискованного земледелия. Следовательно, поддержка государством чрезвычайно важна не только для успешного земледелия, но и для выживания этносов и нации в целом, а также для нормальных межэтнических отношений. Параллельно существует и периодически одерживает победы другая точка зрения (ее можно назвать плодом капиталистических отношений), получившая в 1950–1990-е гг. в США идеологическое наполнение теория «нацибилдинга» [1].

Однако, несмотря на все эти споры, выливавшиеся периодически в вооруженную борьбу и революции или реформы, главным для государства и общества оставался вопрос о состоянии сельского хозяйства и положении сельских жителей в данный временной отрезок. Для этого проводились переписи: бюджетные, общие сельскохозяйственные, выборочные и пр.

В 1916 г. по единому плану и под руководством государственной исполнительной комиссии была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись, а в 1917 г. – Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная переписи. Целью переписей было выяснение имеющегося у крестьян земельного фонда. Это был первый и достаточно удачный опыт совместной работы, который должен был объединить земские статистические бюро в их повседневной работе. С этими целями проводилась Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Ее задачами стали: выяснение численности сельского населения, обеспеченности его окультуренными землями и лугами,

---

* **Якоб Виктор Валентинович** (30.11.1975 – 30.06.2013). Родился в Сыктывкаре, окончил здесь школу, в 1998 г. – исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Осенью 1998 г. поступил в аспирантуру Коми НЦ УрО РАН, работал над написанием диссертации под руководством видного специалиста по аграрной истории Российского Севера к.и.н., доцента А.Ф. Сметанина. После окончания аспирантуры в 2001 г. был принят на работу в сектор отечественной истории ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Проявил себя как способный, самостоятельный исследователь, тщательно работавший с историческими источниками. Специализировался в области аграрной истории России XX в., демографии сельского населения, проявлял большой интерес к военной истории. В 2004 г. защитил в диссертационном совете Сыктывкарского государственного университета диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Коми крестьянство в 1920–1930-е гг.». Опубликовал в Сыктывкаре, Оренбурге, Екатеринбургe и др. серию научных работ, посвященных социальным, политическим и экономическим проблемам развития деревни в Коми в 1920–1930-е гг. Наиболее важная из них – изданная в Екатеринбургe (в издательстве Уральского отделения РАН) монография «Крестьянство Коми АО в период Нэпа, индустриализации, коллективизации. 1920–1930-е гг.». Выступал с докладами на ряде всероссийских и региональных научных конференций, активно участвовал в проведении нескольких крупных научных форумов в Сыктывкаре, являлся исполнителем и руководителем многих важных научных проектов Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, грантов РГНФ. Виктор Валентинович Якоб пользовался заслуженным уважением в коллективе, избирался в Совет молодых ученых и профсоюзный комитет института. Последние годы своей работы в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН В.В. Якоб являлся научным сотрудником группы исторической демографии и исторической географии, опубликовал серию статей по вопросам исторической демографии Европейского Северо-Востока России первой половины XX в. К сожалению, тяжелая болезнь помешала молодому ученому осуществить все свои научные замыслы. Публикуя эту статью к годовщине смерти талантливого исследователя, редколлегия журнала «Историческая демография» отдает дань памяти Виктору Валентиновичу Якобу, его вкладу в изучение историко-демографического развития Севера в XX в. и, в частности, в выполнение крупного научного проекта Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

численности крестьянских дворов, площадей и объемов посева основных сельскохозяйственных культур, обеспеченности рабочим и крупным рогатым скотом. Необходимо отметить, что проведение переписи и подведение итогов лежало в русле решения аграрного вопроса в России, ее результаты были важны всем партиям и социальным слоям русского общества в 1917 г. Главным вопросом было только, кто и как сможет использовать полученную информацию о состоянии села. Саботажа во время переписи, в данном случае на территории Коми края, не наблюдалось. Для исследователей перепись содержит сведения, касающиеся социально-демографической характеристики крестьянского хозяйства. Также она дает знания о трудовых ресурсах крестьянского хозяйства, о трудоспособности населения, соотношении мужского и женского труда и об этническом составе крестьянских хозяйств.

В феврале 1917 г. был принят общий для всех земских статистических бюро план текущей статистики, предназначенной обслуживать, главным образом, продовольственные цели. В ноябре того же года был поставлен и положительно решен вопрос об объединении продовольственной, земельной и сельскохозяйственной статистик, а также о передаче в руки земских статистических бюро статистики естественного движения населения. Всероссийский съезд земских, городских и правительственных статистиков 18–21 апреля 1917 г. выработал программу и план второй Всероссийской сельскохозяйственной переписи в России (первая сельскохозяйственная перепись проходила в 1916 г.).

Постановлением министра земледелия (по отделу переписи) от 9 мая 1917 г. № 1 было утверждено «Положение о Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи и Всероссийской городской переписи 1917 года». В Вологодской губернии этим занялось оценочно-статистическое Отделение Вологодской губернской земской управы.

У сельскохозяйственной и поземельной переписи были две основные задачи: сбор материалов для проведения продовольственной кампании на 1917–1918 гг., в целях построения плана снабжения армии и населения хлебными и мясными продуктами; сбор сведений по земельной статистике, необходимых для решения основных вопросов аграрного законодательства.

Сельскохозяйственная и поземельная перепись в России проводилась летом и осенью 1917 г. Регистрации подлежали число хозяйств, состав семьи с подразделением по полу, возрасту и трудоспособности, размеры землевладений и землепользования и другие сведения сельскохозяйственного характера.

Сельскохозяйственные и поземельные переписи 1916–1917 гг. проводились в период сложнейшей социальной обстановки, мировой войны и революции. Охват ими объективно был весьма неполным. Так, в некоторых регионах России имели место массовые отказы со стороны населения от предоставления сведений, нередко отсутствовали исходный материал по земельным обследованиям и полные списки населенных мест (в основном, в Архангельской, Астраханской и большинстве сибирских губерний). Центральное статистическое управление (ЦСУ) как орган государственной статистики РСФСР приступило к подготовке к печати итогов переписи 1916–1917 гг. только с июня 1918 г. Все итоги (причем на русском и французском языках) были опубликованы даже несмотря на передел территории страны и неполноту учета вследствие тяжелой социально-политической обстановки.

Пропущенные дворы в некоторых губерниях составили значительную часть объектов переписи. Так, например, в южных губерниях были переписаны только казачьи территории, а не гражданское население, в других – наоборот. В недостаточном объеме были собраны сведения о частновладельческих хозяйствах, прочих хозяйствах некрестьянского типа. По отдельным территориям не было сведений о распределении земель на угодья, о найме сезонных рабочих в крестьянские хозяйства, промыслах, трудоспособном населении, о числе хозяйств без работников, площадей под парами, перелогов и общей площади пашни в пользовании, об инвентаре, числе хозяйств без рабочего скота и без коров. Интересны примечания к итоговым таблицам. Так, отсутствующее население выделялось только в крестьянских хозяйствах, промыслы – тоже. Существовали следующие основные виды землевладения с распределением земель на категории: надельная, купчая, хуторская, отрубная, чересполосная и др.

Переписывались хозяйства с наличными и отсутствующими работниками (своей семьи и наемными), хозяйства совсем без работников, не имеющие никакого скота, хозяйства населения и промышленников, занимающиеся промыслами помимо собственно земледелия, а также хозяйства, не имеющие собственной земли (надельной или купчей). (Промыслами считались всякого рода занятия отдельных членов семьи или всей семьи в целом вне своего сельского хозяйства и служащие источником доходов.)

Включались в перепись только земли, находившиеся на момент переписи во владении указанных хозяйств. При этом были подсчитаны вместе земли надельные и купчие в соответствии с распределением по угодьям, представленным в общинном бланке для надельных и товарищеских земель, а для единоличных купчих – в подворных карточках. Таким образом, было применено два вида переписных листов в соответствии с основными категориями статистических единиц наблюдения. Ввиду того, что состав угодий единоличных купчих земель был представлен не всегда подробно, значительная их часть также не была учтена. Казенные земли по угодьям не распределялись.

Существенный недостаток переписи – недоучет площади землевладения и землепользования. При этом недоучет пашни в землепользовании объясняется неполнотою регистрации аренды. Так, не делалось сверки площадей арендодателей и арендаторов. В инструкциях была заложена возможность не разделять посевы на категории, то есть регистрировать арендованные посевы совместно с наделными и купчими. Все это не давало возможности определить размеры арендованных земель и купчих, в особенности единоличных.

В переписных листах выделялись хозяйства крестьянского типа, частновладельческие хозяйства и прочие хозяйства некрестьянского типа по каждой переписной территории. Из общего числа хозяйств (дворов) учитывались: приписные (наличные и отсутствующие), посторонние (из них – беженцев и гражданских пленных), мужчины и женщины, в том числе отсутствующие, трудоспособные в рабочем возрасте, число крестьянских хозяйств, хозяйств с наемными сроковыми рабочими (всего в рабочем возрасте мужчин и женщин, а также мужчин и женщин отсутствующих), число хозяйств с промыслами (промышленников – мужчин, женщин, обою пола), владеющие скотом, а также без всякого скота, без рабочего скота, без коров и т.д.). Выделялись безземельные хозяйства, в том числе хозяйства с посевами (в десятинах) или без посевов. Землевладение учитывалось в следующем разрезе: усадьбы, пашни, сенокосы, леса, кустарники, выгон, итого удобных, неудобных земель в целом, прочих и невыясненных угодий. Количество инвентаря учитывалось по видам, в том числе для подготовки почвы, обработки и т.д. Выделялись хозяйства и без сельскохозяйственного инвентаря (в том числе усовершенствованного). Материалы переписи обрабатывались по хозяйствам крестьянского типа, частновладельческим и другим хозяйствам некрестьянского типа (казаки и др.).

Поселенные карточки (бланки) и итоговые поволостные бланки второй Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Коми края наиболее полно представлены по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам (Национальный архив Республики Коми. Ф. 140. Оп. 1).

Бланк земельного описания второй Всероссийской переписи 1917 г. Вологодской губернии содержал такие сведения о разряде крестьян или сословии владельца, национальности, площади земли и распределении ее по угодьям на период 1910–1914 гг. (т.е. усадьбы, пашни, сенокоса, леса) и должны быть указаны сведения о земле на 1917 год. Форма бланка предусматривала список домохозяев селения (или совладельцев в товариществе).

Бланки земельного описания второй Всероссийской переписи 1917 г. в Национальном архиве Республики Коми (далее – НАРК) имеются на хранении только по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам (Ф. 140. Оп. 1). Бланки выборочного описания крестьянского хозяйства заполнялись по вопросам: время производства сельскохозяйственных работ, техника их и урочное положение (на 200 хозяйств – 1 описание) и сохранились также в фонде Коми областного статистического отдела (Ф. 140. Оп. 1).

В разделе карточки «Население» указывались: фамилия, имя и отчество домохозяина, его сословие, национальность, главное занятие. Кроме того, приводились сведения о членах его семьи (без указания имен): отношение к домохозяину (жена, брат, внук и т. д.), пол, возраст, трудоспособность, грамотность, участие в сельскохозяйственных работах; делались отметки о мобилизации в армию или об отсутствии по другим причинам. Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по всем уездам Коми края также хранятся в фонде Коми областного статистического отдела НАРК (Ф. 140. Оп. 1).

Одновременно с сельскохозяйственной и поземельной переписью в 1917 г. проводилась перепись населения в городах и поселениях городского типа. Обе переписи 1917 г. имели единую программу, выработанную Всероссийским съездом земских, городских и правительственных статистиков (18–21 апреля 1917 г.).

Наиболее важной в отношении цели работы для нас является первая страница поселенного списка, где указывается используемый язык или национальность жителей поселения. Выглядит эта страница примерно следующим образом:

Всероссийская перепись 1917 г.				
Губерния Вологодская	Уезд Яренский	Волость Сереговская	Селение Сереговское	Земельное общество Сереговское
наречие великорусское				До г.Яренск 108 верст. До базарного пункта: с.Серегово 0 верст и с.Усть-Вымь 21 верста.
Покупают хлеб и прочие предметы продовольствия: Из земской управы, Сереговского завода, Из Коквицкой волости				
Принятая земельная мера: Душа (ревизская)				

Таблица составлена по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 959.

Всероссийская перепись 1917 г.					
Губерния Вологодская	Уезд Усть-сысольский	Волость Деревянская	Селение Деревянское и Нижний Конец	Земельное общество Деревянское	До г. Усть-Сысольска 150 верст. Базар: с. Небдин – 75 верст.
Наречие зыряне					
Хлеб и прочие продукты полеводства не вывозят и не продают					
Принятая земельная мера: Душа ревизская					

Таблица составлена по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 962.

Исходя из предоставляемых переписью данных, в ходе дальнейшего анализа можно установить этнический состав сельского населения Коми края в первой четверти XX в. Здесь также необходимо отметить сложность, имеющую причину в том, что, как уже отмечалось, по Архангельской губернии проведение переписи было затруднено. Поэтому материалов по Ижмо-Печерскому уезду крайне недостаточно для анализа этнического состава населения. Тем самым для исследования этнического состава первой четверти XX в. этого северного региона обязательно привлечение в дальнейшем смежных источников.

В отношении остальной территории фактический материал, представленный в материалах переписи в фонде 140 НАРК, делает возможным провести исследование этнического состава населенных пунктов сельской местности Коми края, а также при наличии информации выявить фамильный состав населения сел и деревень. К тому же первичный анализ переписи и сопоставление ее с данными историографии, переписей 1920 и 1926 гг. позволяют сделать вывод, что революция и гражданская война прервали русскую колонизацию территории современной Республики Коми. Фактический материал переписи позволяет определить основные направления колонизации. Она происходила в 1901–1917 гг. с юго-западных территорий Архангельской губернии, а также из волостей Вологодской и Пермской губерний [2]. Это пока первичные выводы, и на основе дальнейшего анализа переписи 1917 г. и сопоставления ее с уже имеющимися в науке фактами можно будет уточнить общую картину колонизации Европейского Севера России в первой четверти XX в.

Параллельно с русской колонизацией края происходила его освоение зырянами (коми) и ненцами. Материал переписи по коми-ижемцам и ненцам очень слабо представлен в НАРК в силу того, что до 1921 г. Ижмо-Печерский уезд относился к Архангельской губернии. По колонизации южных областей Коми края перепись представляет богатый материал, его ценность возрастет, если в дальнейшем сопоставить данные переписи с другими источниками и фактами, выявленными историографией. Исходя из данных переписи, колонизация носила хуторской характер. Обыкновенным было такое явление, как наличие в одной волости нескольких новых хуторов, основанных русскими и коми. В этом случае весьма интересны данные переписи 1920 г.*, сообщающие о том, что многие хутора за буквально три-четыре года выросли в деревни со смешанным населением.

Важный материал содержится в разделах переписных листов, относящихся к крестьянскому бюджету, промыслам и сельскохозяйственным работам. В этом случае представляется возможным проанализировать и сравнить русские и коми крестьянские хозяйства, состав семей, промыслы, посевные площади и доходность дворов. К тому же волостные бланки переписи содержат информацию о географическом расселении этносов в Коми крае.

Таким образом, Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. содержит значительный материал о сельском населении Европейского Севера России, его этническом составе, географическом расселении, особенностях хозяйственных занятий и направлениях промысловой деятельности. К тому же часть информации находится в «русских» фондах Национального архива США и архивах Великобритании и ее выявление может существенно расширить горизонты исследования истории межнациональных отношений России, в том числе и Коми края.

Источники и литература

1. Троценко И.Д. Капитализм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Политиздат, 1984; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Геллер Э. Нации и национализм. М., 1995; Сахлинз М. Космологии капитализма: Тихоокеанский сектор «Мировой системы». Proceedings of the British Academy 74 (1988); Сахлинз М. Прощайте печальные тропы. Этнография в контексте современной мировой истории // <http://rus-krisis.ru>.
2. См., например: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 959–978.

* Сельскохозяйственная перепись 1920 г. проводилась на поселенных бланках переписи 1917 г.

Кладбищенская документация как источник по истории нахождения иностранных военнопленных на Урале в 1942–1955 гг.

В ходе Великой Отечественной войны, согласно документам Генерального штаба, частями Советской армии было пленено 4377,3 тыс. иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось еще на 639,6 тыс. чел. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу продвигающейся Советской армии были интернированы 208,2 тыс. чел., «годных к физическому труду и способных носить оружие», а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200,0 тыс. граждан Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии и ее союзников [1]. Согласно имеющимся документам из них в советских лагерях для военнопленных умерло более 580,0 тыс. чел. [2].

Начиная с 1942 г. значительный массив иностранных военнопленных находился на Урале, в результате только в 1944–1949 гг. в регионе умерло свыше тридцати тысяч иностранных граждан. Из них в Свердловской области умерли 14 306 чел., Курганской – 687, Оренбургской – 6 138, Пермской – 1 442, Челябинской – 2 220, Башкирии – 1 331 и Удмуртии – 4 967 чел. Они были захоронены на 189 специальных кладбищах [3]. В ходе предпринятой автором обработки документальных материалов центральных и местных архивов, а также проведении им поисковых работ, в Курганской области удалось обнаружить три иностранных воинских кладбища, в Оренбургской – 19, Пермской – также 19, Свердловской – 93, Челябинской области – 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 – в Башкирии и 14 – в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Кировской области, например, было обнаружено 24 иностранных воинских кладбища, в Пермской – 19, а в Тюменской – только два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

Зарождение лагерной системы для военнопленных и интернированных граждан происходит в самом начале Второй мировой войны. В соответствии с приказом Л.П. Берии № 0308 от 19 сентября 1939 г. было создано Управление по военнопленным при НКВД Союза ССР [4]. В дальнейшем в центре и на местах в УПВ при НКВД СССР происходят многочисленные структурные изменения. В составе УНКВД краев и областей создаются отделы или отделения (в зависимости от численности размещенных военнопленных) по делам о военнопленных и интернированных.

В начальный период войны учет умерших пленных велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г. В нем была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД». Она определяла порядок извещения о смерти пленных, их погребения и выдачи имущества умерших их родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна быть удостоверена актом медсестры. Сообщение о смерти должно направляться в Управление НКВД по делам о военнопленных и интернированных. Вместе с сообщением о смерти, в Управление должны были высылаться копия истории болезни в двух экземплярах (на умерших в стационарах), акт о смерти, акт патологоанатомического вскрытия (если оно производилось) и акт о погребении. Патологоанатомическое вскрытие умерших в стационаре трупов военнопленных должно было в обязательном порядке производиться в тех случаях, когда смерть произошла в первые 48 часов с момента госпитализации. А также тогда, когда лечащему врачу была не ясна причина смерти [5].

Для получения точных сведений об умерших 13 августа 1943 г. была издана директива НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». В ней утверждалась «Инструкция по оформлению документов персонального учета на умерших военнопленных в лагерях и госпиталях НКВД». Директивой предлагалось начальникам лагерей и госпиталей оформить персональный учет умерших за все время войны с тем, чтобы учетные данные совпадали с их реальным количеством. Для этого по каждому умершему собирались сведения, которые группировались в 10 различных списков [6].

Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей местах, 24 августа 1944 г. вышла директива ГУПВИ НКВД СССР «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось для захоронения умерших военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. Участки должны быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно быть пять рядов могил по пять могил в каждом ряду. В квадрате захоронения должны производиться, начиная с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо [7].

---

* **Мотревич Владимир Павлович** (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии.

Данная директива ГУПВИ НКВД СССР на местах исполнялась далеко не всегда. Это подтверждают результаты эксгумации останков военнопленных иностранных армий и интернированных, проводившихся нами в 1995–2010 гг. на территории Уральского региона. Так, в августе 1998 г. работы по эксгумации останков бывших военнослужащих венгерской армии были проведены на территории Новолялинского района Свердловской области, где были обнаружены два кладбища. Труднодоступный характер местности обусловил невозможность применения землеройной техники, и все работы проводились вручную. Оба кладбища сильно заросли травой, кустарником и деревьями, поэтому перед началом эксгумации для определения границ захоронений была осуществлена расчистка территории. После этого выяснилось, что на каждом кладбище просматриваются только три-четыре могилы. Применяемая при поиске остальных захоронений методика заключалась в пробивании неглубоких траншей и определении по вертикальному срезу участков перемешанного грунта, а также выявлению следов золы. Судя по датам смерти, большинство захоронений были зимними, и при копке могил для оттаивания грунта жгли костры.

Проведенная таким образом эксгумация показала, что все умершие были захоронены в гробах на глубине 1,2–1,8 м. Многие гробы хорошо сохранились, часть из них пришлось вскрывать. При этом выяснилось, что составляемые работниками НКВД кладбищенские схемы были недостаточно точными. Они часто давали лишь ориентировочные координаты как самого захоронения, так и расположенных на нем могил. Так, если на кладбище военнопленных в 88-м лесном квартале архивная схема расположения могил в целом соответствовала их реальному нахождению, за исключением одной, расположенной в десяти метрах в стороне, то в 54-м квартале – нет. Число рядов оказалось меньшим, чем это было указано на схеме. В первом из них находились останки не пяти, как это указывалось по схеме, а девяти человек. В результате в ходе эксгумационных работ были обнаружены останки 31 венгерского военнопленного из 32 числившихся по списку [8]. Кроме того, на практике во многих лагерях, особенно «лесных», разбивку на квадраты не производили и кладбища не огораживали.

На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, лучше всего из фанеры. На ней должны быть указаны в числителе номер могилы, и в знаменателе номер квадрата. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой. Такие стержни были установлены на кладбищах лагеря № 314 (г. Каменск – Уральский), лагеря № 102 в (г. Челябинск), спецгоспиталя № 2929 (г. Нижний Тагил) и др. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако это требование соблюдалось не всегда. В частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбищ военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области показала, что на дощечках вместо номеров указаны имя и фамилия захороненных на нем пленных. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере или лагерном отделении заводили кладбищенские книги. В нее вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата, в котором захоронен умерший. К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты, с указанием номеров квадратов и номеров имеющих могил. Дополнительно к этой книге и для оперативного поиска заводилась алфавитная книга. В нее на соответствующую букву заносились фамилия и имя умершего и его порядковый номер, под которым он записан в кладбищенской книге. Необходимо, чтобы на их территорию не проникал скот, чтобы эти знаки не растаскивались населением [9].

Следует отметить, что данная директива на местах выполнялась далеко не всегда. Поэтому в целях проверки и контроля 7 декабря 1945 г. была издана директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/74 «Об учете умерших военнопленных». В ней отмечалось, что в ряде случаев розыск могил умерших становится невозможным, так как отведенные под кладбища участки не охраняются, опознавательные знаки на могилах не устанавливаются, кладбищенские книги ведутся небрежно, а акты о смерти зачастую не содержат даже причин, вызвавших смерть военнопленного [10].

Обнаруженные нами в ходе поисковых работ места захоронения военнопленных и интернированных различаются по своим размерам. Они бывают от одиночных могил до крупных кладбищ, на каждом из которых было захоронено несколько тысяч человек. Однако большинство кладбищ военнопленных на Урале – средние по своим размерам. На них захоронено от 20 до 100 человек. На кладбищах имеются как индивидуальные, так и братские могилы. Братские захоронения характерны для военных, индивидуальные – для послевоенных лет, когда смертность в лагерях резко сократилась. Были, разумеется, и исключения. Так, в 1945 г. в Свердловской области в лагерях № 84, 231, 313, 504 умерших в результате эпидемии хоронили в братских могилах по 5–15 человек в каждой [11].

Погребению умерших военнопленных из состава Квантунской армии была посвящена специальная директива НКВД СССР № 201 от 14 ноября 1945 г. «О порядке погребения трупов военнопленных японцев». В ней отмечалось, что в связи с тем, что по национальному обычаю японцев трупы умерших подвергаются кремации, из отдельных областей поступили запросы о порядке погребения трупов военнопленных японцев. В директиве

разъяснялось, что захоронение трупов военнопленных японцев производить путем предания земле в соответствии с приказом НКВД № 001067 от 7 августа 1941 г. В смешанных лагерях, где содержались военнопленные германской и японской армий, захоронение умерших японцев требовалось производить отдельно, выделив для этого специальные участки [12].

Данная директива на местах, как правило, выполнялась. Этот факт подтвердили проводимые нами эксгумации останков умерших военнопленных японцев на территории Оренбургской и Свердловской областей. Основная часть военнопленных японцев была размещена на Дальнем Востоке, однако примерно полтысячи из них были направлены в Свердловскую область. Здесь они находились в составе отдельных рабочих батальонов МО СССР № 428 и № 435. За время нахождения в плену 54 японца умерли и были захоронены на семи кладбищах военнопленных, расположенных в различных городах и районах области. В августе 1995 г. на кладбище военнопленных спецгоспиталя № 2929 в поселке Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижний Тагил были проведены эксгумационные работы. В ходе эксгумационных работ выяснилось, что кладбищенская схема в основном соответствует месту захоронения. Это позволило обнаружить останки 17 из 18 захороненных японцев. Что касается еще одного военнослужащего японской армии, то в указанной на кладбищенской схеме могиле оказались останки европеоида. Вскрытие находившихся рядом могил, а также могил всех тех, кто умер в один день с разыскиваемым, не принесли ожидаемых результатов. Таким образом, на кладбище военнопленных для умерших японцев был выделен специальный участок, который был отмечен на кладбищенской схеме. Аналогичная картина наблюдалась и при эксгумации японцев на кладбище спецгоспиталя № 5888 в г. Медногорске Оренбургской области. Для умерших военнопленных японцев там также был выделен отдельный участок [13].

В послевоенные годы МВД СССР принимает ряд директив и распоряжений о мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях для пленных и интернированных, упорядочению учета умерших и содержанию мест их захоронения. Так, специальным распоряжением МВД СССР № 597 от 17 сентября 1947 г. министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД по краям и областям СССР предлагалось в период с 20 сентября по 20 октября 1947 г. проверить состояние всех кладбищ, где производилось захоронение умерших военнопленных и интернированных. При отсутствии неогражденных кладбищ или отсутствии опознавательных знаков, а также разрушенных холмиков самих могил принять срочные меры всех выявленных ненормальностей. Необходимо было проверить наличие на кладбища карт-схем захоронений, а также документов местных органов власти на занятие земельных участков. В случае отсутствия разрешения советских органов на занятие земельных участков требовалось добиться от них официального разрешения. В распоряжении прямо указывалось, что данная работа проводится в связи с возможностью посещения кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций [14].

В конце 1940-х гг. в связи с приближением сроков окончания репатриации, контроль за состоянием мест захоронений военнопленных и интернированных был передан городским и районным отделам МВД. Распоряжением МВД СССР № 324 от 24 мая 1949 г. кладбища военнопленных и интернированных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Для этого начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов должны были привести все кладбища в надлежащий порядок. Для этого необходимо было поправить ограды, опознавательные знаки, надгробные холмики и т.д. [15].

Тем не менее, несмотря на приведенные факты, на протяжении послевоенных лет, а часто и в 1960–1970-х гг. некоторые кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание данных захоронений. Среди них сохранились отчеты о состоянии данных кладбищ и затратах на их содержание [16].

Таким образом, после ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона его администрация передавала кладбище под надзор местных органов власти, о чем составлялся соответствующий акт. Так, на территории Свердловской области в мае – июне 1949 г. органами УМВД было проверено состояние 88 кладбищ. Они были приведены в порядок и переданы местным Советам. Документация по захоронениям должна была передаваться на хранение в архивы УМВД на правах совершенно секретной документации. Органы УМВД не должны были допускать занятия кладбищ военнопленных под посевы или строительство без специальной санкции МВД СССР. Следует отметить, что данное распоряжение было издано слишком поздно. В предыдущие годы, несмотря на многочисленные директивы, контроль за состоянием кладбищ военнопленных часто фактически не осуществлялся. В результате к этому времени многие кладбища были разрушены и перестали существовать. Поэтому к концу 1950-х гг. в СССР осталось немного кладбищ военнопленных, за которыми был организован надлежащий уход, и которые можно было показать иностранцам. Поэтому на просьбу руководства ГДР о передаче ему списка находящихся на территории Советского Союза кладбищ германских граждан, МВД СССР было готово предоставить информацию лишь о 50 кладбищах, на которых покоились останки около 30 тыс. немцев. Примерно также обстояло и с кладбищами, на которых были захоронены японцы [17].

Это, однако, не означало, что данные кладбища не сохранились. Проведенное нами в 1990-е гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории Уральского региона и прилегающих территорий показало, что и теперь, спустя 65 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранились. Причин этого несколько. Во-первых, Урал – это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации, в результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует учитывать состав населения края, источники его формирования, поскольку немалую часть жителей региона составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей по сравнению с более освоенными западными районами плотности населения на Урале многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

Таким образом, представляется, что в 1940-е гг. органам НКВД СССР удалось не только обеспечить детальный учет содержащихся в лагерях для военнопленных людей, но и подробно регламентировать порядок захоронения умерших иностранных граждан. Учет умерших военнопленных и интернированных был налажен значительно лучше, чем граждан собственного государства. Это позволяет и в настоящее время производить выборочные или массовые эксгумации и отправлять прах умерших в Советском Союзе людей на родину.

Источники и литература

1. Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 12.
2. *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 44–45.
3. РГВА. Ф. 1 а. Оп. 1 е. Д. 96. Л. 32–34.
4. Военнопленные в СССР. С. 25, 72.
5. Там же. С. 162.
6. Там же. С. 446–449.
7. РГВА. Ф. 1 е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.
8. *Мотревич В.П.* Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1999. С. 120.
9. Военнопленные в СССР. С. 462–463.
10. Там же. С. 479–480.
11. Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. д. 161. Л. 43.
12. Военнопленные в СССР. С. 447, 462–463.
13. *Мотревич В.П.* Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 469–471; *Мотревич В.П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. Екатеринбург, 1996. С. 86–88.
14. Военнопленные в СССР. С. 508.
15. Там же. С. 528.
16. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1905. Л. 3–21.
17. Военнопленные в СССР. С. 528–530.

Источниковедческие аспекты демографических исследований в фондах Архива Российской академии наук

Демография – наука не новая, ей уже более 300 лет. Но она все еще остается новой (в смысле — малоизвестной) наукой для большинства наших граждан. Демографическая история нашей страны имеет много пробелов: изучены не все еще имеющиеся в архивах материалы и не все источники информации введены в научный оборот. В последние годы положение в области изучения демографии меняется. Слова «демография», «демографический» в различных словосочетаниях теперь нередко можно встретить в газетах, услышать по радио или телевидению. Все это подчеркивает актуальность изучения истории демографии в России, так как реализация государственных мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в стране, невозможна без знания исторического опыта.

Архив Российской академии наук остается одним из крупнейших и старейших архивохранилищ России, в котором хранятся документы фондов личного происхождения выдающихся российских ученых и фондов учреждений Академии наук по истории отечественной науки, техники, культуры. В документальных комплексах Архива РАН сохранились источники по истории демографических исследований как в России, так и за рубежом [1]. Однако общий объем дел, хранящихся в архиве, превышает 500 тыс. единиц хранения, что ставит задачу поиска информации как первоочередную в обеспечении научных исследований.

С 2011 г. в архиве функционирует «Информационная система Архива РАН», которая позволяет пользователям в режиме удаленного доступа в сети Internet на сайте isaran.ru ознакомиться со списком фондов, реестром описей и каталогом к документам Архива РАН. Пользование электронным каталогом не предусматривает администрирования, поисковые образы не привязаны к классификаторам, словарям или рубрикам. Запрос в разделе «Каталог» базы данных осуществляется по ключевым словам в ограниченном только здравым смыслом. Работа с интерфейсом «Поиск по каталогу» не требует специальной подготовки, он привычен и удобен любому пользователю, знакомому с поиском в сети Internet. Кроме того, в Архиве РАН разработан программный модуль «Тайпер», предназначенный для набора заголовков дел описей и каталожных карточек на отдельные дела и документы с последующим экспортом данных в базу данных «Учет и каталог».

Наличие информационно-поисковой системы в Архиве РАН позволило выявить в автоматическом режиме ряд документов по истории демографических исследований. В фондах Коммунистической академии при ЦИК СССР и ее институтов сохранились документы об участии представителей советских научных учреждений в Международном демографическом конгрессе в Риме в сентябре 1931 г., в том числе тезисы доклада М.Н. Фалькнер-Смит на тему «Капиталистический закон народонаселения и современная безработица» [2].

Заслуживают внимания исследования специалиста в области экономической статистики Е.З. Волкова (1883–1942): «Динамика и основные черты закона населения в капиталистической России», «Гипотеза размещения населения по районам СССР», «Закон населения» и закономерности размещения народонаселения СССР в переходном периоде построения бесклассового общества», диаграммы и таблицы к работам о динамике народонаселения в СССР [3] и др.

В фонде Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР отложились программа, доклады, тезисы докладов и списки сотрудников института, принимавших участие во Второй Всемирной конференции ЮНЕСКО по народонаселению, которая проходила в 1965 г. в г. Белграде [4]. В 1968–1970 гг. на заседаниях Секции общественных наук Президиума АН СССР рассматривались вопросы об изучении народонаселения в стране: в 1971 г. по представлению Отделения экономики был создан Научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения СССР» АН СССР [5]. В 1976 г. на заседаниях Секции общественных наук Президиума АН СССР были заслушаны и обсуждены доклады члена-корреспондента АН СССР Т.В. Рябушкина «О состоянии и перспективах исследований демографических проблем», «Социально-экономические проблемы демографии и воспроизводства населения и трудовых ресурсов» [6].

Значительный интерес представляют научные исследования по демографии, которые проводились в Институте социологических исследований АН СССР: программа социологического исследования «Социально-демографические аспекты воспроизводства и распределения трудовых ресурсов», подготовленная Г.Н. Слесаревым (1970 г.); записка Г.Н. Слесарева, Д.И. Валентей и А.Я. Кваша «Предложения к социальной концепции

---

* **Киселев Михаил Юрьевич** (Москва) – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук, kiss_ran@mail.ru.

долгосрочного плана по проблемам социально-демографической структуры» (1971 г.), а также протоколы заседаний Отдела демографии института за 1978–1980 гг. [7].

По предложению Отделения истории АН СССР с 1985 г. начал работать Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической картографии. В фонде Отделения истории АН СССР сохранились научные доклады В.З. Дробышева, Ю.А. Полякова и Д.К. Шелестова «Историческая демография: проблемы изучения» (1982 г.), Д.К. Шелестова «История и демография: проблемы взаимодействия» (1986 г.) [8].

В фонде Отделения общественных наук АН СССР отложилась копия докладной записки Б.Я. Смудевича «К вопросу о современном положении демографии в СССР», направленная в ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. [9]. Следует отметить, что в 1933–1938 гг. Б.Я. Смудевич работал старшим научным сотрудником Института экономики Коммунистической академии при ЦИК СССР. В записке Б.Я. Смудевич отмечает отсталость русской дореволюционной демографии, которая, в отличие от западноевропейской демографии, шла по линии развития санитарной статистики и заключалась не во всестороннем изучении здоровья, а в собирании материалов о заболеваемости населения в отдельных земствах. Развитие же советской демографии, по мнению автора, пошло по двум путям: по линии государственной статистики и по линии органов здравоохранения, причем государственная статистика развивалась под руководством демографов, воспитанных на западноевропейской буржуазной демографии и по ее образцам. Ученый дает краткую характеристику положения в буржуазной демографии, которая в развернутом виде была опубликована в его научной работе [10].

В.Я. Смудевич отмечает успехи советской демографии: проведение ряда переписей населения, разработка номенклатуры причин смертей и болезней, развитие учета и статистики миграции и т.д. Одновременно, одним из основных недостатков он считает «недостаточное освоение накопленных материалов и неразработанность марксистской теории населения», что объясняется отсутствием демографического научно-исследовательского института, а также сосредоточением исследовательских и теоретических вопросов демографии в руках старых демографов буржуазной школы. Ученый критикует единственный учебник по демографии в СССР [11] и труды Демографического института Академии наук СССР [12], а также работу Демографического института Академии наук Украинской ССР.

В докладной записке ученый особенно тщательно рассматривает вопросы развития санитарной статистики: неприкосновенность теоретических и методологических основ земской санитарной статистики; организация статистики социального здоровья в СССР; статистика заболеваемости; разработка номенклатуры причин смертности и болезней. Одновременно автор отмечает проблемы научных исследований в области демографии: накопление больших статистических материалов (по естественному движению населения, физическому развитию призывников в армию, по заболеваемости с потерей нетрудоспособности по линии социального страхования, по физическому развитию грудных детей, школьников и подростков) и недостаточное его изучение, анализ, подготовка публикаций.

При рассмотрении задач советской демографии В.Я. Смудевич дает определение предмета демографии и демографического аспекта изучения здоровья, разграничивает демографию и санитарную статистику. В области теории он предлагает разработать марксистскую теорию населения. В научно-исследовательской работе, по мнению ученого, необходимо изучение структурных сдвигов в населении, процессов его воспроизводства. При разработке методики статистики он предлагает догнать западноевропейскую и американскую демографию и перенять у нее ряд методов. Для осуществления задач советской демографии ученый предлагает создать Демографический институт или самостоятельный отдел (сектор) в Институте экономики АН СССР, который работал бы во взаимодействии с Центральным управлением народнохозяйственного учета и Наркоматом здравоохранения и их учреждениями. В функции института (отдела) должны войти следующие направления исследований: теоретические (теория населения), социально-экономические, медико-санитарные, методический (математический), международно-конъюнктурный.

Однако автор признает, что в условиях крайнего недостатка кадров организация самостоятельного института является нецелесообразной. Он предлагает создать отдел демографии в Институте экономики АН СССР и включить в программу его работ исследования: «Проблемы населения СССР» (теоретико-исследовательское) Б.Я. Смудевич; «Сдвиги в населении СССР» (статистико-экономическое) М.В. Курман; сборник «Процессы воспроизводства населения СССР к 20-летию Советской власти» Б.Я. Смудевич, М.В. Курман, А.Б. Шевелев и др. Подготовка сборника, по мнению ученого, ставит задачи не только освещения одной из важнейших проблем населения и разработки методологии вопроса, но и как начало установления научных связей с рядом исследовательских институтов для создания платформы для коллективного обсуждения проблем населения.

Значительный интерес представляет разделение Б.Я. Смудевичем кадров в области демографии на специалистов с медицинским образованием и на специалистов с математическим образованием. К первым он относит: Б.Я. Смудевич (Академия наук СССР), А.Б. Шевелев (Центральное управление народнохозяйственного учета), С.А. Новосельский (Ленинградское управление народнохозяйственного учета), Л.С. Каминский (Госсанинспек-

ция и Всесоюзный институт экспериментальной медицины), П.А. Кувшинников (Институт гигиены Наркомздрава и 1 Московский медицинский институт), Г.А. Баткис (2 Московский медицинский институт и Научно-исследовательский институт гигиены им. Ф.Ф. Эрисмана), С.А. Томилин (Демографический институт Академии наук Украинской ССР), С.С. Каган (Институт социального здравоохранения. Среди специалистов с математическим образованием оперечислены: М.В. Курман (Центральное управление народнохозяйственного учета), О.А. Квиткин (Центральное управление народнохозяйственного учета), М.В. Птуха (Демографический институт Академии наук Украинской ССР), А.В. Корчак-Чепурковский (Госсанинспекция), А.П. Лебедев (Свердловское управление народнохозяйственного учета), Л.С. Бранд (Центральное управление народнохозяйственного учета), А.И. Гозулов (Ростовское управление народнохозяйственного учета). Примечательно, что себя Б.Я. Смуглевич относит к марксистам с теоретическим и экономическим уклоном, А.Б. Шевелева и М.В. Курмана – к марксистам с экономическим уклоном, Г.А. Баткиса – к марксистам с социально-гигиеническим уклоном.

Ученый также отмечал, что в вузах СССР нет ни одной кафедры демографии, а из-за отсутствия научно-исследовательской работы в области демографии специалисты вынуждены работать в медицинской практике, санитарной статистике или математическом образовании. Б.Я. Смуглевич считал, что для создания структурного подразделения по демографическим исследованиям необходима помощь Центрального комитета коммунистической партии, Академии наук СССР или ее института. Кадровый вопрос на первом этапе предполагалось решить за счет работы по совместительству ряда специалистов.

В заключение следует отметить, что в «Информационную систему Архива РАН» в настоящее время включено только 23% заголовков дел и документов от общего объема дел фондов, по которым проводится поиск. Для расширения информационных возможностей в 2011–2013 гг. создана и включена в систему база данных «Электронные описи Архива РАН», которая позволяет исследователям читального зала Архива РАН и пользователям сети Интернет просматривать и изучать заголовки дел в режиме реального времени. Одновременно расширилась источниковедческая база для поиска в Архиве РАН информации по историко-демографическим исследованиям. Документальные комплексы по истории демографических исследований, хранящиеся в Архиве РАН, можно использовать как в научно-исследовательской работе, так и образовательной практике.

Источники и литература

1. Киселев М.Ю. Источниковедческая база по исторической географии в фондах Архива РАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции (Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г.). М.: РГГУ, 2013. Ч. II. С. 346–349.
2. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 495–497; Ф. 351. Оп. 1. Д. 96.
3. Архив РАН. Ф. 619. Оп. 1. Д. 22–42.
4. Архив РАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 434–438.
5. Архив РАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 137.
6. Архив РАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 223, 224.
7. Архив РАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 272, 313, 346, 350; Оп. 2. Д. 19, 40.
8. Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 744, 766.
9. Архив РАН. Ф. 394. Оп. 1(1936). Д. 13. С. 43–63.
10. Смуглевич Б.Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.; Л.: Соцгиз, 1936.
11. Уипль Д.В., Новосельский С.А. Основы демографической статистики. М.: Медгиз, 1929.
12. Труды Демографического института. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1.

Региональные законы роста населения

Общеизвестны следующие результаты исторической демографии.

Формула фон Фёрстера для населения Земли (1960) $N = C/(T_0 - T)$ (1)

Уравнение Капицы для населения Земли (1999 г.) $dN/dt = N^2/C$ (2)

где N – население Земли, $C = 200$ млрд. человеколет, $T_0 = 2025$ г.

Константа $T_0 = 2025$ г. – момент обострения (уход величины N в бесконечность) – граница адекватности этих моделей, так как в реальности такого «обострения» быть не может. Смысл константы C до сих пор неизвестен. Известные интерпретации этой величины неудачны [1]. Предлагаемое исследование – попытка выяснения смысла константы C , входящей в эти формулы. Таблица 1 содержит необходимые демографические данные [2].

Таблица 1

Население Западной Европы (ЗЕ), Азии (Аз), Африки (Аф) Америки (Ам), Австралии и Океании (АО) в миллионах по [1]

Дата	1/N ЗЕ	N ЗЕ	1/N Аз	N Аз	1/N Аф	N Аф	1/N Ам	N Ам	1/N АО	N АО
0	0,028571	35	0,016667	60	0,033333	30	0,25	4	1	1
1000	0,023256	43	0,005128	195	0,025	40	0,066667	15	0,666667	1,5
1500	0,013333	75	0,003846	260	0,016667	60	0,037037	27	0,4	2,5
1650	0,012195	82	0,00303	330	0,01	100	0,066667	15	0,333333	3
1800	0,00625	160	0,001613	620	0,011111	90	0,033333	30	0,5	2
1850	0,004878	205	0,001266	790	0,009091	110	0,015385	65	0,4	2,5
1900	0,00339	295	0,001053	950	0,007692	130	0,006897	145	0,166667	6

Представим уравнение фон Фёрстера (1) в виде $N^{-1} = -C^{-1}T + T_0 C^{-1}$

Это уравнение прямой, которая для Европейской России показана на рис.1. Величины C_p и T_p соответствуют константам C и T_0 . Точка обострения T_p , как видим, не очень отличается от T_0 , а C_p значительно меньше мировой величины C , что вполне понятно. Однако, если разбить весь период исследования роста населения Европейской России на две части: до 1650 г. и после 1650 года, то результаты будут заметно различаться. Это видно и на рис. 1, и в табл. 1. Более того, видно, что между 1500 и 1800 годами Африка, Америка, Австралия и Океания перетерпели значительную убыль населения, которую затем быстро наверстали. Это, очевидно, связано с проникновением европейцев в эти районы и их колонизацией.

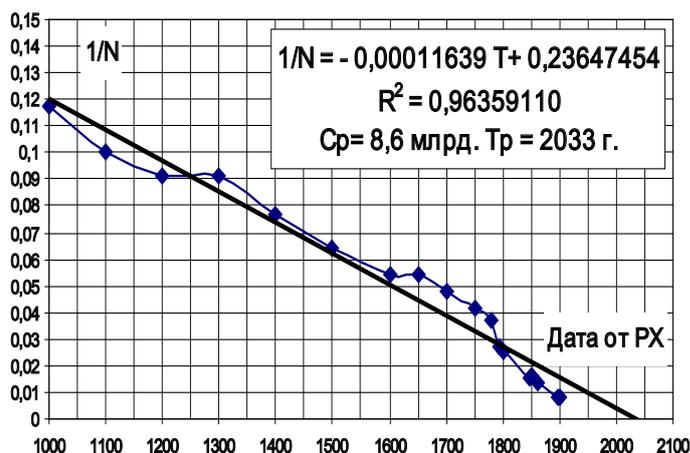

Рис. 1. Величина $1/N$ и параметры роста населения в Европейской России с 1000 по 1900 г.

* Воробьев Владимир Анатольевич (Архангельск) – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры программирования и высокопроизводительных вычислений Института математики, информатики и космических технологий Северного (Арктического) федерального университета, vva100@atnet.ru.

Мы провели вычисления, представленные на рис. 1, для всех крупных частей света и получили значения $C_{\text{рег}}$ и $T_{\text{рег}}$ с хорошим уровнем достоверности R^2 . Результат представлен в табл. 2.

Таблица 2

Региональные параметры роста населения с 1000 по 1900 г.

Регион	С 1000 по 1650 г.		С 1650 по 1900 г.	
	$C_{\text{рег}}$ млрд. ч-л	$T_{\text{рег}}$ год	$C_{\text{рег}}$ млрд. ч-л	$T_{\text{рег}}$ год
Весь Мир	370	2230	189	2012
Европейская Россия	10,5	2200	5	1934
Зарубежная Европа	45	2086	29	1995
Америка	6,6	1615	4	1922
Зарубежная Азия	327	2690	122	2013
Африка	46,6	2186	29,2	2122
Австралия и Океания (с 1800 г.)	5,4	2284.	3	1957

Как видим, Новое Время привело к уменьшению величины C почти в два раза во всех районах мира, а региональные «точки обострения» приблизились на несколько сотен лет ближе к 2000 г. Исключение составляет только Доколумбова Америка, где точка обострения меньше на 300 лет. Возможно, что просто неверна оценка [2] численности населения Доколумбовой Америки.

Подведем итоги.

1. Параметр C , как это следует из уравнения Капицы (2), – фактор, замедляющий технический прогресс. Чем больше C , тем медленнее рост ёмкости экологической ниши региона и, следовательно, населения. Такое ограничение населения производством и ёмкостью экологической ниши мы ранее называли *экологическим барьером*, который ограничивал население в эпоху *экологического дефицита* вплоть до 1975 г. [1].

2. Величина C не является ни ёмкостью биоты, ни каким-либо другим параметром природной среды для изучаемой части света или всего мира. Параметры природы не могли бы уменьшиться в 2 раза за 100–150 лет перехода человечества от традиционного производства к индустриальному.

3. Параметр C , возможно, и содержит в себе что-то от природы, но основной вклад в его величину дают человеческие качества – способность людей к поиску и внедрению новых технологий. Так после 1975 г., в эпоху *экологической паузы*, рост населения снижается уже не экологическим дефицитом, а *информационным барьером*, связанным с длительным обучением и растущими потребностями [1].

4. Европейский прорыв в Новое Время связан, по-видимому, не с какими-то особыми достоинствами европейцев, а с совпадением подходящих фаз европейского этногенеза, христианства, ренессанса и реформации с достаточным уровнем развития производительных сил Европы.

Источники и литература

1. Воробьёв В.А., Березовская Ю.В. Математические модели исторических процессов // Прикладная дискретная математика. 2012. № 2.
2. Народонаселение стран мира. Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса. М.: Статистика, 1978.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2013 г.

2013, № 1 (11)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Мурыгин А.М. (Сыктывкар). Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н. э.). С. 4–10.

Ривчак К.В. (Москва). Влияние Датского завоевания 1016 года на этническую ситуацию в Англии. С. 11–13.

Багин А.Л., Кленов М.В. (Сыктывкар). Пермь вычегодская. Реальность и миф историографизма. С. 14–17.

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар), **Исупов В.А.** (Новосибирск). Переселения коми в Сибирь и на Дальний Восток в конце XVI – XVII в. С. 18–29.

Борисов А.А. (Якутск). Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной и Южной Сибири в XVII–XIX вв. С. 30–36.

Желтов А.А. (Вологда). Воздействие культуры питания и пищевых новаций начала XX века на здоровье населения Вологодской губернии. С. 37–42.

Безносова Н.П. (Сыктывкар). Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы. С. 43–48.

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах. С. 49–55.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Демографическая ситуация и демографическое поведение русских старообрядцев в Америке. С. 56–59.

Антипова Е.А. (Минск). Современная динамика возрастной структуры населения Беларуси. С. 60–64.

Поздеев И.Л. (Ижевск). Молодежь Удмуртской Республики: модели демографического поведения. С. 65–69.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Исупов В.А. (Новосибирск), **Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. С. 70–78.

Сивцева С.И. (Якутск). О Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 годов в Якутии. С. 79–81.

Чернышева Н.В. (Киров). Неопубликованные источники по изучению населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны. С. 82–84.

Малкова Т.А. (Сыктывкар). Колонизация Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX в. (по материалам журнала «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера»). С. 85–88.

Попов С.А. (Сыктывкар). Памятные книжки как источник по истории населения Коми края второй половины XIX в. С. 89–91.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Белов А.В. (Москва). Историческая география – эволюция научного направления (этапы, тенденции, новообразования). С. 92–99.

Рахимбекова А.К. (Астана). Колонизация как историко-географическая проблема: на примере Казахстана (к вопросу методологии). С. 100–103.

Коновалова И.Г. (Москва). Средневековые арабские географические сочинения: Методики анализа и перевода данных на современную карту. С. 104–107.

Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. (Сыктывкар). Установление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920–1960-е гг. С. 108–113.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Королев К.С. (Сыктывкар). Заселение средней Вычегды в XI–XIII вв. (национальный и демографический аспект). С. 114–116.

Нефедов С.А. (Екатеринбург). О динамике смертности в 1927–1939 годах. С. 117–118.

Кузьминых А.Л. (Вологда). Смертность военнопленных и интернированных в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области в 1943–1949 гг. С. 119–120.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Международные научные форумы по исторической демографии и исторической географии в Сыктывкаре. С. 121–122.

Содержание журнала «Историческая демография» за 2012 г. С. 123–124.

2013, № 2 (12)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Тимушева И.М. (Сыктывкар). Население бассейна Вычегды в эпоху энеолита. С. 4–6.

Королев К.С. (Сыктывкар). Средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской (попытка демографической реконструкции). С. 7–11.

Васина Т.А. (Ижевск). Демографические процессы в Пудемском заводе в конце XVIII – середине XIX в. С. 12–18.

Попов С.А. (Сыктывкар). Миграционные процессы в Коми крае в начале XX в. (на примере Кажимских заводов). С. 19–21.

Головлёв А.А. (Самара). Русское население в бассейне среднего и нижнего Терека: прошлое и настоящее. С. 22–27.

Бондаренко О.Е. (Сыктывкар). Куйское сельское общество Архангельской губернии (по материалам переписи 1897 г.). С. 28–33.

Исупов В.А. (Новосибирск). Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории. С. 34–36.

Безносова Н.П. (Сыктывкар). Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. С. 37–40.

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми. С. 41–44.

Нисковский А.А. (Сыктывкар). Демографические процессы в Коми крае в 1920–1950-е гг. С. 45–48.

Лапин Г.В. (Сыктывкар). Формирование состава населения бассейна реки Вымь (Коми АССР) в 1930-е гг. С. 49–51.

Иванов А.С. (Сургут). Численность калмыков в Омской и Тюменской областях (1944–1959 гг.). С. 52–56.

Максимова Л.А. (Сыктывкар). Взаимоотношения между мигрантами и коренным населением на территории Коми АССР в 1930–1950-е гг. С. 57–60.

Кузьминых А.Л. (Вологда). Захоронения военнопленных и интернированных Второй мировой войны: региональный аспект. С. 61–64.

Сивцева С.И. (Якутск). Демографическая история Якутии. XX век. С. 65–68.

Кузнецова Я.А. (Новосибирск). Динамика этнодемографических процессов в Республике Бурятия в 1980–1990-е гг. С. 69–72.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Обедков А.П. (Сыктывкар). Вековая динамика городского населения и особенности российской урбанизации. С. 73–81.

Фадеева Е.В. (Владивосток). Демографическая характеристика семьи негидальцев. С. 82–84.

Преминина Я.К. (Архангельск). Демографическая ситуация на Европейском Севере России в конце XX – начале XXI в. С. 85–89.

Новик А.Н. (Москва). Демографическая ситуация в Сербии в начале XXI века: тенденции и региональные различия. С. 90–95.

Новоселов В.С. (Москва). Демографические стереотипы и демографическая политика. С. 96–103.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Кропачев С.А. (Краснодар). Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв. С. 104–109.

Шарабарина С.Г. (Кострома). Изучение финно-угорской культуры Костромского Поволжья в трудах исследователей XVIII – первой половины XIX в. С. 110–111.

Малкова Т.А. (Сыктывкар). Документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН о проектах переброски северных рек на юг: историко-демографический аспект. С. 112–115.

Желтов А.А. (Вологда). Наследственная непереносимость пищевых продуктов среди этносов мира. С. 116–124.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Вшивцева Ю.В. (Краснодар). Демографические процессы в Краснодарском крае в 1930-х – первой половине 1940-х гг. С. 125.

Гаева И.В. (Биробиджан). Ретроспективный анализ структуры расселения Еврейской автономной области. С. 125.

Ермакова Е.Е. (Тюмень). Сакральная география: выбор почитаемого места ижемскими переселенцами на территории Нижнего Приобья. С. 126–127.

РЕЦЕНЗИИ

Исупов В.А. (Новосибирск). [Рец.] **Вишнякова Д.В.** *Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в.* / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2012. 164 с. С. 128–129.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). V Всероссийский симпозиум с международным участием. С. 130–131.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 132–133.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п., даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

ISSN 2304-5922

9 772304 592116 >

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 11,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 43.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.